

Историческая и социально-образовательная мысль

Historical and Social Educational Ideas

ТОМ 7 № 7 часть 1

2015

Электронная версия: <http://www.hist-edu.ru>
<http://www.akademus07.ru>

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ № 13-6518 от 01.12.2015 г. журнал «Историческая и социально-образовательная мысль» включен в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Журнал «Историческая и социально-образовательная мысль» является членом международной ассоциации PILA (Publishers International Linking Association). Статьям журнала «Историческая и социально-образовательная мысль», начиная с № 6 2014 г. присваиваются уникальные буквенно-цифровые идентификаторы DOI (Digital Object Identifier).

Редакция журнала является членом АССОЦИАЦИИ
НАУЧНЫХ РЕДАКТОРОВ И ИЗДАТЕЛЕЙ (АНРИ)

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС77-37035
от 4.08.2009

ISSN 2075-9908 (Print)
ISSN 2219-6048 (Online)

Главный редактор

В.А. Штурба
д. и. н., профессор

Ответственный научный редактор

Е.В. Штурба
д. и. н., профессор

Научный редактор

Т.А. Халилов

Заведующий редакцией

Н.В. Вавилкина

Редактор электронной версии

А.М. Литвинов

Редакторы англоязычных текстов

Э.Х. Бакирова
Т. А. Деккер
Т.А. Халилов

Корректор

А.Ф. Мишина

Журнал размещается в национальной информационно-аналитической системе **РИНЦ** (Российский индекс научного цитирования) Российской научной электронной библиотеки
<http://elibrary.ru/issues.asp?id=29001>

Все права защищены. Ни одна часть этого издания не может быть занесена в память компьютера либо воспроизведена любым способом без предварительного письменного разрешения издателя.

Рукописи рецензируются. Учредитель и издатель предупреждают авторов о юридической ответственности за несанкционированное использование чужих авторских прав.

АДРЕС РЕДАКЦИИ

350080, Россия, г. Краснодар, мкр. Пашковский, ул. Заводская, 32, к. 301.

Редакция журнала «Историческая и социально-образовательная мысль»

Тел/факс: 8 861 237-62-19

E-mail: akademus07@rambler.ru

Учредители:

Кубанская многопрофильная Академия подготовки, переподготовки и повышения квалификации специалистов;
Северо-Кубанский гуманитарно-технологический институт

Historical and Social Educational Ideas

TOM 7 № 7 part 1

2015

Web version address: <http://www.hist-edu.ru>
<http://www.akademus07.ru>

The Academic Journal «Historical and Social-Educational Ideas» has entered into the list of academic periodicals under review (those intended to publish the summaries on the study' outcomes, upon the theses nominated for Doctoral Degrees or the Candidate' standing), with the Resolution No 13-6518 by the Supreme Attesting Commission Panel under the Russian Federation' Ministry of Education and Science, issued on December 01 th, 2015.

The journal «*Historical and Social-Educational Ideas*» is member of the International Association PILA (Publishers International Linking Association). Unique alphabetic-digital identifiers DOI (*Digital Object Identifier*) are assigned to the articles of the journal *Historical and Social-Educational Ideas*, starting from its issue N 6, 2014.

Editorial Board member of the ASSOCIATION OF SCIENCE
EDITORS AND PUBLISHERS (ASEP)

Certificate of Incorporation:

ПИ No ФС77 - 37035
of August 4th, 2009

ISSN 2075-9908 (Hard Copies)

ISSN 2219-6048 (Web Online Version)

Editor-in-Chief:

V.A. Shturba,
Ph.D. in History, Professor.

Executive Scientific Editor

E.V. Shturba,
Ph.D. in History, Professor.

Research Supervisor:

T. Khalilov

Head of Editorial Board:

N.V. Vavilkina

Web layout Designer:

A. Litvinov

***Editors for the
English Wording:***

E. Bakirova
T. Dekker
T. Khalilov

Proofreader:

A.F.Mishina

The Journal is located at the nationwide data analysis framework of the Russian Federation Academic Citation Index operated by the Russian Research E-Library.

<http://elibrary.ru/issues.asp?id=29001>

All rights reserved. No part to this publication may be stored at the outsider computer memory nor reproduced by any means, without the prior written permission by the Publisher.

The author's copies shall be subject to review. Both the Promoters and the Publisher notify the authors about legal liability for unauthorized use of another author's rights.

OFFICE ADDRESS:

32 Zavodskaya Str., Apt.301, Pashkovsky micro-distr.,
Krasnodar city, 350080 RUSSIA
Journal «Historical and Social educational idea's»
Editorial Office
Phone/fax: 8 861 237-62-19
E-mail: akademus07@rambler.ru

Incorporators:

Kuban Region Multi-Sector Academy of Vocational Training and Upgrading and Advanced Training of Specialists;
Northern Kuban Region Institute for the Humanities and Technologies

Редакционная коллегия

Главный редактор

Штурба Виктор Александрович - доктор исторических наук, профессор, почетный профессор Кубанского государственного университета, Член Диссертационного совета (по педагогике и истории), Член-корреспондент Российской академии естественных наук, Член Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ), Отличник Народного Просвещения РФСР, Отличник Образования Высшей Школы,
Краснодар. Россия

Бедерханова Вера Петровна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной работы, психологии и педагогики высшего образования Кубанского государственного университета (КубГУ).
Краснодар. Россия

Гребенникова Вероника Михайловна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики и психологии, декан факультета педагогики, психологии и коммуникативистики КубГУ.
Краснодар.Россия

Зотов Сергей Николаевич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры литературы, Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) ФГБОУ ВПО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)»,
Таганрог. Россия

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор. заведующий кафедрой истории и культурологии, Кубанского государственного университета (КубГУ).
Краснодар. Россия

Микерова Галина Жоршовна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики и методики начального образования Кубанского государственного университета. Заслуженный учитель РФ, член-корреспондент Российской Академии Естествознания,
Краснодар. Россия

Попов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры философии и социологии Краснодарского университета МВД России.
Краснодар. Россия

Турицын Игорь Викторович, доктор исторических наук, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории Московского педагогического университета им. В.И. Ленина, президент НИИ истории, экономики и права. Главный редактор научного журнала «Современная научная мысль»,
Москва, Россия

Факторович Александр Львович, доктор филологических наук, профессор кафедры истории и правового регулирования массовых коммуникаций Кубанского государственного университета,
Краснодар, Россия

Штурба Евгений Викторович, доктор исторических наук, профессор, профессор Кафедры педагогики и психологии Кубанского государственного университета,
Краснодар. Россия

Editorial Board

Editor-in-chief

Sturba Viktor Aleksandrovich - Doctor of historical Sciences, Professor, honorary Professor, Kuban state University, Member of the Dissertation Council (pedagogy and history), Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, a member of the association of science editors and publishers (ASEP), Excellence in Public Education of Russia / USSR, Graduate School of Excellence in Education
Krasnodar. Russia

Bederkhanova Vera Petrovna, Doctor of Pedagogics, Professor, Head of the Department of Social Work, Psychology and Higher Education Pedagogics of Kuban State University.
Krasnodar. Russia

Grebennikova Veronika Mikhailovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of Department of Pedagogy and Psychology, Dean of the Faculty of Pedagogy, Psychology and Communication, Kuban State University
Krasnodar. Russia

Zotov Sergei, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor, Department of Literature, Chekhov Taganrog Institut, the branche of Rostov State University of Economics.

Taganrog. Russia

Kasyanov Valeriy Vasilevich Doctor of Sociology, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of History and Cultural Studies of Kuban State University,
Krasnodar. Russia

Mikeroval Galina Zhorshevna, Doctor of Pedagogics, Professor, Head of the Department of Primary School of Kuban State University. Honored teacher of the Russian Federation, Corresponding Member of Russian Academy of Natural Sciences,
Krasnodar. Russia

Popov Mikhail Yurievich, Doctor of Sociology, Professor, Professor of Department of Philosophy and Sociology of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
Krasnodar. Russia

Turitsyn, Igor Viktorovich, Doctor of History, Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of Chair of Russian History at Moscow Pedagogical University. V.I. Lenin, President, History, Economics and Law Research Institute (HELRI). Chief editor of the Scientific journal «Современная научная мысль»,
Moscow, Russia

Faktorovich Alexander Lvovich, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of History and Legal Regulation Mass Communications, Kuban state University,
Krasnodar, Russia

Sturba Evgeny Viktorovich, Doctor of History, Professor, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology, Kuban state University,
Krasnodar. Russia

Редакционный Совет**Председатель Редакционного Совета**

Волков Юрий Григорьевич, заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, действительный член академии социальных наук России, директор Института по переподготовке и повышению квалификации Южного федерального университета, заведующий кафедрой социологии, политологии и права (ИППК ЮФУ)

Ростов на Дону. Россия

Абрамов Валерий Петрович, заслуженный деятель науки РФ, доктор филологических наук, профессор, академик Академии педагогических и социальных наук, академик Российской академии естественных наук, член правления президиума РОПРЯЛ, декан филологического факультета заведующий кафедрой русского языка как иностранного Кубанского государственного университета (КубГУ)

Краснодар.Россия

Астанина Лариса Викторовна, доктор исторических наук, профессор, Ректор, Московский Институт Современного Академического Образования (МИСАО)

Москва. Россия

Бирюков Павел Николаевич, доктор юридических наук профессор, заведующий кафедрой. международного и европейского права Воронежского государственного университета

Воронеж. Россия

Бугай Николай Федорович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, действительный государственный советник Российской Федерации III класса.

Москва. Россия

Бунимович-Мендражицкая Светлана Юрьевна, доктор философских наук, доктор математика - биологических наук, профессор кафедры «Компьютерные науки и Математика». Ариэльский Университет.

Тель - Авив. Израиль.

Вашенко Александр Николаевич, доктор экон. наук, профессор, профессор кафедры экономики и управления Волгоградского института бизнеса, главной редактор журнала «Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса»

Волгоград. Россия

Гардабхадзе Ирина Анатольевна, доцент, профессор кафедры дизайна одежды Киевского Национального Университета Культуры и Искусств (КНУКИМ)

Киев. Украина

Гомулка Кристина, профессор, доктор наук, факультет Менеджмента и экономики Гданьского политехнического университета,

Гданьск, Польша

Editorial Council**Chairman Of The Editorial Board**

Volkov Yuriy Grigorievich, Honored Scientist of RF, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, full member of the Academy of social Sciences, Director of the Institute for retraining and professional development of the southern Federal University, head of Department of sociology, political science and law (Institute SFU)

Rostov-on-Don. Russia

Abramov Valeriy Petrovich, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Doctor of Philological Sciences, Professor, Academician of Academy of Pedagogical and Social Sciences, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Member of the Board of the Presidium of the РОПРЯЛ. Dean of philological faculty, Head of the Department of Russian as a Foreign language Kuban state University.

Krasnodar. Russia

Astanina Larisa Viktorovna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Rector of Moscow Institute of Modern Academic Education

Moscow. Russia

Biryukov Pavel Nikolaevich, Doctor of law, Professor, Head of the Department International and European law of the Voronezh State University

Voronezh. Russia

Bugai Nikolai Fedorovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher at the Institute of Russian history RAS, Full State Counselor of the Russian Federation, Class III.

Moscow. Russia

Bunimovich-Mendrazitsky Svetlana, Doctor of Philosophical Sciences, Doctor of Mathematics of Biological Sciences, Professor of the Department of Computer Science and Mathematics, Ariel University,

Tel-Aviv. Israel

Vashchenko Aleksandr Nikolaevich, Doctor of Economics. Sciences, Professor, Professor, Department of Economics and Management, Volgograd Institute of Business, Editor in Chief of «Business. Education. Right. Bulletin of the Volgograd Institute of Business»

Volgograd. Russia

Gardabkhadze Iryna Anatolievna, Associate Professor, Professor of Fashion Design Department, Kiev National University of Culture and Arts

Kiev. Ukraine

Gomyika Krystyna, Doctor of Science, Professor, Department of Economics and Management, Gdansk Polytechnic University

Gdansk, Poland

Грушевский Сергей Павлович, доктор педагогических наук, профессор, декан факультета математики и компьютерных наук, заведующий кафедрой информационных образовательных технологий Кубанского государственного университета (КубГУ).

Краснодар. Россия

Догнал Йосеф, кандидат философских наук, доцент Кафедры русистики Философского факультета Университета им. св. Кирилла и Мефодия, г. Трнава (Словацкая Республика), Институт славистики Философского факультета Университета им. Масарика, г. Брно (Чешская Республика)

Брно. Чешская Республика

Невский Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России

Москва. Россия

Пусько Виталий Станиславович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политологии МГТУ им. Н.Э. Баумана

Москва. Россия

Ратушняк Валерий Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный деятель науки Кубани, действительный член Академии социальных наук, член-корреспондент Международной Академии высшей школы, заведующий кафедрой дореволюционной отечественной истории Кубанского государственного университета (КубГУ)

Краснодар. Россия

Токтосунова Адаш Искандеровна, доктор политических наук, профессор, профессор Восточного университета им. Махмуда Кашгари, консультант-эксперт Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ (МФГС) от Кыргызской Республики.

Бишкек. Кыргызстан

Чепель Татьяна Леонидовна, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии и педагогики Новосибирского государственного педагогического университета, действительный член Академии прогнозирования (Российское отделение Международной академии исследования будущего)

Новосибирск. Россия

Grushevsky Sergei Pavlovich, Doctor of Pedagogics, Professor, Dean of Faculty of Mathematics and Computer Sciences, Head of the Department of Information Technology in the Sphere of Education of Kuban State University.

Krasnodar. Russia

Dohnal Josef, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Russian Studies Faculty of Philosophy University. St. Cyril and Methodius in Trnava (Slovak Republic), Institute of Slavic Studies Faculty of Philosophy University. Masaryk, Brno (Czech Republic)

Brno. Slovak Republic

Nevskiy Sergei Aleksandrovich, Doctor of Law, Professor, National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation, Chief Researcher

Moscow. Russia

Pusko Vitaly Stanislavovich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Political Science MGTU of AD Bauman

Moscow. Russia

Ratushnyak Valery Nikolaevich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored Science Worker of the Kuban, the Honored worker of a Science of the Russian Federation, Member of the Academy of Social Sciences, Member-correspondent of the International Academy of Higher School, Head of the Department of Pre-revolutionary Russian History of the Kuban state University,

Krasnodar. Russia

Toktosunova Adash Iskanderovna, Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Eastern University Mahmud Kashgari, Expert Consultant of the Interstate Fund for Humanitarian Cooperation of CIS Member States (MFGS) from the Kyrgyz Republic.

Bishkek. Kyrgyzstan

Chepel Tatyana Leonidovna, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Professor of the Pedagogics and Psychology of the Novosibirsk State Pedagogical University, Member of the Academy of Forecasting (The Russian branch of the International Academy of Research for the future)

Novosibirsk. Russia

СОДЕРЖАНИЕ	CONTENTS
Исторические науки и археология	Historical Sciences and Archaeology
БУГРОВ К. Д., Екатеринбург, Россия КОЛЛЕКТИВНЫЙ АКТОР ИЛИ РИТОРИЧЕСКАЯ ФИГУРА? «ДВОРЯНСТВО» И «ГОСУДАРСТВО» В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ XVIII в.	11 BUGROV K. D., Yekaterinburg, Russia COLLECTIVE ACTOR OR RHETORIC FIGURE? «THE NOBILITY» AND «THE STATE» IN POLITICAL PROCESS OF THE 18 th CENTURY IN RUSSIA
ПОПОВ М. Ю., УПОРОВ И. В., ШТУРБА Е. В., Краснодар, Россия МЕСТНЫЕ СОВЕТЫ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ В «СТАЛИНСКОЙ» КОНСТИТУЦИИ СССР (1936 г.) И ИХ ПОСЛЕДУЮЩЕЕ ОРГАНИЗАЦИОННО- ПРАВОВОЕ РАЗВИТИЕ ДО «БРЕЖНЕВСКОЙ» КОНСТИТУЦИИ СССР (1977 г.)	22 POPOV M. U, UPOROV I. V, STURBA E. V., Krasnodar, Russia LOCAL COUNCILS OF PEOPLE'S DEPUTIES IN THE «STALIN» CONSTITUTION OF THE USSR (1936) AND THEIR SUBSEQUENT ORGANIZATIONAL AND LEGAL DEVELOPMENT UP TO THE «BREZHNEV» CONSTITUTION OF THE USSR (1977)
ХОТКО С. Х., г. Майкоп, (Республика Адыгея), Россия ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ ОБ ИНАЛЕ И ИХ СВЯЗЬ С ЛЕГЕНДАРНЫМИ ВЕРСИЯМИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЧЕРКЕССКИХ МАМЛЮКОВ	29 KHOTKO S. KH., Maikop, (Republic of Adygheya), Russia GENEALOGICAL LEGENDS ABOUT INAL AND THEIR RELATIONSHIP WITH THE LEGENDARY VERSIONS OF THE ORIGIN OF THE CIRCASSIAN MAMELUKES
Социологические, философские и политологические науки	Sociological, Philosophical and Political Science
ГАБРИЕЛЯН А. А., Ереван, Армения СТЕПЕНЬ ВЛИЯНИЯ СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ПОСТСОВЕТСКУЮ РОССИЙСКУЮ ПОЛИТИКУ	41 GABRIELIAN A. A., Yerevan, Armenia THE DEGREE OF THE SOVIET POLITICAL CULTURE'S AFFECT ON THE POST-SOVIET RUSSIAN POLITICS
ГОМУЛКА К., Гданьск, Польша РЕАЛИЗАЦИЯ ИНИЦИАТИВ «ВОСТОЧНОГО ПАРТНЕРСТВА» В АЗЕРБАЙДЖАНЕ	46 GOMOLKA K., Gdansk, Poland IMPLEMENTATION OF THE EASTERN PARTNERSHIP INITIATIVE IN AZERBAIJAN
ХАЛИЛОВ Т. А., Краснодар, Россия РОЛЬ БИЗНЕС-СУБЪЕКТОВ В ПРОЦЕССЕ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	56 KHALILOV T. A., Krasnodar, Russia ROLE OF BUSINESS-SUBJECTS IN DEMOCRATIZATION PROCESS OF CONTEMPORARY RUSSIA
Социологические и психологические науки	Sociological and Psychological Science
SPULBER D., Генуя, Италия ГРЕБЕННИКОВА В. М., Краснодар, Россия НИКИТИНА Н.И., Москва, Россия СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ «СЧАСТЛИВОЙ СТАРОСТИ» И ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ СЛУЖБ В ЕЕ ОБЕСПЕЧЕНИИ	67 SPULBER D., Genoa, Italy GREBENNIKOVA V. M., Krasnodar, Russia NIKITINA N. I., Moscow, Russia SOCIO-PSYCHOLOGICAL ASPECTS "HAPPY OLD AGE" AND OPPORTUNITIES OF SOCIAL SERVICES IN ITS PROVISION
ТЕМНИКОВА Л. Б., Краснодар, Россия МЕДИАДИСКУРС КАК ОБЪЕКТ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В АНГЛИЙСКИХ НАУЧНЫХ ЖУРНАЛАХ	76 TEMNIKOVA L., Krasnodar, Russia MEDIA DISCOURSE AS AN OBJECT OF INTERCULTURAL COMMUNICATION IN ENGLISH SCIENTIFIC MAGAZINES

ХАЛИНА Н.В., ПОЗДНЯКОВ С. А.,
 Славянск-на-Кубани, Россия
 РАЗРАБОТКА ОПРОСНИКА ДЛЯ ИЗМЕРЕНИЯ
 ФАКТОРОВ ЗНАЧИМОСТИ ПОЖИЛОГО КАК
 ДРУГОГО ДЛЯ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ

85

KHALINA N. V., POZDNIAKOV S. A.,
 Slavyansk-on-Kuban, Russia
 DEVELOPMENT OF QUESTIONNAIRE FOR
 MEASURING FACTORS OF SIGNIFICANCE OF
 AN ELDERLY PERSON AS ANOTHER FOR THE
 YOUNGER GENERATION

Образование и педагогические науки

Education and Pedagogical Sciences

СОГОЯН С.С.,
 Гюмри, Армения,
 ПРИМЕНЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ И
 ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБУЧЕНИИ
 ИНФОРМАТИКЕ В ШКОЛЕ

103

SOGHOYAN S. S.,
 Gyumri, Armenia
 THE APPLICATION OF INFORMATION AND
 PEDAGOGICAL TECHNOLOGIES IN TEACHING
 INFORMATICS AT SCHOOL

Информация

111

Information

***Исторические науки
и археология***

***Historical Sciences
and Archaeology***

UDC 94(47).066

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-7/1-11-21

BUGROV Konstantin D.,
Institute of History and Archeology of Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia
k.d.bugrov@gmail.com

БУГРОВ Константин Дмитриевич,
Институт истории и археологии Уральского отделения Российской Академии Наук, Екатеринбург, Россия
k.d.bugrov@gmail.com

**COLLECTIVE ACTOR OR RHETORIC FIGURE?
"THE NOBILITY" AND "THE STATE" IN
POLITICAL PROCESS OF THE 18th CENTURY
IN RUSSIA**

**КОЛЛЕКТИВНЫЙ АКТОР ИЛИ
РИТОРИЧЕСКАЯ ФИГУРА? «ДВОРЯНСТВО»
И «ГОСУДАРСТВО» В ПОЛИТИЧЕСКОМ
ПРОЦЕССЕ РОССИИ XVIII в.**

The article is devoted to the problems of historical study of social role of the nobility and the state as collective actors in the 18th century in Russia. As a rule, historians are constructing the collective actors on the basis of presumably group belongings or on the basis of presumably shared group interests. The notion about struggle of interests between the collective actors is fundamental for the most of explanatory models in political history. Analyzing the basic concepts of the present-day historiography, the author shows that the references to the significant collective actors could not be verified in the majority of cases: the "nobility" appears, in fact, as a set of fragmented territorial corporate groups, while the "state" was usually represented in practice by the narrow circle of the central elite or even by the lonesome figure of the Emperor hypothetically having knowledge of the valid interest of the "state". In addition, both the nobility and the state bureaucracy were overlapping each other, since in the most of situations the nobles were leading the bureaucratic institutions, especially at the top of the Imperial hierarchy. The author points at the communicative character of the political process, which means that the large collective actors were in fact the rhetoric figures, who were constituted within the framework of political communication of the relatively narrow groups of elite. The final conclusion is that both "state" and "nobility" might not be seen as the actors, but rather as the rhetorical figures, which were used by the certain groups of elite to implement their political practices.

В статье рассматриваются проблемы исторического изучения социальной роли дворянства и государства как коллективных акторов в России XVIII в. Как правило, историки конструируют коллективного актора на основании групповой принадлежности либо на основании групповых интересов. Понятие о борьбе интересов коллективных акторов лежит в основе большинства объяснительных моделей политической истории. Анализируя концептуальные основания современной историографии, автор показывает, что отсылки к крупным коллективным акторами в большинстве случаев невозможно верифицировать: «дворянство» на деле существовало как набор фрагментированных по территориальному принципу корпоративных групп, а «государство» на практике сводилось к узкому кругу элиты имперского центра или даже к одинокой фигуре императора, предположительно владеющей знанием реальных интересов «государства». Кроме того, дворянство и государственная бюрократия накладывались друг на друга, поскольку в большинстве случаев руководителями бюрократических структур и были дворяне, особенно – на вершине административной иерархии. Автор указывает на коммуникативный характер политического процесса, означающий, что крупные коллективные акторы являются на деле риторическими фигурами, конституируемыми в рамках политической коммуникации относительно узких группировок элиты. На этом основании автор приходит к выводу о том, что целесообразно считать «дворянство» и «государство» не акторами, но риторическими фигурами, с использованием которых те или иные группировки элит реализовали властные практики.

Keywords: politics, rhetoric, monarchy, political struggle, nobility, absolutism, political class, state, elite, 18th century, Russia.

Ключевые слова: политика, риторика, монархия, политическая борьба, дворянство, абсолютизм, политический класс, государство, элита, XVIII в., Россия.

**COLLECTIVE ACTOR OR RHETORIC FIGURE? "THE NOBILITY" AND "THE STATE"
IN POLITICAL PROCESS OF THE 18th CENTURY IN RUSSIA**

One of the predominant narratives in the Russian history of the 18th century is the narrative of struggle between the nobility and the state. For example, A.V. Shipilov notes as follows: «The gentleman constituted the political class, the exclusive strata, which was sitting on civil and political rights. Initiated as early as the 18th century, the nobility's fight for freedom/supremacy had been enduring process, but finally it was crowned with unconditional success: the Manifest Proclamation of 1762, and then the Grant Charter of 1785, officially assigned the noble class with both privileges» [1, p. 134]. This note acts as a starting point for the present article, and the quotation «illuminates from beneath» those particular key points, which I would like to discuss: characteristics of the nobility as *collective actor* («political class»), which fights and wins from the other collective actor, from the state. Below, I suggest to consider two major problems in details: characteristics of the nobility as the «political class» and its presumptive struggle for own sectional interests, including «freedom».

I

The nobility is characterized as collective actor in the large variety of current works on political history¹. But is it possible to suppose it like this? A traditional piece of work by G.A. Gukovsky, having equally great significance just as for political history of Russia in the 18th century, so for literary history, is the best illustration of such a Marxist coupling of social, economic and political aspects together. Economics designates political thinking, which means that in the most instances economic characteristics are sufficient for understanding any political actions of a party. Speaking, for example, about «Noble Fronde», Gukovsky has easily identified various political events as manifestation of group interests by a collective actor – the nobility [2, p. 124-127].

Is there any way to identify this collective actor as the nobility? S.M. Troitsky, for instance, wrote about Commission on noble liberty, founded by Catherine II in 1762, as follows: «All its members, regardless of origin and belonging to various ruling groups, which had been fighting for their power and influence, were solid in defense and upholding of interests of that estate, to which they belonged». However, Catherine II declined proposals submitted by «noble ideologists», and this – Troitsky outlined – «bears the testimony about tremendous power of the absolute monarchy, which being supported by noble guard, bureaucracy, police, and other “levers of power”, could decline proposals of the prelacy, and was able to make a decision upon the “noble matter” by taking into account interests and values of the whole noble state. <...> While the Establishment Commission had been in operation, Catherine II had got an opportunity to become more fundamentally aware of attitude and demand of the broad strata among metropolitan and provincial nobility, following which step by step, she carried into execution several of their demands, and in 1785 she issued the Charter to the Nobility» [3, p. 190-192].

In an equivalent manner, I.V. Faiyzova estimates the Manifest Proclamation of 1762 as an instrument liberating «the ruling class from obligatory public services», and placing it effectively into equilibrium relations with the state [4, p. 3]². Correspondingly, Faiyzova characterizes the members of Commission on noble liberty as «the most powerful protectors of estate privileges for those landlords, who were tightly connected to the metropolitan nobility», coming to a conclusion that: «The activities of nobility representatives were evaluated as negative ones by the Empress» [4, p. 100-101]³.

As it is clear from the above mentioned quotations, some of researchers consider the Commission on noble liberty as de facto institution of nobility representatives. But, as O.A. Omelchenko fairly distinguishes, the Commission in fact was «the government of Russia at that date» [5, p.14]⁴: the leading administrators of the empire had been cast into that body, and after its activity was over, all of them (except for A.P. Bestouzhnev-Ryumin in advanced years, and M.I. Vorontsov unfavorable for Catherine) successfully continued their careers as the Court Nobility. How could it happen that a group of prelacy (especially including persons of commoner's ancestry, like Razumovsky and Teplov) had been considered as «noble ideologists», instead of being related to the part of that guardian-bureaucratic-police system, which by its own desire provided «tremendous power» to the absolutism? In what way at all is it possible to define the sectional identity of noblemen group participating in the state administration? Was the policy, implemented by noblemen sitting in bureaucrat's armchairs, the «noble» politics or after all the «state» one? How could you know positively that we are really talking about the nobility, exactly or generally?

Perchance, one or another entity should be referred to the pool of «noble ideologists» according to the principle of «qui bono»: if any of given propositions were made in favor of noble privileges, then those, who promoted such proposals, should be considered as exponents of the nobility, shouldn't they? Isn't it correct, indeed, to deem «noble ideologists» kind of lobby members? This is for a good reason; of course, the administrative vertical line conducted information from bottom to top, so, some

¹ I'd like to bring into focus: I'm speaking expressly about political history, since, beyond political agenda, there are different ways to characterize nobility as collective actor. It is possible to characterize nobility as economic actor, for instance, by realizing complex analysis of noble economies in designated area. Value of indexes will provide insight into nobility understanding as the collective economic actor; at least, any noble economy participates in economic functions, namely produces, assembles, and trades.

² Faiyzova I.V. «The Manifest Proclamation on liberty» and nobility service in the 18th century. M.: Science, 1999. P. 3.

³ The same source, p. 100-101.

⁴ Omelchenko O.A. The Imperial Assembly in 1763 (Commission on noble liberty): Historical sketch. Documents. M.: MSHU, 2001. P. 14.

actions entertained by the leaders of the court nobility and administrative aristocracy may be appraised under the notion of government relations. However, in this context the questions that have to be answered are: What is the sectional interest? What is, in particular, the state interest?

Thus, M. Raeff remarked that no signs of nobility group pressure against the government were registered, and the Manifest of 1762 was arranged as the purposeful governmental measure, which allowed to «get rid of inadequately educated, inexpedient, and over aged staff personnel» in the service ranks of the state. In Raeff's opinion, who has been developing the concept of «well-disciplined police-ridden state», the primary objective for the purposes of Russian absolutism, was «provision of the maximal evolution for potential resources of the Empire and its population» [6, p. 1291-1294, 1302]¹ along the lines of modernization, secularization, bureaucratization, and growth of economic activity.

But what evidences may bring assurance that we are *objectively* suggested the state message? The representational criterion is subject to the same difficulties, as the definition of nobility. Dilemma is stipulated with the fact that politically-motivated decisions are delivered by public officials, members of the court nobility and administrative aristocracy; it is a complicated, if not to say impossible, problem to draw a boundary between such diverse equivalences.

The question «*qui bono?*» does not produce less formidability. It is possible, if you like, to say that usually (and more often rather instinctively than reflexively) historians represent the interests of the state as sure as perspectives of «the entire» versus various kinds of social «the ego». As such, B.N. Mironov specifies: «neither in the 18th century, nor in the 19th century, the emperors had become ordinary speakers for the noble values. The autocracy demonstrated sufficient independence in its own policy, which most commonly was governed by purposes of the policy itself and then the state interests» [7, p. 136].

This quotation may be estimated as some kind of *compliment* addressed to the emperors of the 18th and the 19th centuries, who appeared on top of the «state interests», at least because they had not become «speakers» of nobility interests, which, by definition, appear to be the values of minor notion. Accordingly, in order to determine the state interests, it is necessary in one form or another, to introduce sectional – class or estate – interests, and first of all – the interests of the nobility. For instance, M. Raeff, trying to explain the collapse of Peter III, nevertheless, speaks about the nobility as the collective actor (represented during coup d'Etat in 1762 by guards, as it appears to him) [6, p. 1309].

If the existence of sectional interests and supreme, state and public interests is recognized, then the following question appears to be typical: in what way the same persons, having social binding and participating in the state administration, do distribute their energy between the «state» and sectional interests? On the other hand, subordinate estate and class interests are most commonly defined – as I do my best to indicate above – like more or less understandable economic interests. Consequently, the problem may be reformulated as follows: there are interests of a subordinate group versus commitments of a person, authorized to make a decision. Alas, such an hierarchic definition gives even less opportunities, because it deduces the whole «machine» of mighty autocratic monarchy to... the figure of Caesar.

So, the state has its name, and this name is – Catherine II. And, what an exceptional knowledge did confide in the Princess from Anhalt-Zerbst at the moment, when the Crown touched her head? Did she know something to write home about her Empire, which appeared to be secret for dozens of experienced administrators occupying the highest circles of the imperial bureaucracy?

It was directly stated, for example, by E.V. Tarle, while he was speaking about Catherine II and about international «policy led by N.I. Panin» in his lectures, given in May of 1946: «Catherine gave the orders, Panin made reports, listened and wrote down resolutions of his Monarchess, and dressed them into the written form, in very smart, delicate, and talented manner... then these papers, read by Catherine, were proceeded as it was intended <...> The foreign representatives, habitually, were convinced pretty soon that the full deal had been accomplished by the Empress herself, and that in those cases, when Panin did not agree with the verdict of his Monarchess he only could keep his mind private, and that his own judgment might have no influence upon the action development» [8, p. 5-6]. In Tarle's narration, Her Majesty was omniscient and omnificent. Any parts of the «machine», and its individual representatives just had to keep either being on the high horse and complying with the outstanding qualifications set by the monarch, or being gone out the window and blown to the four winds of heaven. It is unnecessary to remind of that context, and in which kind of environment those Tarle's

¹ Raeff M. The Domestic Policies of Peter III // The American Historical Review, Vol. 75, № 5 (Jun., 1970). P. 1291-1294, 1302.

lectures were given – but you may have to be surprised: Stalin's personality cult was subjected to discrediting long time ago, as for Catherine's cult, nobody ever had an idea of her downgrading.

Meanwhile, the comparison to the 20th century has indeed some certain explanatory power. If we take into account this broad analogy, it becomes possible to compare the delegation of the exclusive status to Russian nobility with the Soviet policy in respect to proletariat. In the same way that the nobility held the central position within the debates concerning the national policy in the 18th century, the proletariat permanently held the limelight of the party leaders in the Soviet Union. However, this issue could hardly become the ground for considering L.M. Kaganovich or N.S. Khrushchev as «representatives of proletariat», in spite of their working class origin. So, you can fairly assume phraseology like «leading ideologists of the proletariat met together in Political Bureau» as meaningless. The extraordinary attention paid by the Soviet leaders to the proletariat, apparently, was associated with the party and ideology consensus of opinions, which existed among the Soviet commanding elite for a number of reasons. I believe that, the similar consensus – certainly, with all possible stipulations in favor of bounds within explanatory power of analogies – also prevailed in the aristocracy environment of the Russian Empire in the latest half of the 18th century.

II

The pattern will change, if the *communicative character* of the political process is considered to be its crucial specification. It is not possible to participate in political performance «mutely», without giving directions and without convincing some other process actors in the necessity of a particular performance. That is why it is possible to presume some political developments as the process of communication. Every other actor and group – no matter how many of them in number – participate in the process indirectly. Their participation depends on what other participants of the communicative process think about them – about their resources, about their ability to function, and about their anticipated reaction.

In the present reference I can suppose that, upon studying the political history of Russia in the 18th century it makes sense to dismiss the notion about collective actors (and, in particular, about the «state interests» or the «class/estate interests») in the capacity of the explanatory model. While analyzing the debates regarding interests of a social group, it is completely not necessary to emphasize one of the parties commanding the *monopoly* against the representation of this group interests. This monopoly is impossible to be determined, neither in the terms of the representation criterion (by recognizing one or another group of actors as representatives of the other more extended group), nor on the basis of criterion regarding fitting of operations of one or another actor to the substantial collective advantages (*qui bono?*). It makes sense to identify in the reverse sequence both advantages and representations in the majority of cases: not like sources of normative action strength and motivation of a participant in political developments, but as *rhetoric strategies*, practiced by the participants of the political developments for the purposes of their objectives achievement, and simultaneously – determining these goals themselves¹.

The history of Peter III deposition distinctively designates these contradictions: if we consider the Manifest of 1762 as the trend indication of the collective actors – either the nobility, or the state, – it is hard to explain, why then the Emperor was dethroned within the same year. *Qui bono?* Well, finding the solution of this problem with the plain inevitability would point at extremely narrow group of persons, behind which it is hardly possible to distinguish broad strata demands, and which has no certain ideology any different from that provided to prevail before the coup d'Etat. I believe so, the famous propositions made by N.I. Panin regarding foundation of the Imperial Council and reorganization of the Senate, which usually are considered to be an effort to put the Autocracy under restraint, and are logically resulting from the coup d'Etat [11, p. 443-463; 12, p. 74], in practice were developed from the analogical suggestions made by other members of the court nobility and the administrative aristocracy (such as D. V. Volkov or M. I. Vorontsov), which had been delivered since before the coup d'Etat and, more importantly, – it had happened even in the time of Elizabeth of Russia. I.V. Kurukin, who is the author providing the most detailed analysis of the coup d'Etat grounds, comes to the conclusion about the decisive role of «cadres musical chairs and slick solutions», which provoked into doing «the dismembering of the advanced bureaucratic structures, the court, and the army» [13, p. 381].

¹ Skinner means that, if the politics is understood as the process of communication, then the contradictions between theory and practice disappear: a speech act determines limits of potential. In this context, no matter how sincere the historical actor was during the process of committing one or another communicative act, – it is important that each communicative act caused a reaction of certain kind from the direction of other actors, who were involved into the process of communication [9, p. 277-303; 10, p. 101-105].

The analysis of the noble concept statements considered by the Catherine Establishment Commission demonstrates clearly as follows: it is not efficient to discuss the *consolidated* noble interest, because the mentioned social stratum was differentiated horizontally (geographically) and vertically (depending on proximity of any particular noble delegate to the circles of the administrative aristocracy and the court nobility). And the conclusions made by A.N. Dolgikh are symptomatic, since he had analyzed in details the array of noble projects regarding the law of serfdom in the periods of Pavel I and Alexander I (in total number of 506 projects), and found out that, against 122 provided conservative projects there were 204 projects suggesting to mitigate the law of serfdom, and 180 ones standing for its complete cancellation [14, p. 25-27]. Even with respect to the most important, and fundamental issue about the law of serfdom, there was no consonance in the noble community, as for individual attitudes from among separate noblemen and political writers, they surrender no integrating reasoning logic!

As can be seen from the above, you may deny the nobility to the title of political actor in respect to the corporate imperial level. And nevertheless, failing to be the collective actor, the nobility anyway took the central position in the political developments of Russia in the century of the Enlightenment. And yet it participated in this process, not in the capacity of the consolidated actor (because some particular noble corporations on the spot might appear as the actors of political developments!), but as the *rhetoric figure*. Such a statement may seem as the methodological contrivance; and in practice it means that the nobility itself did not remain in force in political space of the 18th century, just some various collective actors (groups of the administrative aristocracy and the court nobility) performed.

As I did my best to indicate above, none of these groups can be considered with good reason to be the representatives of the whole nobility or, contrariwise, to be the carrier of the supreme state interest. And still, each of such groups by one way or another designed its own understanding of the nobility in the course of the routes of communication. As can be seen from the above, it is worth making emphasis on communicative nature of the political developments. These circumstances created extremely high elevated threshold of participation in the process under the conditions of monopoly for the authority in Russia of the 18th century for the narrow layer of the court nobility and the administrative aristocracy localized in Saint Petersburg: in order to «make» the politics, it was necessary – in the majority of cases – to reside in the particular place and interact with the narrow group of people.

In such a case it is appropriate to attribute some particular historical public figures to the pool of «noble ideologists» (in case if we use such a type of notion at all) only in case, if these public figures operated with the comprehension of «nobility» in the lines of their political communications. In some other words, *noble ideology* – is the ideology, which appears in the course of talking on behalf of the nobility. But taking into consideration that there are several participants of the communication, it is impossible to repute only *one* manner of speaking about the nobility as the exclusive one, and meeting the interests of the nobility in the capacity of the social stratum. Contrariwise, *several* manners at once to talk on behalf of the nobility, coexisted and competed against each other in the surroundings of the Russian administrative aristocracy and the court nobility in the 18th century; the victory of one of these manners was the subject of particular imperious configuration.

The last but not the least consequence of the political specific character of Russia in the 18th century, was the fact that the logic of action taken by the court nobility and the administrative aristocracy meant as follows: each project had its own critic, for whom the fight for the access to the monarch was real zero sum game. And indeed: the more, for example, N.I. Panin increased his power, by that much Z.G. Chernyshev, G.G. Orlov, A.A. Vyazemsky and other powerful noblemen grew weak. The politically-motivated decisions were made in the atmosphere of constant tension between the border of permissible action (the political language, shared by all members of the court nobility and the administrative aristocracy, which provided means for the dialogue) and particular configurations, which in fact meant zero sum game for the members of *creme de la creme*. Without being elected, neither representing broad social strata, nor possessing any exclusive status according to the blue blood principle, and even not being managers of enormous bureaucratic structures, the members of the court nobility and the administrative aristocracy within the frames of their political activities, first and foremost had to look forward to the access to the monarch, instead of for support of their electorate, and relying on the status or institutional «patrimony».

That is why, the apprehension stated by D. Griffiths and V. Kamendrowsky looks like motivated, since they – while characterizing the economic policy implemented by Catherine II – prefer to talk about «sovereign's opinion», instead of «state interests»: Catherine II «by no means submissively assented to social and economic demands of the nobility, of what the Soviet historians try to convince us; the Empress was always concerned about preservation of the balance between rights and duties in the state <...> In the dispute about merchandising nobility the political stance of the governor, instead of the economic interest of the nobility (rather than the same of the merchantmen, for that mat-

ter) resolved the fate» [15, p. 220-221]. In this context it is constantly important to bring into focus the word itself – *opinion* – to avoid the possibility, at some time, to identify the political stance of the Empress subject to any veer, with some certain supreme imperial benefit superseding any interests of narrow stratification.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ АКТОР ИЛИ РИТОРИЧЕСКАЯ ФИГУРА? «ДВОРЯНСТВО» И «ГОСУДАРСТВО» В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ XVIII в.

Один из доминирующих нарративов российской истории XVIII в. – нарратив борьбы между дворянством и государством. Например, А.В. Шпилов отмечает: «Благородное сословие представляло собой политический класс, единственную страту, обладавшую гражданскими и политическими правами. Начавшаяся еще в XVII в. борьба дворянства за свободу/господство была длительной, но в конце концов увенчалась полным успехом: Манифест 1762 г., а затем и Жалованная грамота 1785 г. официально закрепили за благородным сословием и то и другое» [1, с. 134]. Это замечание служит для настоящей статьи отправной точкой – оно «подсвечивает» именно те ключевые моменты, которые я хотел бы обсудить: характеристику дворянства как *коллективного актора* («политический класс»), который борется и побеждает другого коллективного актора, государство. Ниже я предлагаю рассмотреть подробно две важнейшие проблемы: характеристику дворянства как «политического класса» и его предполагаемую борьбу за свои групповые интересы, в том числе – за «свободу».

I

В целом ряде сегодняшних работ по политической истории¹ дворянство характеризуется как коллективный актор. Можно ли считать его таковым? Классическая работа Г.А. Гуковского, имеющая для политической истории России XVIII в. столь же большое значение, как и для истории литературы, является ярчайшим примером такого марксистского связывания социального, экономического и политического воедино. Экономика определяет политическое мышление, а значит, в большинстве случаев хозяйственной характеристики достаточно, чтобы понять политические действия субъекта. Говоря, например, о «дворянской фронде», Гуковский легко определял те или иные политические события как проявления группового интереса коллективного актора – дворянства [2, с. 124-127].

Как же уловить этого коллективного актора – дворянство? С.М. Троицкий, например, писал о Комиссии о вольности дворянской, созданной Екатериной II в 1762 г.: «Все ее члены независимо от происхождения и принадлежности к различным правящим группировкам, боровшимся за власть и влияние, были единодушны в защите и отстаивании интересов того сословия, к которому они принадлежали». Однако Екатерина II отклонила предложения «дворянских идеологов», что – подчеркивал Троицкий – «свидетельствует об огромном могуществе абсолютной монархии, которая, опираясь на дворянскую гвардию, бюрократию, полицию и другие “рычаги власти”, могла отклонить предложения высших сановников и решать “дворянский вопрос” с учетом интересов всего дворянского государства. <...> Во время работы Уложенной комиссии Екатерина II получила возможность более основательно узнать настроения и требования широких слоев столичного и провинциального дворянства, после чего постепенно осуществила некоторые из их требований, а в 1785 г. издала Жалованную грамоту дворянству» [3, с. 190-192].

Равным образом и И.В. Фаизова расценивает манифест 1762 г. как освободивший «господствующий класс от обязательной государственной службы» и поставивший его тем самым в отношения равенства с государством [4, с. 3]². Соответственно, членов Комиссии о вольности дворянской Фаизова характеризует как «наиболее влиятельных защитников сословных приви-

¹ Подчеркну: я говорю именно о политической истории, поскольку за пределами политической проблематики есть различные способы охарактеризовать дворянство как коллективного актора. Охарактеризовать дворянство как экономического актора возможно, например, проведя комплексный анализ дворянских хозяйств на определенной территории. Сумма показателей даст представление о дворянстве как о коллективном экономическом акторе; по крайней мере, любое дворянское хозяйство участвует в экономическом процессе – производит, накапливает, покупает.

² Фаизова И.В. «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М.: Наука, 1999. С. 3.

легий помещиков, тесно связанных со столичным дворянством», приходя к заключению: «Деятельность представителей дворянства была оценена императрицей отрицательно» [4, с. 100-101]¹.

Как видно из приведенных выше цитат, ряд исследователей считают Комиссию о вольности дворянской де-факто органом представителей дворянства. Но, как справедливо отмечает О.А. Омельченко, Комиссия фактически была «правительством России той поры» [5, с.14]²: в ее состав вошли ведущие администраторы империи, и после окончания работы все они (кроме престарелого А.П. Бестужева-Рюмина и нелюбимого Екатериной М.И. Воронцова) успешно продолжили свою карьеру при императрице. Как же получается, что группа высших сановников (да еще и имевшая в составе разночинцев по происхождению, как Разумовский и Теплов) считается «дворянскими идеологами», а не частью того гвардейского-бюрократического-полицейского аппарата, который обеспечивал абсолютизму «огромное могущество»? Каким вообще образом можно определить групповую идентичность дворян, участвующих в государственном управлении? Политика, реализуемая дворянами, сидящими в креслах бюрократов – это политика «дворянская» или все же «государственная»? Как можно быть уверенным в том, что мы действительно ведем речь именно о дворянстве в целом?

Быть может, следует относить тех или иных лиц к числу «дворянских идеологов» по принципу «qui bono»: если те или иные предложения были в пользу дворянских привилегий, то и тех, кто такие предложения выдвигал, следует считать выразителями дворянства? Отчего бы, в конце концов, не считать «дворянских идеологов» своего рода лоббистами? Это обоснованно; конечно, административная вертикаль проводила информацию снизу – вверх, и действия лидеров придворно-административной элиты можно расценивать в категориях лоббизма. Однако в данном случае возникает вопрос: что такое групповые интересы? Что такое, в частности, государственный интерес?

Так, М. Раев отмечал, что никаких следов группового давления дворянства на правительство не видно, а манифест 1762 г. был целенаправленной правительственной мерой, позволившей «отделаться от неадекватно образованного, неэффективного, престарелого персонала» на службе. По мнению Раева, разрабатывавшего концепцию «хорошо организованного полицейского государства», главной целью для российского абсолютизма было «обеспечение максимального развития потенциальных ресурсов Империи и ее населения» [6, с. 1291-1294, 1302]³ в направлении модернизации, секуляризации, бюрократизации и роста экономической активности.

Но в каких случаях можно быть уверенными, что мы действительно ведем речь о государстве? Критерий репрезентативности подвержен тем же трудностям, что и в случае с определением дворянства. Дилемма в том, что политические решения принимают государственные деятели, члены придворно-административной элиты; провести грань между разными идентичностями – сложно, чтобы не сказать – невозможно.

Не меньшие трудности создает и вопрос «*qui bono?*» Можно, пожалуй, сказать, что обычно (и зачастую скорее интуитивно, чем рефлексивно) историки представляют интересы государства как интересы «целого» в противовес разного рода сословных «эгоизмов». Так, Б.Н. Миронов отмечает: «Императоры ни в XVIII в., ни в XIX в. не стали простым рупором дворянских интересов. Самодержавие проявляло достаточную самостоятельность в своей политике, которая чаще всего определялась задачами самой политики и государственными интересами» [7, с. 136].

Эту цитату можно расценивать как своего рода *похвалу* по адресу императоров XVIII и XIX вв., которые оказались на высоте «государственных интересов» хотя бы потому, что не стали «рупором» дворянских интересов, которые по определению предстают интересами низшего порядка. Соответственно, для того чтобы определить государственные интересы, нужно в той или иной форме ввести групповые – классовые или сословные – интересы, прежде всего – интересы дворянства. Например, М. Раев, стараясь объяснить падение Петра III, все же гово-

¹ Там же, с. 100-101.

² Омельченко О.А. Императорское Собрание 1763 года (Комиссия о вольности дворянской): Исторический очерк. Документы. М.: МГИУ, 2001. С. 14.

³ Raeff M. The Domestic Policies of Peter III // The American Historical Review, Vol. 75, № 5 (Jun., 1970). P. 1291-1294, 1302.

рит о дворянстве как коллективном акторе (представленном в перевороте 1762 г., по его мнению, гвардией) [6, с. 1309].

Если признается существование групповых интересов и высшего, государственного интереса, то закономерным выглядит вопрос: каким образом одни и те же лица, обладающие социальной привязкой и участвующие в государственном управлении, распределяют свою энергию между «государственными» и групповыми интересами. С другой стороны, низшие сословные и классовые интересы чаще всего определяются – как я постарался показать выше – более или менее понятными экономическими интересами. Значит, можно переформулировать проблему: интересы группы подчиненных против взглядов лица, уполномоченного принимать решение. Увы, такое иерархическое определение дает еще меньше возможностей, поскольку сводит весь «аппарат» могущественной самодержавной монархии до... фигуры самодержца.

Значит, у государства есть имя, и имя это – Екатерина II. Какое же особое знание открылось принцессе из Ангальт-Цербста в тот момент, когда корона коснулась ее головы? Знала ли она о своей империи нечто такое, чего не знал никто из десятков опытных администраторов, занимавших высшие ярусы имперской бюрократии?

Об этом прямо заявлял, например, Е.В. Тарле, говоря о Екатерине II и о международной «политике Н.И. Панина» в лекциях, прочитанных в мае 1946 г.: «Екатерина приказывала, Панин докладывал, выслушивал и записывал резолюции государыни, облакал их очень умно, тонко, талантливо, в письменную форму... и эти бумаги, прочитанные Екатериной, отправлялись по назначению <...> Иностранные представители очень скоро, обыкновенно, убеждались в том, что все дела вершит сама императрица и что в тех случаях, когда Панин не согласен с мнением государыни, то так он при своем мнении и остается, и его мнение никакого влияния на прохождение дела не оказывает» [8, с. 5-6]. В изложении Тарле Ее Величество всеведуща и всемогуща. Частям «аппарата», его отдельным представителям остается либо быть на высоте и соответствовать выдающимся качествам монарха, или быть отброшенными и разгромленными. Излишне напоминать о том контексте, в котором были прочитаны эти лекции Тарле – но можно и удивиться: сталинский культ уже давно подвергся развенчанию, а вот екатерининский культ никто никогда и не думал развенчивать.

Между тем аналогия из XX в. и впрямь обладает определенной объяснительной силой. Если провести широкую аналогию, можно сравнить наделение российского дворянства исключительным статусом с советской политикой в отношении пролетариата. Подобно тому, как дворянство занимало центральное место в дебатах по вопросам государственной политики в XVIII в., пролетариат постоянно оставался в центре внимания партийных руководителей Советского Союза. Вряд ли, однако, на этом основании можно считать Л.М. Кагановича или Н.С. Хрущева «представителями пролетариата», невзирая на их рабочее происхождение. Формулировку вроде «в Политбюро собрались ведущие идеологи пролетариата» справедливо можно считать бессмысленной. Исключительное внимание советских руководителей к пролетариату было, по-видимому, обусловлено существовавшим по ряду причин среди советской властной элиты партийным, идеологическим консенсусом. Полагаю, сходный консенсус – конечно, со всеми оговорками на счет пределов объяснительной силы аналогий – существовал и в среде элиты Российской империи второй половины XVIII в.

II

Картина изменится, если считать ключевой характеристикой политического процесса его *коммуникативный характер*. Невозможно участвовать в политике «молча», не отдавая распоряжений и не убеждая других участников процесса в необходимости тех или иных действий. Можно поэтому считать политический процесс процессом коммуникации. Все остальные акторы и группы – сколько бы их ни было – участвуют в процессе опосредованно. Их участие зависит от того, что о них – об их ресурсах, об их способности действовать, об их предполагаемой реакции – думают участники коммуникативного процесса.

В данной связи я могу предположить, что при изучении политической истории России XVIII столетия имеет смысл отказаться от понятия о коллективных акторах (и, в частности, о «государственных интересах» или «классовых/сословных интересах») как объяснительной модели. При анализе дебатов об интересах социальной группы вовсе не обязательно выделять одну сторону, обладающую *монополией* на представление интересов этой группы. Эту монополию невозможно определить ни на основании критерия репрезентативности (признавая ту или иную группу акторов представителями более широкой группы), ни на основании критерия соответствия действий того или иного актора действительным коллективным выгодам (*qui bono?*). И выгоду, и репрезентативность в большинстве случаев имеет смысл рассматривать в обратном

порядке: не как источники нормативной силы и мотивации действий участников политического процесса, а как *риторические стратегии*, применяемые участниками политического процесса для достижения своих целей и одновременно – определяющие сами эти цели¹.

История свержения Петра III отчетливо обозначает эти противоречия: если рассматривать Манифест 1762 г. как выражение интересов коллективных акторов – дворянства ли, государства ли, – трудно объяснить, почему же император был свергнут в том же году. *Qui bono?* Поиск ответа на этот вопрос со всей неизбежностью указывает на крайне узкую группу лиц, за которой вряд ли можно разглядеть требования широких слоев и у которой не найти какой-то идеологии, отличной от той, что бытовала до переворота. Так, знаменитые предложения Н.И. Панина по созданию Императорского совета и реформе Сената, которые обычно считаются попыткой ограничить самодержавие, логично вытекающей из переворота [11, с. 443-463; 12, с. 74], на деле развивали аналогичные предложения других членов придворно-административной элиты (таких как Д. В. Волков или М. И. Воронцов), сделанные еще до переворота и, более того, – еще при Елизавете Петровне. И.В. Курукин, которому принадлежит наиболее детальный анализ причин переворота, приходит к выводу о решающей роли «перетасовки кадров и непродуманных решений», спровоцировавших «отторжение головных бюрократических структур, двора и армии» [13, с. 381].

Анализ дворянских предложений в екатерининской Уложенной комиссии ярко демонстрирует: говорить о едином дворянском интересе невозможно, поскольку этот социальный слой был дифференцирован горизонтально (географически) и вертикально (в зависимости от близости конкретного дворянского депутата к кругам административно-придворной элиты). Показательны и выводы А.Н. Долгих, детально проанализировавшего массив дворянских проектов о крепостном праве эпохи Павла I и Александра I (общим числом 506 проектов) и обнаружившего, что на 122 консервативных проекта приходилось 204 проекта, предполагавших смягчение крепостного права, и 180 – выступавших за полную его отмену [14, с. 25-27]. Даже по важнейшему, фундаментальному вопросу о крепостном праве в дворянской среде не было единства, а индивидуальные позиции отдельных сановников и публицистов не поддаются никакой обобщающей логике!

Таким образом, дворянству можно отказать в звании политического актора применительно к общеимперскому уровню. И, однако, не будучи коллективным актором, дворянство все же занимало центральное место в политическом процессе России века Просвещения. Однако участвовало оно в этом процессе не как единый актор (актерами политического процесса могли выступать конкретные дворянские корпорации на местах!), но как *риторическая фигура*. Такое утверждение может показаться методологическим кунштуком; на деле же оно означает, что само дворянство в политическом пространстве XVIII в. не действовало, действовали лишь различные коллективные акторы (группировки административно-придворной элиты).

Как я постарался показать выше, ни одна из этих группировок не может с полным основанием считаться представительницей всего дворянства или, напротив, носителем высшего государственного интереса. Однако каждая из таких группировок тем или иным образом конструировала свое понимание дворянства в ходе коммуникации. Акцент, таким образом, стоит сделать на коммуникативном характере политического процесса. Это особенно высоко поднимало порог участия в процессе в условиях монополии на власть в России XVIII в. узкого слоя локализованной в Санкт-Петербурге придворно-административной элиты: чтобы «делать» политику, нужно было – в большинстве случаев – находиться в конкретном месте и общаться с узкой группой людей.

В таком случае относить конкретных исторических деятелей к числу «дворянских идеологов» (если уж использовать такое понятие) уместно лишь в случае, если эти деятели оперировали понятием «дворянство» в своей политической коммуникации. Иными словами, *дворянская идеология* – это идеология, возникающая в ходе разговора о дворянстве. Но поскольку участников коммуникации несколько, невозможно считать какую-то одну манеру говорить о дворянстве единственной, отвечающей интересам дворянства как социального слоя. Напротив, сразу несколько манер говорить о дворянстве сосуществовали и конкурировали между собой в среде

¹ Скиннер говорит о том, что, если понимать политику как процесс коммуникации, противоречия между теорией и практикой исчезают: речевой акт определяет границы возможного. В этом смысле не важно, насколько искренним был исторический актор, совершая тот или иной коммуникативный акт, – важно, что каждый коммуникативный акт вызывал определенного рода реакцию со стороны других акторов, вовлеченных в процесс коммуникации [9, с. 277-303; 10, с. 101-105].

российской административно-придворной элиты XVIII в.; победа одной из этих манер была вопросом конкретной властной конфигурации.

Не менее важным следствием политической специфики России XVIII в. было и то, что логика действия административно-придворной элиты означала: у каждого проекта находился критик, для которого борьба за доступ к монарху была настоящей игрой с нулевой суммой. В самом деле: насколько усиливался, например, Н.И. Панин, настолько же ослабевали З.Г. Чернышев, Г.Г. Орлов, А.А. Вяземский и другие влиятельные сановники. Политические решения принимались в пространстве постоянного напряжения между границей возможного (политическим языком, разделявшимся всеми членами административно-придворной элиты и обеспечивавшим возможность диалога) и конкретными конфигурациями, которые для членов элиты означали игру с нулевой суммой. Не будучи избранными и не представляя широкие социальные слои, не располагая особым статусом по аристократическому происхождению, не являясь руководителями громадных бюрократических структур, члены административно-придворной элиты должны были в своей политической деятельности рассчитывать в первую очередь на доступ к монарху, а не на избирателей, статус или ведомственную «вотчину».

Обоснованным поэтому выглядит мнение Д. Гриффитса и В. Камендровского, которые – характеризуя экономическую политику Екатерины II – предпочитают говорить о «взглядах правителя», а не о «государственных интересах»: Екатерина II «отнюдь не уступала смиренно социально-экономическим требованиям дворянства, в чем пытаются нас убедить советские историки; императрица всегда заботилась о сохранении в государстве равновесия прав и обязанностей <...> В споре о торгующем дворянстве исход решали политические взгляды правителя, а не экономические интересы дворянства (или купечества, если уж на то пошло)» [15, с. 220-221]. В данном случае всегда важно подчеркнуть само слово – *взгляды* – чтобы в какой-то момент не отождествить подверженные переменам политические взгляды императрицы с неким высшим государственным благом, превалирующим над узкосословными интересами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Шипилов А.В. «Благородство» против «подлости» (Специфика формирования сословной культуры русского дворянства) // *Общественные науки и современность*, – 2007. – № 1. – С. 132-144.
2. Гуковский Г.А. Очерки по истории русской литературы XVIII века. Дворянская фронда в литературе 1750–1760-х годов. – М.; Л.: Изд-во Академии наук, 1936.
3. Троицкий С.М. Россия в XVIII веке / Сборник статей и публикаций. – М.: Наука, 1982.
4. Фаизова И.В. «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. – М.: Наука, 1999.
5. Омельченко О.А. Императорское Собрание 1763 года (Комиссия о вольности дворянской): Исторический очерк. Документы. – М.: МГИУ, 2001.
6. Raeff M. The Domestic Policies of Peter III // *The American Historical Review*. – Vol. 75. – № 5 (Jun., 1970).
7. Миронов Б.Н. Социальная история России периода Империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 2. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999.
8. Тарле Е.В. Екатерина Вторая и ее дипломатия. Стенограмма лекции, читанной 12 мая 1945 года. – М.: Объединение государственных издательств при СНК РСФСР, 1945.
9. Skinner Q. Some Problems in Analysis of Political Thought and Action // *Political Theory*. – Aug., 1974. – Vol. 2, № 3. – P. 277-303.
10. Skinner Q. *Liberty before Liberalism*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
11. Ransel D. Nikita Panin's Imperial Council Project and the Struggle of Hierarchy Groups at the Court of Catherine II // *Canadian Slavic Studies*. – 1970. – Vol. IV. № 3. – P. 443-463.
12. Минаева Н.В. Никита Иванович Панин // *Вопросы истории*. – 2001. – № 7. – С. 71-91.
13. Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725 – 1762 гг. – Рязань, 2003.
14. Долгих А.Н. Крестьянский вопрос в России в дворянских проектах конца XVIII – первой четверти XIX вв.: опыт анализа // *Известия Самарского научного центра РАН*. – 2011. – № 1-3. – С. 25-31.
15. Griffiths D., Kamendrowsky V. The Fate of the Trading Nobility Controversy in Russia: A Chapter in the Relationship between Catherine II and the Russian Nobility // *Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas*. N.F. Bd. 26. 1978. H.2. – P. 198-221.

REFERENCES

1. Shipilov A.V. 'Nobility' versus 'Vileness' (Specific character of formation of Russian nobility estate culture) [*Blagorodstvo* protiv *podlosti*] (Specifica formirovanija soslovnoy kultury russkogo dvorjanstva). *Social Sciences and the Modernity = Obschestvennyye nauki i sovremennost*, 2007, № 1. Pp. 132-144.
2. Gukovsky G.A. Ocherki po istorii russkoj literatury XVIII veka. Dvorjanskaja fronda v literature 1750 – 1760-h godov [Sketch book on history of Russian literature in the 18th century. Noble Fronde in literature of 1750–1760th.]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences, 1936.

3. *Troitsky S.M.* Rossiya v XVIII veke. Sbornik statej I publikatsij [Russia in the 18th Century. Collector of articles and publications.]. Moscow, Nauka, 1982.
4. *Faizova I.V.* 'Manifest o volnosti' I sluzhba dvorjanstva v XVIII stoletii [«The Manifest Proclamation on liberty» and nobility service in the 18th century]. Moscow, Nauka, 1999.
5. *Omelchenko O.A.* The Imperial Assembly in 1763 (Commission on noble liberty): Historical sketch. Documents. – M.: MSHU, 2001
6. *Raef M.* The Domestic Policies of Peter III. The American Historical Review, Vol. 75, № 5 (Jun., 1970).
7. *Mironov B.N.* Social history of Russia in the period of Empire (18th c. – beginning of 20th c.). Genesis of personality, democratic family, civil society, and constitutional state. [Socialnaja istorija Rossii perioda Imperii (XVIII – nachalo XIX v.). Genezis lichnosti, demokraticeskoi sem'ji, grazhdanskogo obschestva I pravovogo gosudarstva. T.2.] Saint-Petersburg, Dmitrij Bulanin, 1999.
8. *Tarle E.V.* Catherine the Great and her diplomacy. Stenographic lecture, delivered on May 12, 1945. [Ekaterina Vtoraja I ee diplomatija. Stenogramma lekcii, chitannoi 12 maja 1945 goda.]. M.: Association of State publishing Houses affiliated with CPC RSFSR, 1945.
9. *Skinner Q.* Some Problems in Analysis of Political Thought and Action // Political Theory. Aug., 1974. Vol. 2, №. 3. Pp. 277-303
10. *Skinner Q.* Liberty before Liberalism. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
11. *Ransel D.* Nikita Panin's Imperial Council Project and the Struggle of Hierarchy Groups at the Court of Catherine II. Canadian Slavic Studies. 1970. Vol. IV. № 3. Pp. 443-463.
12. *Minaeva N.V.* Nikita Ivanovich Panin. Voprosy istorii, 2001, № 7. Pp. 71-91.
13. *Kurukin I.V.* The Epoch of «Court Blizzards»: Sketch book on political history of Post-Petrine Russia, 1725 – 1762. [Epocha 'dvorskih bur': Oчерki politicheskoi istorii poslepetrovskoi Rossii, 1725 – 1762 gg.]. Ryazan, 2003.
14. *Dolgih A.N.* Peasants matter in Russia within noble projects at the end of 18th – the first quarter of 19th centuries: experience of analysis. [Krestjanskij vopros v Rossii v dvorjanskikh proektah kontsa XVIII – pervoi chetverti XIX vv.: opyt analiza]. Izvestiya of Samara research center of RAS, 2011, № 1-3. Pp. 25-31.
15. *Griffiths D., Kamendrowsky V.* The Fate of the Trading Nobility Controversy in Russia: A Chapter in the Relationship Between Catherine II and the Russian Nobility. Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas. N.F. Bd. 26. 1978. H.2. Pp. 198-221.

Information about the author

Bugrov Konstantin D., Candidate of History, Researcher, Institute of History and Archeology of Ural Branch of Russian Academy of Sciences. Yekaterinburg, Russia
k.d.bugrov@gmail.com

Received: 09.11.2015

For citation the article: Bugrov K.D., Collective actor or rhetoric figure? "The nobility" and "the state" in political process of the 18th century in Russia. [Kollektivnyy aktor ili ritoricheskaya figura? «Dvoryanstvo» i «gosudarstvo» v politicheskom protsesse Rossii XVIII v.]. Krasnodar. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mys'l* = *Historical and Social Educational Ideas*. 2015. Tom 7. No. 7 vol-1. Pp. 11-21.
DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-7/1-11-21

Информация об авторе

Бугров Константин Дмитриевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук. Екатеринбург, Россия
k.d.bugrov@gmail.com

Получена: 09.11.2015

Как цитировать статью: Бугров К. Д., Коллективный актер или риторическая фигура? «дворянство» и «государство» в политическом процессе России XVIII в. Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Том 7. №7. Часть 1. с. 11-21.
DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-7/1-11-21

UDC 94

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-7/1-22-28

POPOV Mikhail U.,
Krasnodar University, Ministry of Interior of Russia,
Krasnodar, Russia
popov-52@mail.ru

UPOROV Ivan V.,
Krasnodar University, Ministry of Interior of Russia,
Krasnodar, Russia
uporov@list.ru

STURBA Evgeny V.,
Kuban State University,
Krasnodar, Russia
akademus07@rambler.ru

ПОПОВ Михаил Юрьевич,
Краснодарский университет МВД России,
Краснодар, Россия
popov-52@mail.ru

УПОРОВ Иван Владимирович,
Краснодарский университет МВД России,
Краснодар, Россия
uporov@list.ru

Штурба Евгений Викторович,
Кубанский государственный университет,
Краснодар, Россия
akademus07@rambler.ru

**LOCAL COUNCILS OF PEOPLE'S DEPUTIES IN
THE "STALIN" CONSTITUTION OF THE USSR
(1936) AND THEIR SUBSEQUENT
ORGANIZATIONAL AND LEGAL
DEVELOPMENT UP TO THE "BREZHNEV"
CONSTITUTION OF THE USSR (1977)**

**МЕСТНЫЕ СОВЕТЫ ДЕПУТАТОВ
ТРУДЯЩИХСЯ В «СТАЛИНСКОЙ»
КОНСТИТУЦИИ СССР (1936 г.) И ИХ
ПОСЛЕДУЮЩЕЕ ОРГАНИЗАЦИОННО-
ПРАВОВОЕ РАЗВИТИЕ ДО
«БРЕЖНЕВСКОЙ» КОНСТИТУЦИИ
СССР (1977 г.)**

The article explores the peculiarities of the institute of local Soviets of People's Deputies (Councils of People's Deputies) in the period between the "Stalin" Constitution of the USSR, 1936 and the "Brezhnev" Constitution of the USSR, 1977. It is noted that the system of local Soviets in the constitutional norms was regulated in general on a democratic basis. In particular, the Constitution of the USSR, 1936 implied that local Soviets, as the lower level of state power in the country, are the holders of power of people, as evidenced by the election of deputies of all levels by direct universal suffrage by secret ballot. However such provisions denied other provisions of the same "Stalin" Constitution, especially on the administrative subordination of the Soviets at various levels, and on the leading role of the Communist Party, what reduced democracy to a minimum and reflected the so-called "State theory" of local self-government. Such situation also occurred in the "Brezhnev" Constitution. At the same time, in reality the highly centralized system of power in 1930 - mid1950s after Stalin's death became transformed in the direction of greater liberalization. Thus, some democratization was manifested in early 1960s, what is reflected in the draft of the new Federal Constitution, which had been discontinued. At the turn of 1970, a number of new laws on local Soviets were adopted, which continued this trend. In addition, in the "Brezhnev" Constitution the class attribute of the Soviet power was reflected to a lesser extent.

В статье исследуются особенности развития института местных Советов депутатов трудящихся в период между «сталинской» Конституцией СССР 1936 г. и «брежневской» Конституцией СССР 1977 г. Отмечается, что система местных Советов в конституционных нормах регулировалась в целом на демократической основе. В частности, из Конституции СССР 1936 г. вытекало, что местные Советы, являясь нижним звеном государственной власти в стране, представляют собой носителей власти народа, что подтверждается избранием депутатов всех уровней на всеобщих прямых выборах при тайном голосовании. Однако такого рода положения перечеркивали в той же «сталинской» Конституции другие нормы, и прежде всего – об административной соподчиненности Советов разных уровней, а также о руководящей роли коммунистической партии, что сводило демократию к минимуму и отражало так называемую «государственную» теорию местного самоуправления. Такое положение имело место также и в «брежневской» Конституции. Вместе с тем в реальности жестко централизованная система власти в 1930-х – середине 1950-х гг. после смерти Сталина стала трансформироваться в сторону большей либерализации. Так, некоторая демократизация стала проявляться в начале 1960-х гг., что нашло отражение в проекте новой союзной конституции, который был свернут. На рубеже 1970 г. был принят ряд новых законов о местных Советах, в которых указанный тренд получил продолжение. Кроме того, в «брежневской» Конституции классовый признак советской власти был выражен в меньшей степени.

Keywords: local Soviets (Councils), the Constitution, centralization of local government, the Party congress, Draft Constitution.

Ключевые слова: местные Советы, конституция, централизация местного самоуправления, партийный съезд, проект конституции.

**LOCAL COUNCILS OF PEOPLE'S DEPUTIES IN THE "STALIN" CONSTITUTION OF THE USSR
(1936) AND THEIR SUBSEQUENT ORGANIZATIONAL AND LEGAL DEVELOPMENT UP TO
THE "BREZHNEV" CONSTITUTION OF THE USSR (1977)**

The Constitution of the USSR of 1936 [1] had significantly changed the organizational structure of all parts of the Soviets, including Local Soviets. Thus, Article 94 declares that public authorities in the territories, regions, autonomous regions, counties, districts, towns, villages (Cossack villages, hamlets, khutors, kishlaks, auls) are the Soviets of Working People's Deputies (Councils of Working People's Deputies). The Soviets were authorized to manage the subordinate governments, to ensure public order, observance of laws and protection of citizens' rights, local economic management of cul-

tural development, to establish local budgets (Art. 97). Local Soviets were the most numerous public authorities. Deputies of Local Soviets exercised their powers without discontinuing their production or service activity. Voters gave mandates to their deputies, who were obliged to report on the work done before the workers' collectives.

Accordingly, the Constitution of the RSFSR of 1937 [2], adopted in the development of the Basic Law of the Soviet Union, changed not only the name of the Soviets, but also their entire system. Attention is drawn to the fact that the issues of local government based on the will of the population had become regulated much more specifically and systematically. It was noted in particular that "the public authorities in the territories, regions, autonomous regions, national districts, administrative districts, cities, towns, villages (Cossack villages, hamlets, khutors, auls) are the Soviets of Workers' Deputies" (Art. 77). According to Art. 79 the Soviets (of the region, district, area, city, town, village) must govern the cultural, political and economic affairs within their territory, the local budgets, direct the activities of subordinate bodies, to ensure the maintenance of public order. It is noted that the executive and administrative bodies of local Soviets of People's Deputies are Executive Committees elected by them.

There is a clear emphasis on the vertical of the state power. Centralization of local governments is testified by the following rules - "Executive organs of the Soviets of Working People's Deputies are directly accountable both to the Soviet of Working People's Deputies which elected them and to the Executive organ of the superior Soviet of People's Deputies" (Art. 89); "The superior Executive Committees of the Soviets have the right to cancel decisions and orders of inferior Executive Committees and to suspend decisions and orders of inferior Soviets" (v. 90); "The superior Soviets have the right to annul decisions and orders of inferior Soviets and their executive committees" (Art. 91). Thus the centralization of power had its logical conclusion, namely, constitutional recognition.

In this regard, the literature states that "the Soviet model, opposed to" bourgeois" local self-government has become a product, part and tool of overly centralized command-administrative system and at the same time serves as its democratic camouflage" [3, p. 125]. Thus, the district Soviets governed the village and town Soviets, as well as the city councils of the cities, which according to the legislation of the Republic referred to the cities of regional subordination. Soviets of villages, hamlets, Cossack villages, khutors, kishlaks were the most numerous and the most mass local authorities. They served as the primary cells of the State power.

As it is rightly noted by M.A. Krasnov, in 1930s developed the main features of the policy of the totalitarian state in relation to local authorities: firstly,

tough centralization; secondly, all the words about "democratic centralism", "socialist democracy" were propagandistic slogans; priority was always given to the instructions of the Center, not to the interests of people; thirdly, a "double", actually a "triple subordination" of local authorities (though formally the executive committees and their departments were only executive bodies of the Soviets, they were actually above the latter ones and subordinated only to the superior bodies and the party authorities); fourthly, the deputies of local soviets in most cases had only the role of dutiful voters for the draft documents prepared by the state apparatus; fifth, the denial of the rights - the highest authority can do whatever it sees fit, including violating their own laws; sixth, paternalism (the state and its leaders - wise "fathers" of people, who were considered as unreasonable children) [4. p. 5]. Accordingly, with strengthening of totalitarian tendencies in society there was higher level of participation in the elections to local Soviets: in 1927 - 50.7%, in 1929 - 63.2%, 1931 - 72, 0%, 1934 - 85.0%, 1939 - 99.21% of the total number of voters [5, p. 68].

However, centralization of local administration did not mean that local Soviets and their executive committees decided everything by order from above. It was impossible to solve by order from above all local issues, there were too many of them. Therefore, despite the implementation of the "state" theory of local self-government, local Soviets objectively could not but carry out a significant part of the functions inherent to the institution of self-government. In this regard, the literature states: "Historical studies refute the ungrounded allegations that during the years of Soviet rule the local Soviets were allegedly deprived of civil rights, were subordinated to the Party and played no role in political and economic life of the country. At the same time, the analysis of the experience of local Soviets' activities shows that in fact it was not quite true. Indeed, the Party organs' policy regarding them had a directive character, but their directives and numerous local problems were solved by local Soviets independently. To do this, they had though not sufficient, but independent budgetary allocations. This was clearly evident in the years the Great Patriotic War." [6, p. 517].

As such, the local Soviets functioned for almost twenty years. The next milestone in the development of the Soviet system of local Soviets is associated with the XX Party Congress, which made a real turn for the democratization of political life in the country. Under the influence of its decisions, on 22 January 1957, the CPSU adopted the Resolution "On improvement of activities of Local Soviets

and strengthening their ties with the masses". [7] According to the plan, the Resolution was intended to do away with micromanagement and petty interference by Party bodies in the work of local Soviets, to ensure the development of their initiative and independent activity. The CPSU Central Committee recommended the Party and the government organizations of the Soviet Socialist Republics to take practical measures aimed at the empowerment of local Soviets in the field of national economy, solution of financial and budgetary matters, organization of housing, cultural and road construction. As a follow up of this document, the legislation on local government bodies was updated in 1957-1959. However, the adoption of legal-normative acts on local Soviets evolved differently in the Soviet Republics. Thus, the Russian Federative Socialist Republic adopted only the Regulation "On the Village Soviets" [8, p. 569]. The CPSU adopted also other Resolutions: "On the work of local Soviets of Poltava region" (1965), "On improving the work of rural and village Soviets" (1967) [9, p. 347-350], "On measures to improve the work of district and city Soviets" (1971) [10, p. 345-353], and others. Considerable attention was paid to enhancing the role of civil society organizations within the frame of the transformation of the Soviet state during the "Thaw" period. N.S. Khrushchev said from the rostrum of the XXII Party Congress that "every Soviet citizen must become an active participant in governing the affairs of the society!" [11, p. 97].

In this context the question arose of creating a new Constitution of the USSR. The Constitutional Commission was established under the leadership of N.S. Khrushchev, which by mid-1964 had drafted the Constitution of the Union of Soviet Socialist Republics ("Khrushchev Constitution") [12, p. 395-458]. While maintaining the basic principles of the previous Constitution, this Draft Constitution was quite liberal. It provided the institute of People's Deputies, at least 1/3 of deputies had to be renewed with every election, the same deputies could not be elected to the Council more than three terms in succession. Local People's Soviets, as before, were a part of the state power; they were accountable directly to the voters, as well as to the superior People's Soviets. However, some of the nuances indicate to the increased independence of local Soviets. Thus, according to Art. 227 of the draft Constitution, "local People's Soviets implement local self-government, resolve **finally** (emphasis added - Auth.) all local issues within their jurisdiction" [12, p. 450]. However, after removal of Khrushchev from all his posts the Draft Constitution was discontinued.

In the framework of the "people's state" concept, the higher authorities continued to consider local Soviets as one of the most democratic forms of self-government. It was predicted that they would soon cease to be bodies of the state power and would become the structures of public activities of working people, authorized to manage the affairs of society without any political functions. According to the theory of communism building, the withering-away of the state bodies was seen as gradual disappearance of the state apparatus and transfer of its functions to public agencies and to the public. The Party press encouraged this process. One of the editorials noted that "the pressing needs of communism building and the tasks of preparing conditions for the transition to communist self-government require to involve in management broader masses of working people and to develop further independent public principles of the Soviets" [13, p. 10]. However, as it is rightly stated in the literature, these attempts to build a civil society were uncertain, indecisive and oriented to the current political situation [14, p. 85-86].

Nevertheless, the changed conceptual approach predetermined the appearance of the relevant legislative acts. Thus, the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR approved on April 8, 1968 the Regulation "On the village, town and district Soviets" [15], and on March 19, 1971 – Regulation "On basic rights and obligations of district and city district Soviets" [16].

These acts modernized the regulatory base in this field and played a significant role in the legal regulation of the activities of local Soviets. Thus, Art.1 of the Decree of 1971 states that the District Soviets of People's Deputies as the organ of state power in the district decides all issues of regional importance within its legal rights, proceeding from the nation-wide interests and the interests of working people of the district. And further: "The District Soviet of People's Deputies governs the state, economic, social and cultural development in the district, activities of the subordinate governing bodies, enterprises, institutions and organizations of the district subordination. In the district subordination are enterprises, institutions and organizations which serve predominantly the population of the district. The order of transferring such enterprises, institutions and organizations to the district subordination is established by the legislation of the USSR and the Soviet Republics. Enterprises, institutions and organizations of district subordination are supervised by the Executive Committee of the District Soviet of Working People's Deputies through its departments and units or directly. Departments and units of the Executive Committee of the District Soviet, as well as enterprises, institutions and organizations supervised directly by the Executive Committee are subordinate in their activities both to the District Soviet and its Executive Committee, and the appropriate superior bodies of public administration "(v. 2).

As it can be seen, there was no emphasis any more on the fact that the District Soviet must carry out the policies of the supreme bodies of the power. And subordination of inferior Soviets to the senior Soviets is regulated quite moderately. This approach has been basically maintained until adoption of the new "Brezhnev" Constitution of the USSR in 1977, where the institution of local Soviets (Councils) was further developed in the direction of greater democratization of their activities.

МЕСТНЫЕ СОВЕТЫ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ В «СТАЛИНСКОЙ» КОНСТИТУЦИИ СССР (1936 г.) И ИХ ПОСЛЕДУЮЩЕЕ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЕ РАЗВИТИЕ ДО «БРЕЖНЕВСКОЙ» КОНСТИТУЦИИ СССР (1977 г.)

Конституция СССР 1936г. [1] существенно изменила организационную структуру всех звеньев Советов, в том числе местных Советов. Так, статья 94 провозглашала, что органами государственной власти в краях, областях, автономных областях, округах, районах, городах, селах (станицах, деревнях, хуторах, кишлаках, аулах) являются Советы депутатов трудящихся. К полномочиям Советов депутатов относились: руководство деятельностью подчиненных им органов управления, обеспечение охраны государственного порядка, соблюдение законов и охрана прав граждан, руководство местным хозяйственным культурным строительством, установление местного бюджета (ст. 97). Местные Советы были самыми многочисленными органами государственной власти. Депутаты местных Советов осуществляли свои полномочия без отрыва от производственной или служебной деятельности. Избиратели давали наказы своим депутатам, которые обязаны были отчитываться о проделанной работе перед трудовыми коллективами.

Соответственно и в Конституции РСФСР 1937 г. [2], принятой в развитие союзного Основного закона, изменилось не только название Советов, но и вся их система. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что вопросы местного управления на основе волеизъявления населения стали регулироваться значительно более подробно и системно. Указывалось, в частности, что «органами государственной власти в краях, областях, автономных областях, национальных округах, административных округах, районах, городах, поселках, селах (станицах, деревнях, хуторах, аулах) являются Советы депутатов трудящихся» (ст. 77). Согласно ст. 79 Советы депутатов трудящихся (края, области, округа, района, города, поселка, села) должны были руководить культурно-политическим и хозяйственным строительством на своей территории, устанавливать местный бюджет, руководить деятельностью подчиненных им органов управления, обеспечивать охрану государственного порядка. Далее указывается, что исполнительными и распорядительными органами местных Советов депутатов являются избираемые ими исполнительные комитеты.

Совершенно четко и ясно подчеркивается вертикаль государственной власти. О централизации местного управления свидетельствуют, в частности, следующие нормы: «Исполнительные органы Советов депутатов трудящихся непосредственно подотчетны как Совету депутатов трудящихся, их избравшему, так и исполнительному органу вышестоящего Совета депутатов трудящихся» (ст. 89); «Вышестоящие исполнительные комитеты Советов депутатов трудящихся имеют право отменять решения и распоряжения нижестоящих исполнительных комитетов и приостанавливать решения и распоряжения нижестоящих Советов депутатов трудящихся» (ст. 90); «Вышестоящие Советы депутатов трудящихся имеют право отменять решения и распоряжения нижестоящих Советов депутатов трудящихся и их исполнительных комитетов» (ст. 91). Тем самым централизация власти получила свое логическое завершение, а именно конституционное закрепление.

В этой связи в литературе отмечается, что «советская модель, противопоставленная "буржуазному" местному самоуправлению, стала порождением, частью и инструментом командно-административной суперцентрализованной системы и в то же время выполняла функцию ее демократического камуфляжа» [3, с. 125]. Так, районные Советы депутатов трудящихся руководили сельскими и поселковыми Советами, а также и городскими Советами тех городов, которые, согласно законодательству республики, отнесены к городам районного подчинения. Советы депутатов трудящихся села, станицы, деревни, хутора, кишлака, аула являлись самыми многочисленными и самыми массовыми органами власти на местах. Они служили первичными ячейками государственной власти.

Как справедливо отмечает М.А. Краснов, в 1930-е гг. сложились основные черты политики тоталитарного государства по отношению к местным органам власти: во-первых, жесткая централизация; во-вторых, все слова о «демократическом централизме», «социалистической демократии» были пропагандистскими лозунгами – приоритет всегда отдавался указаниям центра, а не интересам людей; в-третьих, «двойное», а фактически и «тройное подчинение» местных органов власти (хотя формально исполкомы и их отделы были лишь исполнительными ор-

ганами Советов, реально они стояли над последними, подчиняясь только вышестоящим органам и партийным инстанциям); в-четвертых, депутатам же местных Советов отводилась в большинстве случаев лишь роль послушно голосующих за проекты документов, подготовленных аппаратом; в-пятых, отрицание права – власть может делать все, что сочтет нужным, в том числе и нарушать собственные законы; в-шестых, патернализм (государство и его лидеры – мудрые «отцы» народа, уподоблявшегося неразумным детям) [4, с. 5]. Соответственно усилению в обществе тоталитарных тенденций повышалась и явка на выборы в местные Советы: в 1927 г. – 50,7%, в 1929 г. – 63,2%, в 1931 г. – 72,0%, в 1934 г. – 85,0%, в 1939 г. – 99,21% от общего числа избирателей [5, с. 68].

Однако централизация местного управления не означала, что местные Советы и их исполкомы все решали по указаниям свыше. По приказаниям вышестоящих органов все вопросы местного характера решить зачастую невозможно, поскольку этих вопросов слишком много. Соответственно, даже то обстоятельство, что имела место «государственная» теория, характеризующая местное самоуправление, Советы как органы власти на местном уровне объективно не были в состоянии реализовать все свои функции. Нельзя не согласиться в этой связи с Н.М. Алешенко в том, что «исторические исследования опровергают беспочвенные утверждения о том, что в годы Советской власти местные Советы якобы были бесправны, находились в подчинении партии и поэтому никакой роли ни в политической, ни в хозяйственной жизни страны не играли. Между тем анализ опыта деятельности местных Советов показывает, что на самом деле это было не совсем так. Действительно, по отношению к ним партийные органы были директивными, но их директивы и многочисленные вопросы местной жизни Советы выполняли и решали самостоятельно. Для этого они имели хотя и недостаточные, но самостоятельные бюджетные ассигнования. Это убедительно видно было в годы Великой Отечественной войны» [6, с. 517].

В таком виде местные Советы функционировали почти 20 лет. Следующий рубеж в развитии советской системы местных Советов связывается с XX партсъездом, который сделал реальный поворот к демократизации общественно-политической жизни в стране. Под влиянием его решений ЦК КПСС 22 января 1957 г. принял постановление «Об улучшении деятельности Советов депутатов трудящихся и усилению их связей с массами» [7]. По замыслу оно было призвано покончить с ненужной опекой и мелочным вмешательством со стороны парторганов в деятельность Советов, обеспечить развитие их инициативы и самостоятельности. ЦК рекомендовал партийным и советским организациям союзных республик принять практические меры по расширению прав местных Советов в сфере народного хозяйства, решению финансово-бюджетных вопросов, организации жилищного, культурного и дорожного строительства. Во исполнение этого документа в 1957–1959 гг. произошло обновление законодательства о местных органах власти. Однако в союзных республиках ситуация с принятием нормативно-правовых актов о местных советах складывалась по-разному. Так, в РСФСР было принято только Положение о сельских Советах [8, с. 569]. Были приняты также и другие постановления ЦК КПСС: «О работе местных Советов депутатов трудящихся Полтавской области» (1965 г.), «Об улучшении работы сельских и поселковых Советов депутатов трудящихся» (1967 г.) [9, с. 347-350], «О мерах по улучшению деятельности районных и городских Советов депутатов трудящихся» (1971 г.) [10, с. 345-353] и др. В рамках трансформации советского государства в период «оттепели» значительное внимание уделялось повышению роли общественных организаций. Так, Н.С. Хрущев с трибуны XXII партсъезда говорил, что «каждый советский человек должен стать активным участником в управлении делами общества!» [11, с. 97].

В этой же связи вставал вопрос о создании новой Конституции СССР. Была образована Конституционная комиссия под председательством Н.С. Хрущева, которая к середине 1964 г. выработала Проект Конституции Союза Советских Социалистических Республик («Конституция Н.С. Хрущева») [12, с. 395-458]. При сохранении основных принципов предыдущей конституции по некоторым позициям это был довольно либеральный проект. Предусматривался институт народных депутатов, при этом на каждых выборах должно было обновляться не менее 1/3 депутатов, в один и тот же Совет можно было избираться не более трех раз подряд. Местные Народные Советы, как и ранее, входили в систему государственной власти, они были подконтрольны и подотчетны непосредственно избирателям, а также вышестоящим народным Советам. Вместе с тем некоторые нюансы свидетельствуют о повышении самостоятельности местных Советов. Так, согласно ст. 227 проекта Конституции, «местные Народные Советы осуществляют местное самоуправление, **окончательно** [выделено нами – авт.] решают все вопросы местного значения в пределах своей компетенции» [12, с. 450]. Однако после смещения Хрущева со всех постов проект по созданию новой конституции был свернут.

Официальные власти в рамках концепции «общенародного государства» продолжали рассматривать Советы в качестве одной из самых демократических форм органов самоуправления. Прогнозировалось, что вскоре они перестанут быть органами государственной власти и

всецело превратятся в структуры общественной самодеятельности трудящихся, предназначенные для управления делами общества, без каких бы то ни было политических функций. Отмирание государственных органов, согласно теории построения коммунизма, представлялось как постепенное исчезновение государственного аппарата, передача его функций общественным органам и самому населению. Партийная печать в своих призывах стимулировала этот процесс. В одной из передовиц отмечалось, что «насуточные потребности коммунистического строительства, задачи подготовки условий перехода к коммунистическому самоуправлению требуют вовлечения в дело управления все более широких масс трудящихся, дальнейшего развития общественных, самодеятельных начал в Советах» [13, с. 10]. Однако, как справедливо указывается в литературе, эти попытки построения гражданского общества носили еще крайне неуверенный, половинчатый характер и были во многом ориентированы на текущую политическую конъюнктуру [14, с. 85-86].

Тем не менее измененный концептуальный подход предопределил появление соответствующих законодательных актов. Так, 8 апреля 1968 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР было утверждено Примерное положение о сельских, поселковых и районных Советах [15], а 19 марта 1971 г. – «Об основных правах и обязанностях городских и районных в городах Советов депутатов трудящихся» [16].

Эти акты модернизировали нормативную базу в данной сфере и сыграли весомую роль в правовом регулировании деятельности местных Советов. Так, в ст. 1 Указа 1971 г. указывается, что районный Совет депутатов трудящихся как орган государственной власти в районе решает в пределах прав, предоставленных законом, все вопросы районного значения, исходя из общегосударственных интересов и интересов трудящихся района. И далее: «Районный Совет депутатов трудящихся руководит государственным, хозяйственным и социально-культурным строительством на территории района, деятельностью подчиненных Совету органов управления, предприятий, учреждений и организаций районного подчинения. В районном подчинении находятся предприятия, учреждения и организации, обслуживающие преимущественно население района. Порядок передачи указанных предприятий, учреждений и организаций в районное подчинение устанавливается законодательством Союза ССР и союзных республик. Руководство предприятиями, учреждениями и организациями районного подчинения осуществляется исполнительным комитетом районного Совета депутатов трудящихся через его отделы и управления либо непосредственно. Отделы и управления исполнительного комитета районного Совета, а также предприятия, учреждения и организации, которыми исполнительный комитет руководит непосредственно, подчиняются в своей деятельности как районному Совету и его исполнительному комитету, так и соответствующему вышестоящему отраслевому органу государственного управления» (ст. 2).

Как видно, здесь уже нет акцента на то обстоятельство, что районный Совет должен быть проводником политики высших органов власти. И сама подчиненность нижестоящих Советов вышестоящим регулируется достаточно умеренно. Такой подход был в своей основе сохранен до принятия новой, «брежневской» Конституции СССР 1977 г., где институт местных Советов получил дальнейшее развитие в направлении большей демократизации их деятельности.

REFERENCES

1. The Constitution of the USSR in 1936, Moscow, 1937.
2. The Constitution of the RSFSR in 1937. SU RSFSR. 1937. № 2. Art. eleven.
3. Abramov V. Local government: the idea and the experience. sociological by-cal research. 1997. № 1. pp 125-130.
4. Krasnov MA Introduction to municipal law. M., 1993.
5. Kokorev DA Municipal government of Russia: organizational and legal characteristics and comparative analysis. Dis. ... Cand. jurid. Sciences. M., 2004.
6. Aleshenko NM features the work of local Soviets in. Russia in the twentieth century: Historians argue the world. M., 1994. S. 517-522.
7. Resolution of the CPSU Central Committee on January 22, 1957 "On improvement of activity of the Soviets and strengthening their ties with the masses". CPSU in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences and Central Committee plenums. M., 1971. T. 7 S. 237-248.
8. Soviet state law / Ed. SS Kravchuk. M., 1980.
9. Reference party worker. Vol. 7. M., 1967.
10. Reference party worker. Vol. 11. M., 1971.
11. HH11 Congress of the CPSU: Verbatim Report. M., 1962. T. 1.
12. Pyzhikov A. Khrushchev thaw. 1953-1964. M.: Olma-Press, 2002.
13. Communist. 1962. № 2. S. 10.
14. Pyzhikov AV Model "people's state". Free Thought. 1999. № 12. C. 82-89.
15. The approximate position of the village, town and district councils of 8 April 1968 (utv.Ukazom Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of 08.04.1968). Bulletin of the Supreme Council with the USSR. 1968. № 16. Art. 131.

16. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR "On the fundamental rights and duties of district and city district Soviets" from 03.19.1971. Sheets of the Supreme Council with the USSR. 1968. №12. Art. 132.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Конституции СССР 1936 г. – М., 1937.
2. Конституция РСФСР 1937 г. // СУ РСФСР. 1937. № 2. Ст. 11.
3. *Абрамов В.* Местное самоуправление: идея и опыт // Социологические исследования. – 1997. – № 1. – С. 125-130.
4. *Краснов М.А.* Введение в муниципальное право. – М., 1993.
5. *Кокорев Д.А.* Городское самоуправление России: организационно-правовые особенности и сравнительный анализ. Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004.
6. *Алешенко Н.М.* Особенности деятельности местных Советов в годы Великой Отечественной войны // Россия в XX веке: Историки мира спорят. – М., 1994. – С. 517-522.
7. Постановление ЦК КПСС от 22 января 1957 г. «Об улучшении деятельности Советов депутатов трудящихся и усилении их связей с массами» // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М., 1971. Т. 7. – С. 237-248.
8. Советское государственное право / Под ред. С.С. Кравчука. – М., 1980.
9. Справочник партийного работника. Вып. 7. – М., 1967.
10. Справочник партийного работника. Вып. 11. – М., 1971.
11. XXII съезд КПСС: Стенографический отчет. – М., 1962. Т. 1.
12. *Пыжиков А.* Хрущевская оттепель. 1953–1964. – М.: Олма-Пресс, 2002.
13. Коммунист. – 1962. – № 2. – С. 10.
14. *Пыжиков АВ.* Модель «общенародного государства» // Свободная мысль. – 1999. – № 12. – С. 82-89.
15. Примерное положение о сельских, поселковых и районных Советах от 8 апреля 1968 г. (утв. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 08.04.1968 г.) // Ведомости Верховного Совета С СССР. – 1968. – № 16. – Ст. 131.
16. Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об основных правах и обязанностях городских и районных в городах Советов депутатов трудящихся» от 19.03.1971 г. // Ведомости Верховного Совета С СССР. – 1968. – № 12. – Ст. 132.

Information about the author

Popov Mikhail U., Doctor of Social Sciences, Professor, Krasnodar University, Ministry of Interior of Russia, Krasnodar, Russia
popov-52@mail.ru

Uporov Ivan V., Doctor of Historical Sciences, Candidate of Juridical Sciences, Professor, Krasnodar University, Ministry of Interior of Russia, Krasnodar, Russia
uporov@list.ru

Sturba Evgeny V., Doctor of History, Professor, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology, Kuban State University, Krasnodar, Russia
akademus07@rambler.ru
Received: 07.12.2015

For article citation: Popov M.U., Uporov I.V., Sturba E. V., Local Councils of people's deputies in the "Stalin" Constitution of the USSR (1936) and their subsequent organizational and legal development up to the "Brezhnev" Constitution of the USSR (1977). [Mestnye Sovety deputatov trudyashchihsya v «stalinskoj» Konstitucii SSSR (1936 g.) i ih posleduyushchee organizacionno-pravovoe razvitie do «brezhnevskoj» Konstitucii SSSR (1977 g.)]. Krasnodar. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mys'l* = *Historical and Social Educational Ideas*. 2015.Tom 7. No. 7. vol.1. Pp. 22-28
DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-7/1-22-28

Информация об авторе

Попов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук, профессор, профессор Краснодарского университета МВД России, Краснодар, Россия
popov-52@mail.ru

Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, профессор Краснодарского университета МВД России, Краснодар, Россия
uporov@list.ru

Штурба Евгений Викторович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии Кубанского государственного университета. Краснодар, Россия
akademus07@rambler.ru
Получена: 07.12.2015

Для цитирования статьи: Попов М. Ю., Упоров И. В., Штурба Е. В., Местные Советы депутатов трудящихся в «сталинской» Конституции СССР (1936 г.) и их последующее организационно-правовое развитие до «брежневской» Конституции СССР (1977 г.). Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Том 7. № 7 Часть 1. с. 22-28
DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-7/1-22-28

UDC 94(479+61) «13/18»

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-7/1-29-37

KHOTKO Samir Kh.

Adygei Republican Institute of Humanitarian Studies,
Maikop, Russia
inalast@mail.ru

ХОТКО Самир Хамидович,

Адыгейский республиканский институт гуманитарных
исследований им. Т.М. Керашева, г. Майкоп, Россия
inalast@mail.ru

**GENEALOGICAL LEGENDS ABOUT INAL
AND THEIR RELATIONSHIP WITH THE
LEGENDARY VERSIONS OF THE ORIGIN OF
THE CIRCASSIAN MAMLUKS**

**ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ ОБ ИНАЛЕ
И ИХ СВЯЗЬ С ЛЕГЕНДАРНЫМИ ВЕРСИЯМИ
ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЧЕРКЕССКИХ
МАМЛЮКОВ**

According to the common genealogical legend, the founder of the Circassian palatine dynasty, prince Inal, was a representative of a noble family, who migrated from Arabia or Egypt to Circassia. The time when allegedly this migration took place coincides with the period of the Mamelukes' reign. The content of the Circassian traditions, outlined by the first Circassian writers, corresponds very closely with the story about Circassians' origin, described by Ibn Khaldun, the famous scholar-scientist, who held public office during the reign of the first Circassian sultan of Egypt Barquq al-Djarkasi (1382–1399). Ibn Khaldun offered some convenient for his customer version of the Circassians' origin, and, accordingly, of the Circassian Mamelukes. Once upon a time, at the beginning of the Muslim history, the Arab tribe banū Ghassān moved first to Byzantium, and thence to Circassia, where they were assimilated among the local population. Thus, the coming of Circassian Barquq to power signified the restoring of the true Arabian authorities. In the 17th century, with the strengthening of Mameluke emirs in Cairo, this legend was widespread again in Egypt, Turkey and Circassia. It is quite probable that a similar fable of the Circassians dates back to the same version of Ibn Khaldun (through several later editions).

Согласно распространенной генеалогической легенде, основатель черкесской княжеской династии Инал являлся представителем знатного рода, который переселился из Аравии или Египта в Черкессию. Время, когда предположительно состоялось это переселение, совпадает с периодом правления мамлюков. Содержание черкесских преданий, изложенных первыми черкесскими писателями, очень тесно корреспондируется с историей происхождения черкесов, изложенной у Ибн Халдуна, знаменитого ученого-энциклопедиста, занимавшего государственные посты при первом черкесском султане Египта Баркуке ал-Джаркаси (1382–1399). Ибн Халдун предложил удобную для своего заказчика версию происхождения черкесов и, соответственно, черкесских мамлюков. Когда-то, при начале мусульманской истории, арабское племя гассанидов переселилось сначала в Византию, а оттуда – в Черкессию, где растворилось среди местного населения. Таким образом, приход к власти Баркука был равен реставрации истинно арабской власти. В XVII в., по мере усиления мамлюкских эмиров в Каире, эта легенда вновь получила широкое распространение в Египте, Турции и Черкессии. Весьма вероятно, что похожее предание у черкесов восходит именно к версии Ибн Халдуна (через несколько поздних редакций).

Keywords: Inal, genealogical legend, Circassians, Egypt, banū Ghassān, Ibn Khaldun, Evliya Çelebi, Nogma, Khan-Gerai.

Ключевые слова: Инал, генеалогическая легенда, черкесы, Египет, бану Гассан, Ибн Халдун, Эвлия Челеби, Ногма, Хан-Гирей.

**GENEALOGICAL LEGENDS ABOUT INAL AND THEIR RELATIONSHIP WITH THE LEGENDARY
VERSIONS OF THE ORIGIN OF THE CIRCASSIAN MAMLUKS**

***The fable about the Arabian (Egyptian) origin of the palatine dynasty of the bearers
of Inal family name.***

According to the Circassian tradition, Inal had been descending from the noble kin coming from Egypt. Based on Sh. Nogma, Inal was the representative of the sixth generation after Arab-Khan. Nogma does not speak about Mamluk or Circassian-Mamluk heritage of Arab-Khan, but indicates, that he was the relative to Tumanpay, together with whom they withstood the invasion of the Turks led by sultan Isghaq (apparently, Selim Yavuz, with years of regiment 1512–1520) [1, p. 109].

Mamluks suffered a defeat, Tumanpay perished, and Arab-Khan with a part of his troops had time to take the boats and escape from Egypt. He appeared in Byzantium, where the «Greek emperor admitted him graciously, did him a great favour and let him settle down together with his own descendants near the Kobarte river, in Taurida». The motivation of emperor, who desired with «this benevolence act to purchase new bastion for the sake of his empire, by placing people of famous bravery and examined courage on its border» looks like an interesting explanation. Nogma does not pay attention to the circumstance, which had to be well known to him: Byzantium had ceased to exist more than for 60 years before the seizure of Egypt by the Turks.

Further on, in the narration by Nogma, the Turks hindered the absconders from their serene life even in the Crimea, from whence they, headed by Abdan-Khan, a son of Arab-Khan, immigrated into the country «mentioned in the Chronicles as Western Caucasus» by sea. It is clear, that such a name did not exist in the Chronicles, and that it was obvious editorial mistake or neglect by A.P. Bergé, the first publisher of Nogma's writing.

Cas, a son of Abdan-Khan, was born when they were still in the sea. The runaways landed in Sujuk-Calais: «The Adyghe residing over there admitted them tenderly, and let them settle along the coast of the Black Sea to the extent of the Khokhoya river». Khokhoy – is the «vast and generous plain» between Anapa and Kuban. The Great Khokhoy and the Small Khokhoy, and Khokhops mountain area were also known [2, p. 3]. In this context the hydronym «Spring of Inal» (Inal-i-psin) in the neighborhood of Anapa is the fact of some interest [3, p. 187].

Cas by virtue of his own internal features solidated round about himself not only group of immigrants, but all the Adyghe, and received the name of *Pshir-Cassh*, that is Prince Cas. Thus, Nogma aspires to present the background of the ethnonym Circas, but he does not talk much through this explanation for giving the logical end to it. On the other hand, he has a prefabricated form of Circas – this name was born by a son of Laroun Khan, «of a Babylonish nativity», who in his turn, «abandoned his birthplace and settled down in Egypt in consequence of persecution». That person had two sons, Circas and Biecas, and both were killed by Turkish sultan Isghaq. As for Arab-Khan and Tumanpay, with whom Inal's bloodline starts, they were 'Cassians' «first-degree relatives».

The whole extensive period, since the appearance of Salah ad-Din's family in Egypt, while they had conditionally «Babylonian» (Mesopotamian, Kurdish) origins, until Ottoman occupation of Egypt and Syria in 1516–1517, which could cause returning of percentage of Circassian Mamluks to Caucasus, stays within this chain of migrations, temporal swells and defeats, but cannot derive any accurate confirmation at all.

After the first Circassian Prince Cas, or Pshir-Cassh, his son Ado (according to Khan-Gerai, Adad-Khan) ruled; the next, his grandson Khorraphatlae (according to Khan-Gerai, Khorrafelay) was the rein, and then the ruling power transited to his great-grandson – Inal. In connection with Inal's deeds, Nogma sets the dateline – the year of 1427. And between the jigs and the reels with respect to events, regions and periods, the mentioned date appears quite realistic. This may be considered as the consequence of rather perfect knowledge by Nogma about sands and age of Inal, no longer legendary, but real ancestor of Kabardian princes. This particular period encouraged the growth of Circassia's influence, because the consolidated empire of Juchids disintegrated into several khanates. North Caucasian plain turned out to be under control of the Circassians, who possessed broad experience of participation in many horde wars and politics.

The second realistic feature of Inal's epoch is the inclusion of the Abazins into the Adyghe political space. In the 15th century the mass migration of the Abazins to the northern slopes of Caucasus objectively could take place, whereon, with inevitability, they had to find themselves in a state of political and military dependence on the strong Circassian principedoms – Cremuch and Kabarda.

The third realistic feature of the fable occurs in its connection to Mamluks' Egypt. Ed. Spencer was the first who turned the attention to this fact in 1838, even prior to Nogma and Khan-Gerai appeared in writing of their materials: «According to Pallas and other contemporary writers, and fables still remaining in the families of certain Kabardian chieftains, the princes of Circassia derived their bloodline from Inal, glorious chief leader, who took success by storm in the fifteenth century and left behind the great inheritance for its parceling among his five sons; this chieftain, as it was stated by some sources, had been a descendant of Arab-Khan, the notorious Arabian dominator, and he had settled down with his own moderate habitat between Kuban and Anapa at the Black Sea shore. This story deemed to be faithful, but for as long as more particular acquaintance with the Circassians' traditions, coupled with more perfect knowledge of the Arabs' history at the time of Circassian Mamluks' dynasty regiment in Egypt, could prove the converse» [4, p. 15].

Khan-Gerai associated a large fortified ancient settlement with Inal; it was called Shankhhir, or Shankh-r Casezae-r, «Shankhrian ancient fortification», which had been situated in the closest neighbourhood to the Kuban river, but, what is more important, had been separated from it with a broad swampland between the rivers of Psf (Psif), and Npl' (Nepitl'). In the description given by Khan-Gerai, it looked like «four angled earthworks, fenced in bastion and ditch, with four exits, and in the manner of Roman camping-ground. This ancient fortification is about three versts (miles) within a round; it borders the first river eastwards, and the second of the mentioned rivers westwards» [5, p. 64, 154]. The location of the Shankhrian (Shangirian) fortification illustrates its destination as the complex for constraining nomads. S. Bronevski recorded that, it is deemed, as if formerly a town of Temirgoy owner having the name of Shangir was situated by the Psif river [6, p. 134]. There is a strong possibility that Shangir belonged to the forefather of the Temirgoy princes – Inal, who had been living at the end of the 13th – beginning of the 14th centuries. In the essentially later period of time, some Circassian Mamluk of the high rank and, probably, descending from the Circassian palatine family line, could come back homeward, and established a large feudal ownership – Kabarda.

The Circassian fable about Arab-Khan features the ancient genealogical legend, which was developed by famous Ibn Khaldun on the instructions of sultan Barquq in the 80-s of the 14th century. According to Ibn Khaldun, in far ancient times the Arabian tribe of banū Ghassān moved into Byzantium (Bielad al-Rum), and from there transited to Circassia, wherein dispersed among random tribes and became relative to local population. So right now, in the person of Barquq and his nationals, – as Ibn Khaldun made a remark, – the descendants of banū Ghassān actually rein over us [7, p. 137].

The version about migration of the Arabs to Circassia was in demand not only in Circassia itself, but both in Egypt, and Ottoman Turkey throughout the duration of several centuries. Specifically, Evliya Çelebi quotes the fable about origin of the Circassians from the Quraishes, some percentage of whom headed by Quissou escaped to Constantinople, where from by sea they arrived at the Circassians land. The son of Quissou, with whom together he had founded a lodgement in the vicinity of Anapa, consistently was called Shegake [8, p. 57]. Çelebi introduces the Quraishian primogenitors of the Abkhazians, Megrelians, and Lazians into various modifications of this muddled genealogical story. Such characters as – Mamluk, Buzuduk, Sadashan, Hatuqwai, Zhaney, Besleney or Baslaney, Bolokay (Bolotkay), and Kabartay were shaped up separately.

Shortly before Çelebi, Khaldun's concept was actualized by the leading Mamluk emir of Cairo, Ridwan Bey al-Faqari (1631–1656), on whose initiative an essay was drawn up, and was called very symbolically: «The harnessing of persons bending their brows in case of mentioning about bloodline of the Circassian emirs, and its relation to the Quraishes» (1632) [9, p. 75]. This genealogical legend was called upon «establishing the genealogical relation between the Circassians and the Arabs, and raising up the authority profile of the foreign Mamluk elite in Arabian society». Even more, the descending from the Quraishes was kind of blessing by Prophet Mohammed for ruling over Egypt and other Arabian territories [10].

Beside of general legitimation, according to which accession to power of the Circassian Mamluks was equal to restoration of the Quraishes' authority, the myth, as reworded by Ridwan Bey, also solved the problem of reputation improvement for his regiment due to forming up his kinship strain to the sultan Barquq. This was extremely challenging act in the course of advocacy of exclusive rights for Mamluk corps d'elite toward ruling over Egypt under conditions of weakening of political and military control at the hands of Istanbul.

The legend takes up the position that, when Selim I invaded Egypt, some certain number of Circassian Mamluks came back to ancestors' motherland. And the 13-years old emir Rustam ibn Timraz, hypothesized descendant of sultan al-Ashraf Barsbay and, as the source assures, ancestor of Ridwan Bey al-Faqari, was among them. Some Lebanese merchant from Tripoli, visiting Circassia in the course of his business, met Rustam over there, and learned the information about his noble origin. On his return to Ottoman dominion, the merchant reported about Rustam to the Circassian Ozdemir-Pasha, who was reigning over Yemen and Abyssinia. Pasha, in his turn, narrated about Rustam to Sinan-Pasha, the governor of Egypt. Sinan-Pasha sent for Rustam, and so ordered him to show up at the «gate of Osman». Rustam, nevertheless, refused to do it because of fears about his own life, and stayed in Circassia until his death, and he died in the time of Selim II (1566–1574) regiment. His rights of inheritance in Ottoman Empire appeared to be restored at that time, when Ridwan occurred in the ranks of Mamluks, and took charge of this corporation [11, p. 155].

The information from some sources about the existence of one more Circassian prince Inal.

The consideration of the matter about the origin of the palatine dynasty of Arab-Khan – Inal is complicated by the reason that the records regarding the Circassian (Kabardian) prince Inal – the contemporary of the khans Tokta and Uzbek – are contained in the sources of the Crimean Tatar origin of the 18th century. I.A. Mustakimov cites the information from Utemish Hajji, according to which, «Toktaga (Tokta) Khan lying on the bed of death, after learning from his wife Kelin-Baialyn the fact that she had sheltered his nephew, the prospective khan Uzbek in the «Circassian vilayet», sent the army for him». And Abd al-Ghaffar Kyrymi informed that «Kelin-Baialyn, among other things identified by him as a "daughter of [one of the] Chagatay sultans", secretly from Tokta had sent Uzbek to some Inal-Bek, who had been residing in the territory of Kabartay in the Circassian vilayet» [12, p. 273–283].

Inal, who is mentioned herein as dominator or governor of Circassia, may be a real prototype of legendary Inal, the forefather of the Circassian princes. But another story is also probable, if it tells us about that Inal, who lived in the time of Tokta-Khan, at the end of the 13th – beginning of the 14th centuries, and was the progenitor of the only one Temirgoy palatine family of the Bolotoko. The Tartarian historians of the 18th century were able to supplement the identification of Inal, the mentor of Uzbek,

exactly as the provided Kabardian according to the simple ground that the bloodline of the Kabardian palatine family had been rather widely known – to the Tartars, to the Turks, and to the Russians.

Kabardian Inal lived, most probably, much later – in the second half of the 15th century. In 1753, the Kabardian princes stated very clearly in their letter addressed to Petersburg that their ancestor had been living in that period of time, when the khan known as Janbek-Khan [13, p. 189–190] reined in the Crimea. They had, evidently, some authority document to make such a statement – perhaps, it was a patent of nobility issued by Janibek-Gerai for ruling over Circassia, or they plainly knew from the distinguished genealogical or alternative legends that the personality and deeds of Inal were somehow associated with this particular khan. Janibek-Gerai I ruled over the Crimean Khanate in 1477–1478.

In such a case, Temirgoy's Inal is exactly that very Inal, who ruled over Circassia, and brought up Uzbek. Çelebi narrates that the palatine genealogical line of Bolotoko had descended from Nulabuk [8, p. 73]. One can easily recognize Inalbek in this name. It means then, that the princes of Temirgoy (Kemirgoy, *Cremuch*), as well as this dominion itself, existed in conventional year of 1300. The Mamelukian source helps in shedding light on this presumable relation.

Circassian sultan Muayyad Shaikh (1412–1420) – descendant of the bloodline of Bolotoko, owners of Cremuch, medial principedom of Circassia.

After the son of Barquq, Faraj, the governor of Damascus, Circassian Muayyad – former Mamluk of Barquq, whom the latter had bought with three thousand beans from the Circassian slave merchant [14, p. 110–111] – occupied the throne of Cairo. Such a vast sum of money had been paid, evidently, because this Mamluk was of the distinguished birth.

According to Badr al-Din Mahmoud al-Aini (1361–1451), who compiled the biography of sultan Muayyad Shaikh, he was a son of the fourth ancestral chieftain of the Circassian nation Karamūk [15, p. 9]. This Arabised form of the Circassian designation, in all appearances, corresponds to the modern Italian lingual forms: Cremuch, as it was stated by I. Barbaro in 1452, and on the «World map» (Mapamondo) of Fra Mauro in 1459, and Cromuc by J. Interiano in 1502 [16, p. 97–99].

Herein, it is necessary to remember the surveillance of one of the most sophisticated experts in the Ethnic history of Mamluks, A.N. Poliakov, who distinguished that the authority both in Circassia, and in Mamluks' sultanate had been kept by one and the same ethnosocial stratum, id est by the Circassian aristocracy [17, p. 242]. As it can be seen from the above, sultan Muayyad Shaikh could be the descendant of that particular Inal, who lived at the time of Uzbek.

Summary.

In the capacity of the most general conclusion we can specify that the legendary relation of the bearers of Inal family name to the Arabian Orient reflected quite existent and rather enduring epoch of political, military, and cultural contacts between Circassia and Mamluk Egypt.

The legend about the «Arabian» origin was called upon increasing the prestige of palatine dynasty growing from the Inal family genealogical tree, different branches of which ruled over Kabarda, Beslenei, and Temirgoy throughout the duration of more than five centuries. An additional point is that the contents of the sources allow to pose a question, even in the most preliminary form, regarding the second Inal, who could live at the turn of the 13th and the 14th centuries, and from whom the Temirgoy dynasty of Bolotoko could originate.

The Circassian legends about Arab-Khan themselves are obviously similar to the fable about the Circassians originating from banū Ghassān, which appeared during the reign of sultan Barquq, and was called into the reality to legitimize the accession to power of the Circassian Mamluks in the Arabian country.

**ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ ОБ ИНАЛЕ И ИХ СВЯЗЬ С ЛЕГЕНДАРНЫМИ
ВЕРСИЯМИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЧЕРКЕССКИХ МАМЛЮКОВ**

Предание об аравийском (египетском) происхождении княжеской династии Иналовичей.

Согласно черкесским преданиям, Инал происходил из знатного рода выходцев из Египта. По Ш. Ногма, Инал был представителем шестого поколения после Араб-хана. Ногма не говорит о мамлюкском или черкесско-мамлюкском происхождении Араб-хана, но указывает, что он был родственником Туманпая, вместе с которым они сопротивлялись нашествию турок султана Исгака (очевидно, Селима Явуза, годы правления 1512–1520) [1, с. 109].

Мамлюки терпят поражение, Туманпай погибает, а Араб-хан с частью войска успевает сесть на суда и покинуть Египет. Он оказывается в Византии, где «греческий император принял его милостиво, облагодетельствовал и позволил ему поселиться со своими выходцами на реке Кобарте, в Тавриде». Интересно объясняется мотивация императора, который желал «сим благоденствием приобрести новый оплот для своей империи, поставив на границе людей известной храбрости и испытанного мужества». Нога не обращает внимание на обстоятельство, которое должно было быть известно ему: Византия прекратила свое существование более чем за 60 лет до захвата Египта турками.

Далее, в изложении Нога, турки не дали спокойной жизни беглецам и в Крыму, откуда они во главе с сыном Араб-хана Абдан-ханом морем переселяются в страну, «называемую в летописях Западным Кавказом». Ясно, что такого названия в летописях не было и что это явная редакционная ошибка или недосмотр А.П. Берже, первого издателя труда Нога.

Еще в море у Абдан-хана рождается сын Кес. Беглецы высадились в Суджук-кале: «Обитавшие там адыгейцы приняли их ласково и позволили им селиться по берегу Черного моря до реки Хохоя». Хохой – «обширная и плодородная равнина» между Анапой и Кубанью. Также были известны Большой и Малый Хохой и урочище Хохопс [2, с. 3]. В этом плане интерес представляет гидроним «Родник Инала» (Инал-и-псин), в окрестностях Анапы [3, с. 187].

Кес благодаря своим качествам сплотил вокруг себя не только группу переселенцев, но и всех адыгов, и получил имя *Пшир-Кесиш*, то есть князь Кес. Так Нога стремится показать происхождение этнонима черкес, но до конца не проговаривает эту версию. С другой стороны, у него есть готовая форма Черкес – это имя носил сын хана Ларуна, «уроженца Вавилонского», который, «вследствие гонений, оставил родину и поселился в Египте». У того было два сына, Черкес и Бикес, которые были убиты турецким султаном Исгаком. А Араб-хан и Туманпай, с которых начинается ветвь Инала, были их «ближайшими родственниками».

В эту цепь переселений, временных возвышений и поражений укладывается, но не может получить хоть сколько-нибудь точного подтверждения вся обширная эпоха от появления в Египте семьи Салах ад-Дина, которая имела, условно, «вавилонские» (месопотамские, курдские) корни, до османского завоевания Египта и Сирии в 1516–1517 гг., которое могло вызвать возвращение части черкесских мамлюков на Кавказ.

После первого черкесского правителя Кеса, или Пшир-Кеса, правил его сын Адо (у Хан-Гирея Адед-хан), затем внук Хурофатлае (у Хан-Гирея Хурфелай), затем власть перешла к правнуку – Иналу. В связи с деяниями Инала Нога приводит дату – 1427 г. Несмотря на всю путаницу в событиях, странах и эпохах, дата названа вполне реалистичная. Это может быть следствием достаточно точного знания Нога о времени жизни Инала, уже не легендарного, а реального предка кабардинских князей. Этот период способствовал росту влияния Черкесии, поскольку единая джучидская империя распалась на несколько ханств. Северокавказская равнина оказалась под контролем черкесов, имевших большой опыт участия в ордынских войнах и политике.

Вторая реалистичная черта эпохи Инала – включение абазин в адыгское политическое пространство. В XV в. действительно могло иметь место массовое переселение абазин на северные склоны Кавказа, где они с неизбежностью должны были оказаться под военно-политическим влиянием сильных черкесских княжеств – Кремука и Кабарды.

Третья реалистичная черта предания – связь с мамлюкским Египтом. На это первым обратил внимание в 1838 г., еще до написания Ногмовым и Хан-Гиреем их трудов, Эд. Спенсер: «Согласно Палласу и иным современным писателям и преданиям, еще сохранившимся в семьях некоторых кабардинских вождей, князья Черкесии выводят свою родословную от Инала, знаменитого вождя, преуспевшего в пятнадцатом столетии и оставившего свое наследство для раздела между пятью сыновьями; этот вождь, как утверждалось, был потомком Араб-Хана, знаменитого арабского правителя, поселившегося с небольшим своим окружением между Кубанью и Анапой на Черном море. В это верилось, покуда более близкое знакомство с преданиями черкесов вкупе с более точным знанием истории арабов во времена правления в Египте династии черкесских мамлюков не доказали обратное» [4, с. 15].

С Иналом Хан-Гирей связывал крупное укрепленное городище Шанххир, или Шанх-р Кеисзе-р, «Шанхское старое укрепление», которое находилось в непосредственной близости к Кубани, но, что важно, было отделено от нее топиями, между речками Псф (Псиф) и Нплъ (Непитль). В описании Хан-Гирея это «четвероугольное земляное укрепление, валом и рвом обнесенное, с четырьмя выходами, наподобие римского лагеря. Это древнее укрепление имеет в окружности около трех верст; оно на восток к первой, а на запад ко второй из упомянутых ре-

чек примыкает» [5, с. 64, 154]. Расположение Шанхирского (Шанджирского) укрепления показывает его предназначение для сдерживания кочевников. У С. Броневского отмечено, что считается, будто на Псифе был прежде город темиргойского владельца по имени Шанджир [6, с. 134]. Вполне вероятно, что Шанджир принадлежал прародителю темиргоевских князей Иналу, который жил в конце XIII – начале XIV в. Существенно в более позднее время некий черкесский мамлюк высокого ранга и, надо полагать, происходивший из черкесской княжеской фамилии мог возвратиться на родину и основать крупное феодальное владение – Кабарду.

Черкесское предание об Араб-хане отражает старую генеалогическую легенду, сконструированную знаменитым Ибн Халдуном по поручению султана Баркука в 80-е гг. XIV в. Согласно Ибн Халдуну, в стародавние времена арабское племя бану Гассан переселилось в Византию (билад ал-Рум) и оттуда перешло в Черкесию, где разошлось по разным племенам и породнилось с местным населением. Теперь же, в лице Баркука и его соотечественников, отмечал Халдун, нами управляют потомки гассанидов [7, с. 137].

Версия о переселении арабов в Черкесию была востребована как в самой Черкесии, так и в Египте, и Османской Турции на протяжении нескольких веков. Так, Эвлия Челеби приводит предание о происхождении черкесов от курейшитов, часть которых во главе с Кису бежала в Константинополь, откуда морем прибыла к черкесам. Сына Кису, вместе с которым он обосновался в районе Анапы, закономерно звали Шегаке [8, с. 57]. В разные версии этой путаной генеалогической истории Челеби вводит курейшитских прародителей абхазов, мегрелов и лазов. Отдельно подбираются персонажи – Мамелюке, Бузудук, Садашан, Хатукай, Жанай, Бесней, Болкай (Болоткай), Кабартай.

Незадолго перед Челеби халдуновская концепция была актуализирована ведущим мамлюкским эмиром Каира Ридван-беем ал-Факари (1631–1656), по инициативе которого было составлено весьма символически названное сочинение: «Покорение лиц, хмуриящихся при упоминании родословной черкесских эмиров и связи ее с курейшитами» (1632) [9, с. 75]. Эта генеалогическая легенда была призвана «установить генеалогическую связь черкесов и арабов и поднять авторитет иноземной мамлюкской элиты в арабском обществе». Более того, происхождение от курейшитов было своего рода благословением пророка Мухаммада на управление Египтом и другими арабскими землями [10].

Помимо общей легитимации, согласно которой приход к власти черкесских мамлюков был равен реставрации власти курейшитов, миф в редакции Ридван-бея решал и задачу повышения престижа его правления за счет выстраивания линии его родства с султаном Баркуком. Это было весьма актуально в отстаивании особых прав мамлюкской элиты на управление Египтом в условиях ослабления военно-политического контроля со стороны Стамбула.

Легенда утверждает, что, когда Селим I захватил Египет, некоторое число черкесских мамлюков возвратилось на родину предков. Среди них был и 13-летний эмир Рустам ибн Тимраз, предполагаемый потомок султана ал-Ашрафа Барсбая и, как уверяет источник, предок Ридван-бея ал-Факари. Некий ливанский купец из Триполи, будучи по делам в Черкесии, встретил там Рустама и узнал о его знатном происхождении. По возвращении в османские владения, купец сообщил о Рустаме черкесу Оздемир-паше, который управлял Йеменом и Абиссинией. Тот, в свою очередь, поведал о Рустаме Синан-паше, наместнику Египта. Синан-паша послал за Рустамом и приказал ему явиться к «воротам Османа». Рустам, тем не менее, отказался сделать это из-за опасения за свою жизнь и до своей смерти оставался в Черкесии, а умер он в правление Селима II (1566–1574). Его наследственные права в Османской империи оказались восстановлены тогда, когда Ридван оказался в рядах мамлюков и возглавил эту корпорацию [11, с. 155].

Сведения источников о существовании еще одного черкесского князя Инала.

Рассмотрение вопроса о происхождении княжеской династии Араб-хана – Инала усложняется тем, что в источниках крымско-татарского происхождения XVIII в. содержатся сведения о черкесском (кабардинском) князе Инале – современнике ханов Токта и Узбека. И.А. Мустакимов приводит сведения Утемиш-хаджи, согласно которому, «находящийся на смертном одре хан Токтага (Токта), узнав от своей жены Келин-Баялын о том, что она укрывала в «Черкесском вилайете» его племянника, будущего хана Узбека, послал за ним войско». Абд ал-Гаффар Кырым, сообщал, что «Келин-Баялын, именуемая им между прочим "дочерью [одного из] чагатайских султанов", втайне от Токты отправила Узбека к некоему Инал-беку, обитавшему в местности Кабартай в Черкесском вилайете» [12, с. 273–283].

Упомянутый здесь Инал, правитель или наместник Черкесии, может быть реальным прототипом легендарного Инала, прародителя черкесских князей. Но вероятен также сценарий, при котором Инал, живший при Токта-хане, в конце XIII – начале XIV в., был основателем одного только темиргоевского княжеского дома Болотоковых. Татарские историки XVIII в. могли добавить идентификацию Инала, воспитателя Узбека, как именно кабардинца по той простой причине, что родословная кабардинского княжеского дома была весьма широко известна – и татарам, и туркам, и русским.

Кабардинский Инал жил, скорее всего, значительно позднее – во второй половине XV в. В 1753 г. в письме в Петербург кабардинские князья очень четко указали, что их предок жил в то время, когда в Крыму правил хан Джанбек-Хан [13, с. 189–190]. На это у них, видимо, имелись документальные основания – может быть, жалованная грамота от Джанибек-Гирея на управление Черкесией либо попросту в известных им генеалогических и иных преданиях персона и деяния Инала каким-то образом были связаны с этим ханом. Джанибек-Гирей I правил Крымским ханством в 1477–1478 гг.

Темиргоевский Инал в таком случае и есть тот Инал, который правил Черкесией и воспитывал Узбека. У Челеби говорится, что князья Болотоко произошли от Нулабука [8, с. 73]. В этом имени легко распознать Иналбека. Тогда князья Темиргоя (Кемиргоя, Кремука), как и само это владение, существовали в условном 1300-м г. Уяснить эту возможную связь помогает мамлюкский источник.

Черкесский султан Муаййад Шайх (1412–1420) – выходец из рода Болотоко, владельцев Кремука, срединного княжества Черкесии.

После сына Баркука Фараджа трон Каира занял наместник Дамаска черкес Муаййад – бывший мамлюк Баркука, купленный им за три тысячи монет у черкесского работоторговца [14, с. 110–111]. Такая огромная сумма была заплачена, видимо, потому, что мамлюк этот был знатного происхождения.

Согласно Бадр ад-Дину Махмуду ал-Айни (1361–1451), составившему биографию султана Муаййад Шайха, он являлся сыном четвертого наследственного вождя черкесского племени *Карамук* (Karamūk) [15, с. 9]. Эта арабизированная форма черкесского названия, по всей видимости, соответствует современным итальянским формам: *Кремук* (Cremuch) у И. Барбаро в 1452 г. и на «Карте мира» Фра Мауро 1459 г., *Кромук* (Cromuc) у Дж. Интериано в 1502 г. [16, с. 97–99].

Здесь надо вспомнить наблюдение одного из наиболее тонких специалистов по этнической истории мамлюков А.Н. Поляка, отметившего, что власть и в Черкесии, и в мамлюкском султанате удерживалась одним и тем же этносоциальным слоем, то есть черкесской аристократией [17, с. 242]. Таким образом, султан Муаййад Шайх мог быть потомком того Инала, который жил во время Узбека.

Выводы.

В качестве самого общего вывода мы можем отметить, что легендарная связь Иналовичей с арабским Востоком отражала вполне реальную и весьма длительную эпоху военно-политических и культурных контактов Черкесии и мамлюкского Египта.

Легенда об «арабском» происхождении была призвана повысить авторитет княжеской династии Иналовичей, различные ветви которой на протяжении более чем пяти столетий управляли Кабардой, Бесленеем и Темиргоем. Кроме того, содержание источников позволяет поставить, пусть и в самой предварительной форме, вопрос о втором Инале, который мог жить на рубеже XIII и XIV вв. и от которого могла происходить темиргоевская династия Болотоковых.

Сами черкесские предания об Араб-хане очевидно схожи с преданием о происхождении черкесов от гассанидов, которое появилось при султанине Баркуке и было призвано легитимировать приход к власти в арабской стране черкесских мамлюков.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное изд-во, 1958. – 239 с.
2. Обзор событий на Кавказе в 1851 году // Кавказский сборник. Т. XXI. – Тифлис, 1900. Отд. II. – С. 1–52.
3. *Люлье Л.Я.* Общий взгляд на страны, занимаемые горскими народами, называемыми: Черкесами (Адиге), Абхазцами (Азеге) и другими смежными с ними // Записки Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Кн. IV. – Тифлис, 1857. Отд. I. – С. 173–193.

4. Спенсер Эд. Описание поездок по Западному Кавказу / Пер. с англ. К.А. Мальбахова. – Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. революции 1905 г.», 2005. – 256 с.
5. Хан-Гирей. Записки о Черкесии / Вступ. ст. и подгот. текста к печати В.К. Гарданова и Г.Х. Мамбетова. – Нальчик: Эльбрус, 1978. – 333 с.
6. Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. – Нальчик: Эль-Фа, 1999. – 224 с.
7. Ayalon D. The Circassians in the Mamluk Kingdom // Journal of the American Oriental Society. Vol. 69. Pt. 3. – New Haven, 1949. – Pp. 135–147.
8. Челеби Эвлия. Книга путешествия. Вып. 2: Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. – М.: Наука, 1979. – 287 с.
9. Илюшина М.Ю. Три рукописи о происхождении Ридван-бея // XXIV Международная научная конференция «Источниковедение и историография стран Азии и Африки» 10–12 апреля 2007: Тезисы докладов / Отв. ред. Н.Н. Дьяков. – СПб., 2007. – С. 75–76.
10. Iliushina M.Yu. The Origins of the Circassian mamluks. A Subject of Myth-Making // URL: <http://publications.hse.ru/preprints/133978793>
11. Hathaway, J. A Tale of Two Factions. Myth, Memory, and Identity in Ottoman Egypt and Yemen. State University of New York Press. 2003. – 295 p.
12. Мустакимов И.А. Еще раз к вопросу о предках «Мамая-царя» // Тюркологический сборник 2007–2008: история и культура тюркских народов России и сопредельных стран. – М.: Восточная литература, 2009. – С. 273–283.
13. Прошение владельцев баксанской группы Магомета Коргокина и др. императрице Елизавете Петровне о переводе кашкатавских владельцев с реки Шалуки и в Кашкатав. 1753 г., ранее июня 19 // Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы в 2-х томах. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. II. – 424 с.
14. Muir W. The Mamluk or Slave Dynasty of Egypt, 1260–1517 A.D. – London: Smith, Elder, & Co, 1896. – 245 p.
15. Holt P.M. Literary offerings: a genre of courtly literature // The Mamluks in Egyptian politics and society. Cambridge University Press, 1998. – Pp. 3–16.
16. Хотко С.Х. Черкесия и княжество Кремуки на «Карте мира» (Mappamondo) Фра Мауро, 1459 г. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». – Майкоп: изд-во АГУ, 2014. Вып. 3 (144). – С. 96–101.
17. Poliak A.N. Le Caractère colonial de l'état Mamelouk dans ses rapports avec la Horde d'Or // Revue des Études Islamiques. – Paris, 1935. T. 9. – Pp. 231–248.

REFERENCES

1. Nogmov Sh.B. The History of the Adyghe people, compiled on the basis of the Kabardian legends.. [Istoriya adigeiskogo naroda, sostavlenaya po predaniyam kabardintsev]. Kabardino-Balkaria publishing house. Nalchik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatelstvo, 1958. 239 p. (in Russ.).
2. The Events Overview in the Caucasus in 1851 [Obzor sobitii na Kavkaze v 1851 godu] Kavkazskiy sbornik. – Caucas Collection. Vol. XXI. Tiflis, 1900, Part II. Pp. 1–52. (in Russ.).
3. Luillier L. Ya. The general view over the countries occupied by the mountain peoples, and named as: the Circassians (Adyghe), the Abkhazians (Azega), and other nations related to them. [Obshiy vzgliad na strani, zanimayemye gorskimi narodami, nazivaemimi: tscherkesami (adige), abkhaztsami (azega) i drugimi semejnymi s nimi] Zapiski Kavkazskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva. – The Notes of the Caucasus department of the Imperial Russian Geographical Society. Vol. IV. Tiflis, 1857, pp. 173–193. (in Russ.).
4. Spencer Ed. Description of trips in the Western Caucasus [Opisanie poezdok po Zapadnomu Kavkazu]. Nalchik: SE KBR «Republican combine of complementary polygraph plants named after the Revolution of 1905», 2005. – 256 p. (in Russ.).
5. Khan-Gerei. The Notes about Circassia [Zapiski o Tcherkesii]. Nalchik: Elbrus, 1978, 333 p. (in Russ.).
6. Broneski S. The latest geographical and historical news of the Caucasus [Noveishie geograficheskie i istoricheskie izvestiya o Kavkaze]. Nalchik: El-Fa, 1999, 224 p. (in Russ.).
7. Ayalon, D. The Circassians in the Mamluk Kingdom. Journal of the American Oriental Society. Vol. 69. Pt. 3. New Haven, 1949, pp. 135–147.
8. Evliya Çelebi. Travelogue . Issue 2: The territories of North Caucasus, Volga River basin and Don River basin. [Kniga putestestviya. Vyp. 2: Zemli Severnogo Kavkaza, Povolzh'ya i Podon'ya]. Moskva: Nauka, 1979, 287 p. (in Russ.).
9. Iliushina M.Yu. Three manuscripts on the origin of Ridwan Bey [Tri rukopisi o proiskhojdenii Ridvan-beya]. XXII International scientific conference «The sources and historiography of Asia and Africa» 10–12 April 2007. Sankt-Peterburg, 2007, pp. 75–76. (in Russ.).
10. Iliushina M.Yu. The Origins of the Circassian mamluks. A Subject of Myth-Making . Available at: <http://publications.hse.ru/preprints/133978793>
11. Hathaway, J. A Tale of Two Factions. Myth, Memory, and Identity in Ottoman Egypt and Yemen. State University of New York Press. 2003, 295 p.
12. Mustakimov I.A. One more time towards the issue about the ancestors of «Mamay-Czar». [Yeshye raz k voprosu o predkah «Mamaya-tsarya»]. Turkologicheskii sbornik. – Turkological collection 2007–2008. Moskva: Vostochnaya literatura, 2009, pp. 273–283. (in Russ.).
13. The Petition of Baksan group owners, Mohammed Korgokin and others, to the Empress Elizabeth of Russia regarding transfer of Kashkatav owners from the Shaluki river and to Kashkatav. 1753, prior to June 19. Kabardian-Russian relations in XVI–XVIII cc. [Proshenie vladel'cev baksanskoy gruppy Magometa Korgokina i dr. imperatrice Elizavete Petrovne o perevode kashkatavskih vladel'cev s reki Shaluki i v Kashkatav. 1753 g., ranee iyunya 19. Kabardino-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv.]. Documents and materials in 2 volumes Moskva: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR. Vol. II, 424 p. (in Russ.).

14. Muir W. The Mameluke or Slave Dynasty of Egypt, 1260–1517 A.D. London: Smith, Elder, & Co, 1896, 245 p.
15. Holt P.M. Literary offerings: a genre of courtly literature. The Mamluks in Egyptian politics and society. Cambridge University Press, 1998, pp. 3–16.
16. Khotko S.Kh. Circassia and the Kremuk Principality on the «World map» (Mappamondo) of Fra Mauro, 1459. [Tscherkesiya i knyajestvo Kremuk na karte mira Fra Mauro]. Journal of Adygeyan State University. – Vestnik Adigeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Maikop: izdatelstvo AGU, 2014, issue 3 (144), pp. 96 –101. (in Russ.).
17. Poliak, A.N. Le Caractère colonial de l'état Mamelouk dans ses rapports avec la Horde d' Or . Revue des Études Islamiques. Paris, 1935. T. 9, pp. 231–248.

Information about the author

Khotko Samir Kh, Candidate of Historical Sciences, Leading Research Fellow, Ethnology Department, Adygei Republican Institute of Humanitarian Studies, Maikop,
(Republic of Adygheya), Russia

inalast@mail.ru

Received: 21.10.2015

For article citation: Khotko S. Kh. Genealogical legends about Inal and their relationship with the legendary versions of the origin of the Circassian Mamluks. [Genealogicheskiye predaniya ob inale i ikh svyaz' s legendarnymi versiyami proiskhozhdeniya cherkesskikh mamlyukov]. Krasnodar. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mys'l* = *Historical and Social Educational Ideas*. 2015. Tom 7. No. 7 vol-1. Pp. 29-37.
DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-7/1-29-37

Информация об авторе

Хотко Самир Хамидович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнологии Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева, г. Майкоп,
(Республика Адыгея), Россия
inalast@mail.ru

Получена: 21.10.2015

Как цитировать статью: Хотко С. Х. Генеалогические предания об инале и их связь с легендарными версиями происхождения черкесских мамлюков. Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Том 7. №7. Часть 1. С. 29-37
DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-7/1-29-37

**Социологические, философские
и политологические науки**

***Sociological, Philosophical
and Political Science***

UDC: 321, 323

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-7/1-41-45

GABRIELIAN Akop,
Central European University (Budapest, Hungary), Russian-Armenian (Slavonic) University (Yerevan, Armenia), the Institute of Law and Politics, the Programme of Political Problems of International Relations and Global and Regional Development. Yerevan, Armenia

ГАБРИЕЛЯН Акоп Арменович,
Центрально-Европейский Университет, (Венгрия, Будапешт), Российско-Армянский (Славянский) Университет (Ереван, Армения), Институт права и политики по программе «Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития». Ереван, Армения

THE DEGREE OF THE SOVIET POLITICAL CULTURE'S AFFECT ON THE POST-SOVIET RUSSIAN POLITICS

СТЕПЕНЬ ВЛИЯНИЯ СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ПОСТСОВЕТСКУЮ РОССИЙСКУЮ ПОЛИТИКУ

The major aim of the work is to define the core aspects of political culture, methods of governmental management which have been taken by the current Russian political elite from the Soviet political cultural tradition. The text presents the author's insight on the political-psychological characteristics of inter-generational changes and succession in the Soviet and current Russian types of governance. The main inference of the works states partial succession and argues against the idea of full transmission of the Soviet political culture into the current one. However, the modern Russian political culture is also to be distinguished within: there is a great divergence between Yeltsin's times and modern Putin's epoch.

Основная задача данной работы заключается в определении глубинных аспектов политической культуры, средств государственного управления, перенятых текущей российской политической элитой из советской политико-культурной традиции. В работе автор представляет свое понимание политико-психологических характеристик межпоколенческих изменений и преемственности между советским и российским типами управления. Основной вывод работы заключается в утверждении о частичной преемственности между двумя эпохами и выступлении против идеи полной передачи советской политической культуры текущей российской. Последняя также должна быть дифференцирована внутри различиями между временами президента Б.Н. Ельцина и эпохой президента В.В. Путина.

Key words: political culture, tradition, transformation, government, epoch

Ключевые слова: политическая культура, традиция, трансформация, управление, эпоха

I. Introduction

One of the most miraculous features of History is its repetitiveness. It was ably noticed by the Ancient Greek philosophers¹, then developed in the frames of Medieval political ideology² and erected onto the top scientific extent by F. Hegel and F. Nietzsche in their concepts of "dialectic spiral" and "eternal recurrence" that every event arisen by the process of sublation ("Aufheben") which happened in a concrete moment on a length of time, can occur again on a higher level of historical ty.³ This circularity is especially clear if one considers the history of various empires, which had a smooth process of origin, rise and gradual decline. From this perspective, the Soviet Union is perceived by the different authors as an example of empire albeit with specific typological categorization in accordance to the political, economic, national, cultural and ideological features of the country and the methods of state governance [3; 4; 5; 6; 7 et al.]. However, the whole history of the Soviet Union, its existence from the very beginning of the Russian revolution till the very end should be considered not as one-dimensional indiscrete process, but rather as uneven path with vivid raises and glaring falls with further collapse of this supranational telamon, viewed by many people, including Russian today's government, as a historical and geopolitical catastrophe.⁴ It is namely the Russian current political establishment staying at the helm of the state from the beginning of 2000's recognizes itself as a successor of both Tsarist and Bolshevik legacy⁵ and as no one else tries to recover own legendary status of the Third Rome. What is more noteworthy regarding the scrutiny of the Soviet heritage, Russia as

¹ More strictly, by the Greek Stoic School of philosophical thought, namely by Polybius, Posidonius et al.

² See: N. Machiavelli, *The Prince; Discourses on the First Decade of Titus Livius*. ed. by M.V. Drako. Popurri, Minsk, 2005

³ For more precise definition see: L. Spenser and A. Krauze, *Hegel for Beginners*. Icon Books, 1996

⁴ Vladimir Putin: "Razval SSSR - krupneishayageopoliticheskayakatastrofaveka" via: Regnum, online at: <http://www.regnum.ru/news/444083.html> Last accessed: 9 March 2013

⁵ Obviously, more Bolshevik than Tsarist due to objective reasons of continuity and national memory of millions who lived in the USSR and who still have some, let me say, historical melancholy about that state.

an independent state, unlike many other states especially in Central Asia [8], did not draw its new loop of history from *tabula rasa* trying to forget the Soviet past and to erase own historical memory.

But to what extent may these analogies be considered as correct and meaningful? Does this succession fully repeat and recover the Soviet model, acquitting the latter's whole methodological spectrum of problem-solution, reincarnating it in a modern manner? Is it a question of mentality, a unique cultural identity, that makes the former Soviet and modern Russian elite believe in inevitability to build a state on any other principle than centralization of the most of power in the hands of executive attorney or it is a real danger of impossibility to hold the huge territory with heterogeneous population in any other way? Finally, if we *a priori* assume incorrectness of empirical scrutiny of the Soviet history from the one-dimensional uniform prism, would it be appropriate to observe the post-Soviet Russian political culture fitting it in the same 'Procrustean bed' of our understanding and perception? Answer on these questions requires a deep analysis of the Soviet governing model with simultaneous avoidance from the stereotypes and clichés which potentially can distort this research, as the very name of my topic presumes itself that, yet, the Soviet culture affected post-Soviet Russian politics and the question is to be addressed to the size of that affect and the level of consistency. At the same time, to obtain scientific unbiasedness I will try to examine the question of continuity from the different angles, encompassing in my observations different 'pro' and 'anti' sources related to the subject. To do that, I will embrace three main aspects of the Soviet-Russian hereditary relationship which I assume to be the most important in accordance to the given task: *succession of elites; differences in the state building models; succession of the chosen managerial strategy in domestic and foreign policy.*

2. Comparative analysis of the Soviet and post-Soviet political cultures

First and foremost, let me assert that even with a great effort and desire we cannot consider twenty years of Russian post-Soviet independence as a smooth process that is being remained constantly the same from the 90's up till now. As it was mentioned above, like the distinction between the Soviet rulers and their policy, post-Soviet governing experience should be differentiated and categorized in the frames of two epochs, namely by the antipodal presidency of Boris Yeltsin and Vladimir Putin. The definitions of these epochs will be give below, but before doing that, let me juxtapose the features between the Soviet and Yeltsin's regimes.

To understand on the basis of what the current Russian political culture is shaped, we should distinguish the main characteristics of the Soviet framework. Two main aspects that can be associated instantaneously with the Soviet rule are the personality cult and unconstrained power of the omnipotent communist party. Generally, they both can be narrowed down to the common denominator, as a person who stayed in power in the USSR always directly associated with the party and they both represented the unity of system. "What no Leninist regime ever did under Stalin, Khrushchev, or Brezhnev<...>was to create a culture of impersonal measured action"[6, p. 213]. That is true, because even if the cult emerged and brought onto the top by the period of almighty Stalinism, however, it did not disappear after the Stalin's death: we can see the features of the worship even in Khrushchev's thaw, Brezhnev's stagnation and Andropov's conservatism. Definitely, one might assume and would be absolutely correct, alleging that the Khrushchev's speech in 1956 undermined the policy of cult, but the given concept in my perception relates not only to the particular individual, but, what is more applicable, to the cult of ideology, to the belief in immutability and absolute rightness of the chosen path towards socialism and communism that continued to exist up until Gorbachev's *perestroika* [9, p. 31]. The latter aimed at least in words to modernize the system, but in deed was a last stop in a point of no return. Whether this being just an occasion or focused policy, but we can state that the same sense of rightness in the chosen way of state development is present today in both domestic and external strategy of governance under the Putin's presidency [10, p. 67]. In accordance to the latter, I partially disagree with K. Jowitt, who wrote that liberal democratic policies do not and cannot rest on the charismatic political leadership, instead, "they rest on 'public virtues'" [6, p. 214]. Given the examples of the post-War K. Adenauer's era in Germany, strict policy of Thatcherism from the mid-70's to the 90's in the UK, I affirm, that there is no contradiction between appealing for a strong leader and having prevailing popular virtues. It is seen from these examples, that a strong leadership can be and, indeed, is an attribute of some democracies, assuming the fact that even the best of them were kept in a tight rein when the times demanded that. However, it has been always complicated to define a clear watershed between a true democratic leadership on its highest level of political control which corresponds to the spirit and letter of democratic law, and the moment when this leadership turns into usurpation of power - and this was, in fact, what happed in the USSR. From this perspective Russian current executives can have either some credit of confidence as Russian post-Soviet political conjuncture is still continuing its formation and any attempt to predict further movement towards either total usurpation or exposed, explicit liberalization seems at least naive and should be measured twice before taken seri-

ously, or one might affirm that, going back to Putin's way of state governance, it is nothing than a telic action to restore the Soviet-style order. Moreover, the *risk of spontaneous democratization, accompanied by simple quantitative blueprinting of the Western democratic model can be no less dangerous for the existence of sovereign and united Russia, than the concentration of power in one's hands*. This was already proved during and after the Yeltsin's presidency which I personally consider as a clear evidence of the difference between real liberalization and leading country to a new downfall.

After the collapse, changes in the entire scope of policy under the Yeltsin's presidency in new emerged Russian state were so heavy and fundamental, that we can hardly speak about succession between Soviet and Yeltsin's era. To some degree of confidence, I would even say that Putin's Russia is more successor of the Soviet legacy despite of the fact that nearly a ten-year gap separates it from the USSR. Largely Putin's Russia succession was contributed and succeeded because of the involvement of the former elite representatives who were closely tied with or engaged in the structures of Committee for State Security (phenomenon of *siloviks*).¹ Diametrically opposite situation prevailed at the Yeltsin's period when, in contrast, the changes were so unpredictable and dependent from the daily fluctuations, that democratic transformation, if we do can name it so, had spontaneous, chaotic and quantitative nature, rather than reminded a qualitative, balanced and purposeful program [Hughes, 2001: 55]. Disappearance of the huge Soviet empire created ideological vacuum, that was tried to fill with as many external ideas as it was possible in any sphere. The plot thickens once we assume Yeltsin's Russia was not only far from the democratic model in the whole essence of that word, but was nothing, but populist authoritarian state characterized in the terms of local political disorder in regions, guided by kinship relations - what C. Ross named 'negotiated federalism' [11, p. 161; 12, p. 37]. The appearance of private property at the beginning of the 90's, despite of the very fact of its appearance, did not create a sensible margin from the previous Soviet period, because 'new' owners of the property in the new emerged conditions were the same representatives of the former Soviet elite, being the only difference with in a new name, oligarchs. Hence, economic distribution and allocation of resources in entity remained the same as the actors were the same and did not want to leave the stage. Meanwhile, though the very process of credible democratization at Yeltsin's times was weak, nonetheless, it created a perfect environment for the appearance of explicit civil rights so that even old elite was unable to stop that transformation. Therefore, it was rather *glasnost*, than *perestroika* that succeeded in Yeltsin's Russia. In accordance to that, if we draw the parallels between Soviet and post-Soviet Russian culture, it would not be groundless to see the similarities between Yeltsin and Lenin or Gorbachev way of state management, as all of them, maybe naively, but truly believed in the possibility to create a new societal order, and none of them achieved the supreme result [13, p. 227], whereas Putin's political worldview is often compatible with Stalinian or Brezhnevian model of governance in association with two aspects: a strong sense of confidence about own rightness in the model of development dominates among people, as it was described above, and the establishment of strong control, supremacy of the executor, supported by appropriate Constitutional power [14, Ch. 4]. However, there are some core variations in the definition: Putin's Russia, unlike Stalinian or Brezhnevian epochs, is not entirely "the externally oriented state based on the principle of the primacy of foreign policy" [5, p. 2]. Partly because Russia today shows more balance and attention towards both domestic and foreign issues due to the absence of necessity (at least so obvious and vivid) to create the image of external enemy, as it was during the Cold War. At the same time a new external danger has been very often, especially since 2005, seen in the wave of Velvet revolutions [15, p. 2], which is not unreasonably considered as a threat for Russian territorial unity, despite of the proclaimed aims and goals. Besides, it seems still far to speak about the cult of Putin, even taking for granted the high rate of his popularity in the country in general [10, p. 66] and among the political class in particular [16, p. 52], which in fact, has been gradually decreasing since his third by the count term of presidency². Thus, one might state that concretely Putin's vision of the main mechanisms that should be implemented and are still being done so can be considered as an evidence of not imitating the entire Soviet model in a rigorous way, but guiding more by the specific policy of particular Soviet leaders. In the coming chapter it will be shown what exact features tie contemporary Russian and Soviet schemes of state governance and why Soviet culture has palpably affected a new Russian model.

3. Soviet bequest and modern Russia

¹ This point will be more precisely discussed in the next chapter

² Putin's Approval Rating Slumps - Survey via: RIA Novosti, online at: <http://en.rian.ru/russia/20120824/175408725.html> Last accessed: 8 March 2013

"The [Soviet] model incorporated a federal element. Formally, the state comprised 15 sovereign national republics, but centralized political control over them was guaranteed by the Communist Party's hierarchical chain of command that stretched across all governmental and societal organizations"[Remington, 2007: 38]. From the given definition it is easy to see that the Soviet territorial order and power control are to some extent applicable for and compatible to the modern Russian structure. The constitutional form of federalism¹ in modern Russia nearly repeats the Soviet form: if the federalism in the Soviet Union was largely a formality, the current Russian model *de jure* gives more independence to the regions [14, Ch.3 Art. 72-73; Ch. 8 Art. 130-133] than it was during the Soviet regime, which implies regional governors, appointed by the Kremlin, to enjoy their independence, but "without challenging the center's power" [9, p. 39]. It was especially stressed *de jure* congruence, because *de facto* the power of appointment-making decisions is still kept by the Centre, where "Putin's primary objectives were [*and still are* - notation A. G.] to create a unified economic, legal and security space in the federation and to tighten the federal government's controls over the regions" [17, p. 32]. Apparently, in both Soviet and current Russian cases the separation of territories defines the areas of habitation for different national minorities, ethnic groups - in the Soviet model for all the states, included in it², in today's Russia in the frames of its inner divisions. The second part of the quotation from Remington's text also very reminds delegation of power in contemporary Russia. The loyalty of the links in the Soviet-style political chain was guaranteed by their membership in the Communist Party, meanwhile in modern Putin's Russia, according to some interpretations, the same principle of commitment is seen in the appointment of power agents, *siloviks*, who, due to their belonging, occupy very high positions in the energy sector and political-economic spheres [18, pp. 141-146; 16, p. 45]. Finally, the third similarity of the Soviet and Russian models is concentration of the two major functions by the center, namely, army and allocation of budget [14, Ch.3 Art. 75; Ch.4 Art. 87; Art. 83 d,e). Both examples evidence that the question of national security and money supply is viewed as a prerogative of the Center who can hardly share it with the federal subjects. Thus, the description of the main features stressed above legibly indicates the rightness of the assumption about political succession and continuity of Soviet political culture by Russian modern system which presents, referring to the theoretical part at the very beginning of my work, a new loop of historical circularity under the terms of new environment.

4. Conclusion

In Russian and Western literature [13, 19] there are yet some debates about how to treat and define current Russian political model. In that sense I would definitely exclude two extremes to estimate contemporary political system in Russia as pure totalitarian or pure democratic, and will agree with H. Hale, who assigned it to the hybrid regimes [19, p. 33]. On the one hand, if we follow the author's logic, Russia in own 'hybridity' inclines more to the return to the Soviet model and culture, shaping today a "single-pyramid system" [19, p. 35]. But on the other hand we may see that liberalization, even if it proceeds slowly, still occurs and appeals in a form of open criticism or in the reforms designed by the third Russian president, Dmitry Medvedev [20, p. 1439].

This paper does not pretend to evaluate the concept of liberalization in the Russian context in a 'bad' - 'good', 'right' or 'wrong' way. It pretends neither to look at that process from the perspectives of all humanistic lofty values and virtues. Rather, it assesses it from the perspectives of real and potential benefits that liberalization can possibly bear. And this point should be the last one to state that, indeed, contemporary Russian political culture and the model of state building is affected by the Soviet experience, but not to the extent which may allow one to make a conclusion that it simply copies the latter.

REFERENCES

1. N. Machiavelli, *The Prince; Discourses on the First Decade of Titus Livius*. ed. by M.V. Drako. Popurri, Minsk, 2005
2. L. Spenser and A. Krauze, *Hegel for Beginners*. Icon Books, 1996
3. Beissinger, Mark R. *Rethinking Empire in the Wake of Soviet Collapse*, in Zoltan Barany and Robert Moser, eds., 'Ethnic Politics and Post-Communism: Theories and Practice'. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2005, pp. 15-45

¹ As any other political organizations of the state (Unitarianism, Confederalism), Federalism has own main features [Ross, 2003: 30-31], which can be slightly changed corresponding to the traits of particular state.

² Some authors would disagree with this statement, as the delimitation of borders pursued in a very rude way [4, p. 201 (Footnote 2), 202], but overall I assume the general principle of "one territory - one nation", established by the Soviet commanders, was entrenched in a rigorous way.

4. Hirsch, Francine. *Toward an Empire of Nations: Border-Making and the Formation of Soviet National Identities*, in 'Wiley-Blackwell', Russian Review, Vol. 59, No. 2 April, 2000, pp. 201-226
5. Janos, Andrew C. *What Was Communism: A Retrospective in Comparative Analysis*, in 'Communist and Post-Communist Studies' Vol. 29, No. 1, 1996, pp. 1-24
6. Jowitt, Kenneth, *The Leninist Legacy* in I. Banac, eds. 'Eastern Europe in Revolution', Ithaca, NY: Cornell University Press, 2005, pp. 207-224
7. Lieven, Dominic. *The Russian Empire and the Soviet Union as Imperial Polities*, in 'Journal of Contemporary History', vol. 30, no. 4, 1995, pp. 288-338
8. Beissinger, Mark R. *Beyond the Nationalities Question?*, in 'Problems of Post-Communism', vol. 58, nos. 4-5, July-August/September-October 2011, pp. 35-45
9. Remington, Thomas F. *The Soviet System and Its Demise*, in 'Politics in Russia', Pearson Education: United States, 2007, pp. 31-54
10. Lukin, Alexander. *Russia's New Authoritarianism and the Post-Soviet Political Ideal*, in 'Post-Soviet Affairs', Vol. 25, No. 1, 2009, pp. 66-92
11. Ross, Cameron. *Reforming the Federation*, in S. White, R. Sakwa & H. Hale, eds., 'Developments in Russian Politics' Vol.7, Palgrave Macmillan, 2010, pp. 152-170
12. Hughes, James *Managing Secession Potential in the Russian Federation* in 'Regional & Federal Studies', Vol. 11, No. 3, 2001, pp. 36-68
13. Pozner, Vladimir, *Proshanie s Illyuziyami* ('Parting with Illusions'), publ. 2008 - ACT, 2013
14. The Constitution of the Russian Federation, 1993
15. Horvath, Robert. *Putin's 'Preventive Counter-Revolution': Post-Soviet Authoritarianism and the Spectre of Velvet Revolution*, in 'Europe-Asia Studies', 2011, Vol. 63, No. 1, pp. 1-25
16. Tsygankov, Andrei P. *Putin and The West: Russia's International Assertiveness What Does It Mean for the West?*, in 'Problems of Post-Communism', Vol. 55, no. 2, March/April 2008, pp. 38-55
17. Ross, Cameron. *Putin's federal reforms and the consolidation of federalism in Russia: one step forward, two steps back!*, in 'Communist and Post-Communist Studies', Vol. 36, 2003, 29-47
18. Treisman, Daniel. *Putin's Silovarchs in Orbis*, Vol. 51, January 2007
19. Hale, Henry E. *Eurasian politics as hybrid regimes: The case of Putin's Russia*, in 'Journal of Eurasian Studies', N1, The George Washington University, United States, 2010, pp. 33-41
20. Moses, Joel C. *Russian Local Politics in the Putin-Medvedev Era*, in 'Europe-Asia Studies', Vol. 62, No.9, 2010, pp. 1427-1452

The article also includes information and quotes from the media sources such as Regnum, RIA Novosti.

Information about the author

Gabrielyan Akop,: MA Degree Holder from Central European University (Budapest, Hungary), PhD Candidate at Russian-Armenian (Slavonic) University (Yerevan, Armenia), the Institute of Law and Politics, the Programme of Political Problems of International Relations and Global and Regional Development, Yerevan, Armenia

Received: 16.06.2015

For citation the article: Gabrielyan A. The degree of the soviet political culture's affect on the post-soviet russian politics. Krasnodar. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mys'l* = *Historical and Social Educational Ideas*. 2015. Том 7. № 7vol-1. Pp. 41-45.
DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-7/1-41-45

Информация об авторе

Габриелян Акоп Арменович, выпускник магистратуры, Центрально-Европейский Университет. (Венгрия, Будапешт), Российско-Армянский (Славянский) Университет (Ереван, Армения), аспирант Института права и политики по программе «Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития». Ереван, Армения"

Получена: 16.06.2015

Как цитировать статью: Габриелян А. А. Степень влияния советской политической культуры на постсоветскую российскую политику. Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Том 7. №7. Часть 1. с. 41-45.
DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-7/1-41-45

UDC 32

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-7/1-46-55

GOMOLKA Krystyna,
Gdańsk University of Technology
Gdansk, Poland
kgom@zie.pg.gda.pl

ГОМУЛКА Кристина,
Гданьский политехнический институт,
Гданьск, Польша
kgom@zie.pg.gda.pl

IMPLEMENTATION OF THE EASTERN PARTNERSHIP INITIATIVE IN AZERBAIJAN

РЕАЛИЗАЦИЯ ИНИЦИАТИВ «ВОСТОЧНОГО ПАРТНЕРСТВА» В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Azerbaijan established political relations with the EU during the implementation of TACIS Programme projects and signed the Partnership and Cooperation Agreement with the EU in 1996. It joined the European Neighbourhood Policy in 2004 and the Eastern Partnership programme in 2009. Despite the sceptical attitude taken by Azerbaijan's government towards the Eastern Partnership initiative, the EU earmarked further funds for Azerbaijan for 2011–2014 as part of the European Neighbourhood and Partnership Instrument. During the third Eastern Partnership summit in Vilnius in November 2013, Azerbaijan signed only an agreement concerning visa facilitations and readmission. However, it also undertook certain measures as part of the five Eastern Partnership initiatives. In the framework of the Integrated Border Management Programme, Azerbaijan implemented projects connected with improving the access of resettled people to the judicial system, creation of electronic border control systems, social protection, increasing public awareness to eliminate domestic violence, improving assimilation of asylum-seekers and immigrants, and supporting occupational health organisations. Activities aimed at supporting SMEs included training for entrepreneurs, promotional conferences and loans to the SME sector. Recommendations of the initiative promoting the creation of regional electrical and renewable energy markets were implemented by Azerbaijan in the form of 33 projects as part of the INOGATE Programme. With respect to environmental management, Azerbaijan developed a digital regional atlas of natural disasters, and with respect to natural disaster mitigation it planned population protection measures. Azerbaijan was ranked last but one in the evaluation presented in the annual report prepared by the EU. The transformation process in this country has been slow and illusory in certain aspects. Nevertheless, the EU has continued its Eastern Partnership initiative activities, allocating between EUR 252,000 and 308,000 for transformations in Azerbaijan.

Азербайджан установил политические отношения с ЕС в ходе реализации проектов в рамках Программы TACIS, а в 1996 г. подписал Договор о партнерстве и сотрудничестве с ЕС. С 2004 г. государство было охвачено Европейской политикой соседства, а с 2009 г. вошло в программу «Восточное партнерство». Несмотря на скептический подход правительства Азербайджана по отношению к инициативе «Восточного партнерства», ЕС выделял Азербайджану в 2011–2014 гг. серьезные финансовые средства. Во время третьего саммита «Восточного партнерства» в Вильнюсе в ноябре 2013 г. Азербайджан подписал только один договор о визовых льготах и реадмиссии, но, несмотря на это, взялся за некоторые действия в рамках пяти инициатив «Восточного партнерства». В Интегрированной программе управления границами Азербайджан осуществил проекты, связанные с улучшением доступа к системе правосудия для переселенцев, созданием электронных систем контроля границ, социальной защитой, повышением уровня общественного сознания в сфере ликвидации насилия в семье, улучшением ассимиляции иммигрантов и лиц, просящих убежища, а также с поддержкой организаций, занимающихся гигиеной труда. В сфере содействия сектору МСП были проведены обучение предпринимателей, конференции в сфере популяризации, также предоставлялись кредиты для сектора МСП. Постановления инициативы о появлении региональных рынков электроэнергии и возобновляемых источников энергии Азербайджан осуществил в рамках Программы INOGATE путем реализации 33 проектов. В сфере экологического менеджмента был подготовлен электронный региональный атлас мест возникновения стихийных бедствий, а в сфере предотвращения стихийных бедствий были запланированы меры по защите населения. В оценке ежегодного отчета, составляемого комиссией ЕС, Азербайджан оказался на предпоследнем месте перед Беларусью. Трансформация в этом государстве проходила медленно, а некоторых сферах формально. Несмотря на это, ЕС продолжает действовать в сфере инициативы «Восточное партнерство», предполагая выделить на системную трансформацию в Азербайджане в 2014–2020 гг. от 252 до 308 млн евро.

Key words: The Partnership agreement, Azerbaijan, European Neighbourhood Policy, the EU, the Trade exchange

Ключевые слова: Договор о Партнёрстве, Азербайджан, Европейская Политика Соседства, Евросоюз, Торговый обмен

IMPLEMENTATION OF THE EASTERN PARTNERSHIP INITIATIVE IN AZERBAIJAN

Introduction

Azerbaijan established political relations with the EU during the implementation of TACIS Programme projects, supporting democratic and pro-market reforms in three South Caucasus countries. In 1996 the state signed the Partnership and Cooperation Agreement with the EU, whose objectives included political dialogue, support in building democracy and cooperation in the sphere of economy and investment. In 2004 Azerbaijan joined the European Neighbourhood Policy. In 2007–2010 Azerbaijan received funds from the European Neighbourhood and Partnership Instrument in the amount of EUR 92 million. Even though Azerbaijan joined the Eastern Partnership programme in

2009, it focused mainly on the energy market in its relationships with the EU [1]. Negotiations concerning the association agreement with the EU are hampered by the fact that Azerbaijan is not a member of WTO. Although in 2011 the EU earmarked certain funds for Azerbaijan as part of the European Neighbourhood and Partnership Instrument for 2011–2014, the government of Azerbaijan is quite sceptical about the Eastern Partnership initiative, while declaring in official documents that it wishes to raise the standard of living of its citizens to the European level. The European Union does not have effective instruments which might change this position. In 2011 Azerbaijan joined the Non-Aligned Movement, and the priorities of the country's foreign policy as declared by the Ministry of Foreign Affairs stress independence in foreign relations policy and emphasise independence and integrity of the country's territory. Azerbaijan declares itself in favour of establishing a security policy and maintaining the status quo in the region. It demands that the South Caucasus region remain free from nuclear weapons, objects to illegal transport of weapons and military equipment and favours demilitarisation of the Caspian Sea. Integration with the NATO and EU structures is not part of Azerbaijan's policy, which only mentions cooperation, emphasising the strategic place of the country on the border between Asia and Europe and promoting the development of the Euro-Asian Transport Corridor, which should contribute to better contacts between countries of both continents. During the third Eastern Partnership summit in Vilnius in November 2013, Azerbaijan signed only an agreement concerning visa facilitations and readmission. Azerbaijan's restrained attitude towards an association agreement with the EU enables talks with the Russian Federation, which may attempt to induce the important partner to co-operate within the Eurasian Union.

Nevertheless, Azerbaijan remains one of the Eastern Partnership countries working towards strengthening their relationship with the EU. The programme's objectives include political association, establishment of extended free trade zones and abolition of the visa regime without the prospects of membership in the EU structures. These transformations are to be implemented by European structures through five flagship initiatives. The purpose of this article is to analyse and evaluate the implementation of Eastern Partnership in Azerbaijan and the extent of system transformations in this country until the end of 2014.

I Scope of flagship initiatives and their implementation

The the Eastern Partnership programme is to be implemented by the six member countries through five flagship initiatives:

1/ Integrated Border Management Programme, for which EUR 44.5 million was earmarked. The scope of this programme included such issues as people movement and adjustment of border management legislation of the Partnership member countries to EU standards. The programme provided for combating customs fraud, illegal migration and increasing the safety of European transport corridors, including TRACEA. Other goals included transfer of good practices in the sphere of security, implementation of pilot training courses, programmes and projects.

2/ The most substantial financial support – EUR 57 million – was earmarked for small and medium-sized enterprises. The programme was planned to be implemented on three levels: a/ The East Invest Programme, managed by EUROCHAMBRES, was aimed at big business and SMEs to develop economic contacts between the Partnership countries and the EU. The activities on this level included establishing a network of relations between public institutions and private entities in the member countries, strengthening contacts on the regional level, developing consulting services and improving project financing. b/ Supporting the development of SME credit market through the SME Facility instrument from the funds of the European Bank for Reconstruction and Development and the European European Investment Bank. c/ Business consulting and management support for the SME sector.

3/ The regional electrical energy markets and renewable sources development initiative with a budget of EUR 41 million involved the development of a feasibility study and a plan of undertakings in the sphere of sustainable energy and assumed Azerbaijan's participation in Intelligence Energy Europe Programme.

4/ Environmental Governance initiative with a budget of EUR 12 million is intended to promote and increase the awareness of environmental protection, develop systems of information about projects undertaken and make such systems accessible in other countries of the Partnership.

5/ The initiative involving prevention of man-made disasters with a budget of EUR 12 million was planned in the form of a review of legislation concerning disaster management and development of cooperation between the EU and Partnership states in that respect [2].

A large part of the financial support was based on bilateral cooperation based on agreements entered into by the Partnership countries as part of the European Neighbourhood Policy. In 2007–2010 the Partnership countries received a total of 1 billion euros [3]. Furthermore, the countries making the most substantial transformation progress were awarded additional funds from the Governance

Facility instrument. Supplementary financial support for the Partnership beneficiaries was provided by the European Investment Bank in the form of long-term credit facilities for direct investment. The second fund established by the Bank was designed to finance technical assistance provided to local partners.

In 2009–2014, with regard to the first initiative – Integrated Border Management Programme – Azerbaijan was obliged to implement facilities with respect to people movement, illegal trade elimination, crime reduction, harmonisation of legislation and adoption of EU standards with respect to border management, as well as to strengthen multilateral cooperation among the Partnership countries. Implementation of the projects in Azerbaijan was connected with improving the access of resettled people to the judicial system, creation of electronic border control systems, social protection, increasing public awareness to eliminate domestic violence, improving assimilation of asylum-seekers and immigrants, and supporting occupational health organisations. [4].

Azerbaijan implemented the SME support initiative at three levels. The East Invest Programme activities in Azerbaijan included four training sessions for SMEs on European law and internationalisation of enterprises. Selected enterprises were offered training on commercial law, services, standards, customs regulations, competition policy and intellectual property rights and presented with opportunities for undertaking joint ventures. The economic cooperation support activities consisted of audits in enterprises, exchange for 50 groups of businesspeople and two training sessions for entrepreneurs, as well as establishment of a business academy. The candidates from Azerbaijan were offered 3 seats in Eurochambres structures [5]. The minister of economy of Azerbaijan organised a promotional conference for foreign investors in Baku on 10–11 September 2013. As a follow-up, business profiles of 79 Azerbaijani enterprises were prepared for publishing on the Web. A delegation of Azerbaijani businesspeople attended international training sessions and workshops on enterprise management run by EU representatives [6].

To find out the expectations of SME entrepreneurs, a group of businesspeople from the EU visited trade fairs organised in Azerbaijan [7]. As a result of the survey conducted, amongst others, in Azerbaijan, a report titled “Doing business with the EU, an assessment on Eastern Partnership of SMEs” was prepared [8]. The support for SMEs in Azerbaijan was made possible by the loans from the SME Facility financial instrument. European banks transferred funds to an intermediary – an Azerbaijani bank that distributed free-of interest or non-returnable loans among small enterprises [9].

As part of the third initiative, related to the establishment of regional electrical and renewable energy markets, the Intelligence Energy Europe Programme was developed. It assumed technical support for Azerbaijan with respect to upgrading and development of infrastructure in the individual regions of the country, improvement of access to public utilities, including energy and gas and preparation of a feasibility study concerning different methods of energy generation. Azerbaijan partially implemented these recommendations in 2007–2013 as part of the INOGATE Programme through 33 projects. They supported efforts opening the access to the markets of other countries and presenting their legislation including the development of electrical energy accumulation and distribution in the country, reduction of technical losses, preparation of programmes of energy use from alternative sources by 2020, promotion of knowledge of efficient energy use in residential buildings and improvement of legislation in the gas and energy sector [10].

The Environmental Governance initiative is a programme implemented in two stages. The first stage (2010–2014) involved intensifying efforts with respect to environmental protection, cultural heritage protection and natural disaster prevention in Azerbaijan. Azerbaijan developed a digital regional atlas of natural disasters, and proposed population protection measures during natural disaster mitigation activities in line with the law of Azerbaijan and EU requirements.

Another initiative – prevention of natural disasters – included efforts for the protection against natural disasters carried out with the EU crisis management centre.

Overall, Azerbaijan implemented 38 projects in the framework of the five initiatives in 2007–2014. Of these, 18 projects were connected with multi-level management, democracy, human rights, support for the economy and institutional reforms, 2 projects were devoted to regional integration, 1 – to transport and communications, 3 – to water and energy, 2 – to social cohesion and employment, 7 – to human capital, 4 – to rural development, agriculture and food protection and 3 – to the management of natural resources. Azerbaijani authorities did not undertake any projects concerning conflict prevention or multi-sector projects.

II. System transformation assessment

An assessment of system transformations in Eastern Partnership countries, including Azerbaijan, was conducted by an international team, which published a report titled “European Integration Index 2014 for Eastern Partnership Countries” towards the end of 2014. The report evaluated the pro-

gress of reforms in the six Partnership countries and the process of approximation of EU standards at three levels: 1/ building political, economic and social ties between the Partnership countries and the EU; 2/ approximation of laws and activities to EU standards; 3/ development management.

In the assessment of transformations completed in the six Eastern Partnership countries: Azerbaijan, Armenia, Belarus, Ukraine, Georgia and Moldova, Azerbaijan was ranked last but one in the report, before Belarus only. With respect to system transformations ranked on the scale between 0 (worst) to 1 (best), Azerbaijan's score was 0.41. The most extensive transformation was achieved in the economic cooperation category and the least – in social contact and sectoral cooperation [11]. As regards approximation to European standards, Azerbaijan's lowest score was in the democratic changes category (0.31). In the area of management, the country's lowest score related to raising the awareness of the need for integration and entering into institutional agreements (0.33). With regard to Azerbaijan's progress in political dialogue transformation, the report pointed out that the country rarely participated in debated on human rights in 2009–2014 [12]. The document mentioned the control of the country's authorities over the media and the absence of an independent institution protecting gender equality and ethnic and religious minority rights. Azerbaijan's administration also needed reforms, showing the worst corruption-combating performance among the Eastern Partnership countries.

With regard to economic relations, the document emphasised EU's importance as a trade partner of Eastern Partnership countries. In 2014 the European Union remained the leader in goods trade with Azerbaijan. However, it did not achieve the same position in services trade. Trade with Commonwealth of Independent States accounted for a mere 11.8% of all trade transactions in 2014. Commencement of negotiations between DCFTA and Azerbaijan is conditional upon the latter joining the WTO. The entry into force of construction and customs codes towards the end of 2013 was highly welcomed. Compared to other Eastern partnership countries, Azerbaijan's advantages were the significant development of entrepreneurship and relatively low taxes.

The environmental policy was less favourably assessed in the three South Caucasus countries, including Azerbaijan. While Azerbaijan signed the Protocol on environmental impact to the Espoo Convention of 25 February 1991, the report pointed out that the reduction of air and soil pollution and increase of protected areas was not fast enough.

The transformations in the area of science and culture until 2013 were considered inefficient. Azerbaijan took part in the Bologna process, but was not the most committed Eastern Partnership country in the process of mobility of students and academics.

Azerbaijan received less financial support from the EU than Georgia and Armenia in 2009–2014. The amounts received by the countries were determined by the progress of their system transformation. The report presented an unfavourable opinion of Azerbaijan's changes in management and approximation of national legislation to the European law. Freedom, security and justice were considered to be the key areas of cooperation between the Partnership countries and the EU. In an attempt to create a safe area of welfare, the Partnership supported efforts to counteract organised crime, illegal migration and human trafficking. On 18 September 2014 the European Parliament adopted a resolution criticising Azerbaijan's authorities for the violation of human rights and called for sanctions on that country.

The European Parliament resolution adopted on 14 March 2014, setting the priorities in EU relations with Eastern Partnership countries emphasised that the events at the summit in Vilnius in November 2013 demonstrated the fragility of integration and meant a difficult trial for the Partnership initiative. It was considered that the possibility of applying for EU membership by Eastern Partnership states might accelerate the reforms in those countries. The document stressed the need to increase EU involvement in projects of social, economic and cultural character in the countries covered by the initiative. Ensuring security in the six countries and adding the energy security clause to agreements signed with them were indicated as top priorities. The resolution called upon the European Commission to execute extended free trade agreements and abolish trade barriers, which would boost mutual economic contacts. It also spoke in favour of the approach “more for more and better” cooperation in the financial sector and promotion of joint activities under the slogan “united in diversity”. The document assumed that the efforts would continue and emphasised that despite the criticism voiced about the Eastern Partnership its implementation depended on the will of the EU and the six countries involved [13]. The proof for continuation of the initiative was the allocation of funds for the Partnership countries, including 252 to 308 million euros for Azerbaijan alone, for transformations to be carried out in 2014–2020. The largest pool of funds for Azerbaijan (40%) was assigned for regional development, whereas the areas of the justice sector reform, education and skills development, as well as institutional development and civil society received 20% each [14]. The funds were distributed by the EU according to the “more for more” rule, commensurate with the progress of transformation in the indi-

vidual countries. While allocating the funds, the EU also indicated the sectors requiring the most extensive changes. In Azerbaijan the most dramatic changes were planned in the regional sector.

Summary

In the framework of the five Eastern Partnership initiatives implemented in Azerbaijan in 2011–2014, the most extensive changes were made in the economic sphere and the least impressive – with respect to political transformation. Implementation of the projects did not contribute to the acceleration of transformations in Azerbaijan, whose government was not interested in joining the EU structures. As a result, Azerbaijan withdrew from initialising association agreements in November 2013. In spite of huge financial outlays and implementation of numerous projects, transformation in this country progressed very slowly and was of illusory character in some areas. Of the six Eastern Partnership countries, Azerbaijan was ranked last but one with regard to the advancement of changes. The annual assessment of system transformations in the Eastern Partnership countries, including Azerbaijan, demonstrated the continuing strength of Russia in the region and weak points in the implementation of Partnership initiatives; it led to an increase in the funds earmarked by the EU for the implementation of objectives for 2014–2020. The issues considered to be the main challenges for Azerbaijan in 2015 were EU support for human rights protection efforts, freeing political prisoners, strengthening the independence of the judiciary, enhancing the role of civil society and public opinion, promotion of standards of democracy, free trade, efforts to relieve tensions in the region and improvement of security.

РЕАЛИЗАЦИЯ ИНИЦИАТИВ «ВОСТОЧНОГО ПАРТНЕРСТВА» В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Вступление

Азербайджан установил политические отношения с ЕС при реализации проектов в рамках Программы TACIS, поддерживающей демократические и рыночные реформы в трех странах Южного Кавказа. В 1996 г. государство подписало договор о партнерстве и сотрудничестве с ЕС, который предполагал политический диалог, помощь в построении демократии, сотрудничество в сфере экономики и инвестиций. В 2004 г. Азербайджан вошел в очередную Европейскую политику соседства. Количество финансовых средств, предназначенных Европейским инструментом соседства и партнерства в 2007–2010 гг. для Азербайджана, составило 92 млн евро. Несмотря на то, что в 2009 г. Азербайджан также был охвачен программой «Восточного партнерства», в отношениях с ЕС он делал главный упор на энергетический рынок [1]. Переговоры по вопросу договора о содружестве с ЕС, начатые в 2010 г., были приостановлены из-за отсутствия членства Азербайджана в ВТО. Несмотря на то, что в январе 2011 г. ЕС выделил для Азербайджана в рамках Европейского инструмента соседства и партнерства очередной транш финансовых средств на 2011–2014 гг., правительство Азербайджана довольно скептически относилось к инициативе «Восточного партнерства», а в официальных документах заявило, что его основной заботой является повышение уровня жизни жителей страны до европейских показателей. Евросоюзу не хватает эффективных инструментов, которые могли бы повлиять и изменить существующий подход. С 2011 г. Азербайджан присоединился к Движению неприсоединившихся государств (Non-Aligned Movement, NAM), а приоритеты внешней политики государства, заявляемые Министерством иностранных дел, направлены на независимость во внешней политике и заботу о суверенитете и интегральности территории. Азербайджан высказывается за ведение политики безопасности и удержание статуса-кво в регионе, требует, чтобы в районе Южного Кавказа не было атомного оружия, противодействует нелегальному перевозу оружия и военного оборудования, а также поддерживает демилитаризацию Каспийского моря. Политика Азербайджана не учитывает интеграции со структурами НАТО и ЕС, единственно упоминает о сотрудничестве. Подчеркивая стратегическое положение государства на стыке Азии и Европы, он изъявляет содействие в развитии Евроазиатского транспортного коридора, который может способствовать развитию контактов между государствами обоих континентов. Во время третьего саммита «Восточного партнерства» в Вильнюсе в ноябре 2013 г. Азербайджан подписал только один договор о визовых льготах и реадмиссии. Воздержание Азербайджана от соглашения о содружестве с ЕС предоставляет ему возможность проводить переговоры с Российской Федерацией, которая может постараться убедить важного партнера в важности сотрудничества в Евразийском Союзе.

Однако Азербайджан присутствует в числе государств, охваченных «Восточным партнерством», целью которого является углубление отношений с ЕС. В концепции этой программы предполагается политическое сообщество, создание общих зон беспопышленной торговли и ликвидация визового режима в отношениях с ЕС без перспектив членства в структурах Евросоюза. Эти преобразования Евросоюз намерен осуществить посредством

реализации пяти «флагманских инициатив». Целью статьи является анализ и оценка реализации инициатив «Восточного партнерства» в Азербайджане, а также степени системных преобразований, которые произошли в этом государстве на конец 2014 г.

I. Содержание «флагманских инициатив» и их реализация

В шести странах, охваченных программой «Восточного партнерства», ее реализация предполагается посредством выполнения пяти «флагманских инициатив»:

1. Интегрированная программа управления границами, на которую предназначается 44,5 млн евро. Программа связана с увеличением мобильности частных лиц, приведением юридических положений в сфере управления границами в странах «Восточного партнерства» в соответствие со стандартами ЕС. Предполагается также борьба с таможенными нарушениями, контрабандой, нелегальной миграцией и увеличение безопасности европейских транспортных коридоров, в том числе коридора TRACECA. Планируется передача лучшей практики в сфере безопасности, реализация вступительного и познавательного обучения, программ и проектов;

2. Поддержка малого и среднего бизнеса, на которую выделено больше всего финансовых средств: 57 млн евро. Инициатива реализуется на основе трех направлений: а) программа East-Invest, которая управляется ассоциацией EUROCHAMBRES и направлена на сферы крупного бизнеса и сектор МСП в целях экономического развития стран Партнерства с Евросоюзом. Реализация программы предполагается посредством создания сети связей между частными и общественными учреждениями стран, укрепления контактов на региональном уровне, увеличения консалтинговых услуг и улучшения финансирования предприятий; б) поддержка развития кредитных рынков для сектора малых и средних предприятий при помощи финансового инструмента SME Facility. Средства в рамках данного инструмента предоставляются Европейским банком реконструкции и развития, а также Европейским инвестиционным банком; в) программа бизнес-консалтинга и менеджерской поддержки для сектора МСП;

3. Региональные рынки электроэнергии, развитие возобновляемых источников энергии и увеличение энергоэффективности с бюджетом 41 млн евро. Инициатива предполагает создание технико-экономических обоснований и планов действий в сфере энергетической стабильности, учитывая участие Азербайджана в Intelligent Energy Europe Programme;

4. Экологический менеджмент – это инициатива с бюджетом 12 млн евро, которая связана с повышением уровня сознательности в сфере охраны окружающей среды и проводится в два этапа: создание информационной системы о мероприятиях в данной сфере и предоставление доступа к этой информации в странах «Восточного партнерства»;

5. Система борьбы и предотвращения стихийных бедствий и катастроф, вызванных человеком – инициатива, бюджет которой составляет 12 млн евро, а реализация планируется посредством создания правовой базы о стихийных бедствиях и защите от них, а также развития сотрудничества между Евросоюзом и странами Партнерства в этой сфере [2].

Большая часть финансовой поддержки предполагается в случае двустороннего сотрудничества, основанного на договорах, заключенных странами Партнерства в рамках Европейской политики соседства. В 2007–2010 гг. страны Партнерства получили общую сумму в размере один млрд евро [3]. Кроме того, государства, отличающиеся прогрессом в происходящих системных изменениях, получили добавочные финансовые средства из Governance Facility. Дополнительная финансовая поддержка предоставлялась из Европейского инвестиционного банка в виде долгосрочных кредитов на прямые инвестиции. Другой фонд Банка предназначался на финансирование технической помощи, предоставляемой местным партнерам.

В 2009–2014 гг. в рамках первой инициативы – Интегрированной программы управления границами – Азербайджан был обязан ввести послабления в сфере перемещение лиц, заняться ликвидацией нелегальной торговли, сократить преступность, унифицировать постановления в сфере управления границами и принять стандарты ЕС, а также укрепить многостороннее сотрудничество между странами Партнерства. Реализация проектов в Азербайджане тематически была связана: с облегчением доступа к системе правосудия для переселенцев, созданием электронных систем контроля границ, социальной защитой, увеличением уровня общественной сознательности в целях ликвидации насилия в семье, ускорением ассимиляции иммигрантов и лиц, просящих убежища, поддержкой организаций, занимающихся гигиеной труда [4].

Инициативу содействия малым и средним предприятиям Азербайджан реализовал в трех плоскостях. На средства Программы East-Invest в Азербайджане было организовано четыре программы обучения для малого и среднего предпринимательства на тему европейского права и интернационализации предприятий. Выбранным фирмам были предложены программы обучения по торговому праву, услугам, нормам и стандартам, таможенным правилам, политике конкуренции, праву интеллектуальной собственности, а также была предоставлена

возможность создания совместных мероприятий. В рамках содействия экономическому сотрудничеству на предприятиях были проведены аудиты, состоялся обмен 50 группами бизнесменов, а также две профессиональные программы обучения для предпринимателей, была организована академия бизнеса. Кандидатам из Азербайджана было предоставлено три места в структурах Eurochambres [5]. Для зарубежных инвесторов министр экономики Азербайджана организовал конференцию по продвижению инвестиций 10–11 сентября 2013 г. в Баку. Ее результатом была подготовка в Интернете бизнес-профилей 79 азербайджанских предприятий. Делегация бизнесменов из Азербайджана приняла участие в международных обучающих программах и мастер-классах, проводимых представителями Евросоюза в сфере управления фирмой [6].

В целях лучшего ознакомления с ожиданиями предпринимателей сектора МСП было организовано посещение бизнесменами ЕС отраслевой выставки, организованной в Азербайджане [7]. Результатом проведенных в Азербайджане исследований стало создание отчета под названием «Doing business with the EU, an assessment on Eastern Partnership of MSE» [8]. Содействие сектору МСП в Азербайджане было возможным благодаря кредитам финансового механизма SME Facility. Европейские банки передавали финансовые средства посреднику – Банку Азербайджана, который распределял беспроцентные или безвозвратные кредиты среди малых фирм [9].

В рамках третьей инициативы, связанной с созданием местных рынков электроэнергии и энергии из возобновляемых источников, была разработана программа Intelligence Energy Europe Programme. Она предполагала техническую помощь для Азербайджана в сфере рекультивации и развития инфраструктуры в конкретных регионах страны, улучшение доступа населения к объектам общественного блага, в частности к энергии и газу; подготовку технико-экономического обоснования на тему способов получения энергии. Эти предписания Азербайджан частично осуществил в 2007–2013 гг. в рамках Программы INOGATE посредством проведения 33 проектов. Они содействовали предоставлению доступа к рынкам третьих стран, а также ознакомлению с их законодательством в сфере разработки программы накопления и распределения электроэнергии в государстве, сокращению технических рисков, подготовке программ использования энергии из альтернативных источников до 2020 г., популяризации знаний об эффективном использовании энергии в жилых домах, приведению в порядок законодательства в секторе газа и электроэнергии [10].

Инициатива экологического менеджмента проводилась в два этапа. На первом этапе, в 2010–2014 гг., в Азербайджане предполагалось форсирование действий, направленных на охрану окружающей среды, ресурсов культурного наследия, ликвидацию последствий стихийных бедствий. Был создан электронный региональный атлас мест, находящихся под угрозой стихийных бедствий, а также были предложены средства охраны населения во время ликвидации последствий стихийных бедствий в соответствии с действующим законодательством Азербайджана, а также требованиями ЕС.

В рамках очередной инициативы – предотвращения стихийных бедствий и катастроф, вызванных человеком, – были намечены действия в сфере защиты от стихийных бедствий, реализованные вместе со штабом кризисного управления ЕС.

Всего в 2007–2014 гг. в рамках пяти инициатив Азербайджан выполнил 38 проектов. С многоуровневым управлением, развитием демократии, прав человека, содействием экономике и институциональными реформами было связано 18 проектов, два проекта касались региональной интеграции, один проект – сообщения и транспорта, три проекта было проведено в сфере водоснабжения и электроэнергии, два проекта затрагивали проблематику общественного равновесия и занятости, семь проектов относились к широко понимаемой проблематике человеческого капитала, в четырех проектах предполагалось развитие деревенских областей, сельского хозяйства и охраны продовольствия, а три проекта были направлены на управление природными ресурсами. Власти Азербайджана не взялись за реализацию проектов из сферы предотвращения конфликтов, а также многосекторных проектов.

II. Оценка системной трансформации в Азербайджане

Оценку системных изменений в странах «Восточного партнерства», а том числе в Азербайджане, провел многонациональный коллектив, который под конец 2014 г. опубликовал отчет под названием «European Integration Index 2014 for Eastern Partnership Countries». В нем была показана степень реализации реформ в шести странах Партнерства, а также процесс приближения к стандартам Евросоюза на трех плоскостях: 1) конструкция политических, экономических и общественных связей между странами, охваченными Партнерством и ЕС; 2) приведе-

ние правовых постановлений и действий в соответствии со стандартами ЕС; 3) управление развитием.

Согласно оценке рапорта, в сфере изменений, произошедших в шести странах «Восточного партнерства»: Армении, Беларуси, Украине, Грузии и Молдове, – Азербайджан оказался на предпоследнем месте, опережая только Беларусь. В сфере системной трансформации, оцениваемой по шкале от 1 (наилучший уровень) до 0 (наихудший уровень), общий результат Азербайджана составил 0,41. Наиболее видимые изменения были замечены в сфере экономического сотрудничества, а наиболее слабые – в рамках межличностных контактов и секторного сотрудничества [11]. В общей плоскости приближения к европейским стандартам Азербайджан имел самый слабый результат в сфере демократических изменений – 0,31. В общей плоскости управления наиболее слабый результат относился к повышению уровня сознания необходимости интеграции и заключения институциональных соглашений в этой сфере – 0,33. Оценивая прогресс в сфере трансформации политического диалога, отчет показал, что Азербайджан в 2009–2014 гг. редко принимал участие в дебатах по правам человека [12]. В отчете была отмечена зависимость СМИ от властей и отсутствие самостоятельного учреждения, защищающего гендерные права, права национальных и религиозных меньшинств. Реформирования требует также администрация в Азербайджане, отличающаяся слабыми коэффициентами по борьбе с коррупцией среди стран «Восточного партнерства».

В сфере экономических отношений подчеркивалось, что ЕС является важным торговым партнером стран «Восточного Партнерства». В 2014 г. Евросоюз оставался лидером в товарообороте с Азербайджаном. Однако в торговле услугами положение было не таким. Торговый обмен со странами СНГ составлял в 2014 г. только 11,8% от общего количества торговых сделок. Начало переговоров с Азербайджаном по подписанию договора DCFTA обусловлено вхождением Азербайджана в ВТО. Однако введение в жизнь строительного и таможенного кодексов под конец 2013 г. выделяло Азербайджан на фоне остальных государств «Восточного партнерства» значительным развитием предпринимательства и относительно низкими налогами.

Слабее в трех странах Южного Кавказа, в том числе в Азербайджане, была оценена проводимая политика по охране окружающей среды. Действительно, Азербайджан подписал Протокол по оценке воздействия на окружающую среду Конвенции в Эспо от 25 февраля 1991 г. Однако, по мнению авторов отчета, уменьшение содержания загрязнений в атмосфере, почве, а также увеличение ареала охраняемых территорий проходило в этом государстве слишком медленно.

Незначительными на конец 2013 г. были признаны перемены в сфере науки и культуры. Азербайджан ввел Болонскую систему образования, но не был особо вовлеченным государством «Восточного партнерства» в процесс мобильности студентов и работников науки.

Азербайджан получил меньшую, чем Грузия и Армения, финансовую поддержку со стороны ЕС в 2009–2014 гг. Элементом, обуславливающим размеры дотации, была степень системной трансформации государств. Отчет низко оценил в Азербайджане уровень изменения в управлении и приведении местного законодательства в соответствие с европейскими правом. Свобода, безопасность и справедливость были признаны самыми основными плоскостями сотрудничества стран Партнерства с ЕС. Евросоюз, стремясь к созданию безопасного пространства благосостояния, поддерживает противодействие организованной преступности, нелегальной миграции, а также процедуре торговли живым товаром. 18 сентября 2014 г. Европейский парламент принял резолюцию, критикующую правительство Азербайджана за нарушение прав человека, и признал санкции этому государству.

В принятой Европейским парламентом 14 марта 2014 г. резолюции, определяющей приоритеты в отношениях ЕС с государствами «Восточного партнерства», подчеркнуто, что постановления вильнюсского саммита, состоявшегося в ноябре 2013 г., показали нестабильность интеграции и подвергли испытаниям инициативы «Восточного партнерства». Резолюция признала, что возможность объединения стран «Восточного партнерства» с ЕС, вероятно, ускорила бы процесс реформ в этих государствах. В тексте резолюции подчеркивалась необходимость увеличения участия ЕС в мероприятиях общественного, хозяйственного и культурного толка в странах, охваченных Партнерством. К особо важным вопросам относилось обеспечение безопасности для стран Партнерства, а также внесение дополнительной оговорки по поводу энергетической безопасности в соглашения с этими странами. Мартовская резолюция обязала Европейскую комиссию ввести в действие углубленные договоры о беспощинной торговле, ликвидации торговых преград, которые ускорили бы развитие взаимных экономических контактов. В резолюции был отмечен принцип, применяемый по отношению к странам Партнерства: «больше средств при более активном участии» в рамках лучшего сотрудничества в финансовом секторе, продвижении общих действий под лозунгом «объединенные в разнообразии». В

содержании резолюции было запланировано продолжение работ и подчеркнуто, что, несмотря на критику «Восточного партнерства», его реализация зависела от воли ЕС и шести стран [13]. Доказательством продолжения работ в направлении инициативы были новые распределения финансовых средств для стран, охваченных «Восточным партнерством», в том числе только для Азербайджана – от 252 до 308 млн евро, предназначенных на трансформацию в 2014–2020 гг. Большее количество средств для Азербайджана предназначается на региональное развитие – 40%, по 20% – на реформу сектора юстиции и общественной справедливости, сферу образования и развития способностей, а также на институциональное развитие и гражданское общество [14]. ЕС разделил средства по принципу «больше средств при большем участии». Это отвечает результатам продвижения трансформации в государствах Партнерства. Распределяя средства, ЕС обозначил также секторы, требующие самых серьезных изменений. В Азербайджане самые интенсивные преобразования запланированы в региональном секторе.

Заключение

В рамках пяти инициатив «Восточного партнерства», реализованных в Азербайджане в 2011–2014 гг., наиболее видимые изменения произошли в экономической сфере, а самые слабые – на почве политической трансформации. Реализация проектов не содействовала ускорению трансформации в Азербайджане, правительство которого не было заинтересовано в присоединении к структурам ЕС. Итогом этого был отказ Азербайджана от подписания договоров об объединении в ноябре 2013 г. Несмотря на предоставление серьезной финансовой поддержки и реализации многих проектов, изменения в этом государстве протекали медленно, а в некоторых сферах были формальными. В сфере реализации перемен Азербайджан из шести стран, охваченных «Восточным партнерством», оказался на предпоследнем месте. Ежегодная оценка системных преобразований в странах «Восточного партнерства», в том числе в Азербайджане, показала неоспоримость влияния России в регионе, слабость реализации инициатив Партнерства и была причиной увеличения средств, предназначаемых ЕС на реализацию целей на период 2014–2020 гг. К главным вызовам на 2015 г. для Азербайджана можно отнести содействие Евросоюза в действиях, направленных на защиту прав человека, освобождение политзаключенных, увеличение независимости юстиции и сил правопорядка, укрепление роли гражданского общества и общественного мнения, популяризацию стандартов демократии, беспопытной торговли, стремление к смягчению напряженных ситуаций в регионе и увеличение уровня безопасности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ (REFERENCE)

1. European Integration Index 2014 for Eastern Partnership Countries, Available at: <http://www.eap-index.eu/sites/default/files/EaP%20Index%202014.pdf> [accessed: 10.10.2015]
2. D. Mientkiewicz, Inicjatywy Flagowe Partnerstwa Wschodniego w :Między sąsiedztwem a integracją: założenia, inicjatywy i funkcjonowanie Partnerstwa Wschodniego A. Szeptycki (ed.), Wydawnictwo, Elipsa, dom Wydawniczy i Handlowy, Warszawa 2011, s.277-292,
3. B. Pikorska, Polityka Unii Europejskiej wobec krajów Kaukazu Południowego, w: Europa Wschodnia i Kaukaz Południowy w polityce Unii Europejskiej pod red. A. Staszczuka, Wydawnictwo Uniwersytet Szczeciński, Szczecin 2011, s.141-183,
4. 4.Azerbaijan Project, Available at: http://eeas.europa.eu/delegations/azerbaijan/projects/overview/index_en.htm [accessed: 10.10.2015]
5. Our members Eurochambres, Available at: <http://www.eurochambres.eu/Content/Default.asp?pagename=OurMembers> [accessed: 15.10.2015]
6. 6.Investment destination Azerbaijan, Available at: <http://www.east-invest.eu/en/Investment-Promotion/investment-conference-in-azerbaijan> [accessed: 15.10.2015]
7. 7.East Invest, Study visit, Available at: <http://www.east-invest.eu/en/activities/for-smes/study-visits>
8. 8.European Integration Index 2014 for Eastern Partnership Countries, Available at: <http://www.eap-index.eu/sites/default/files/EaP%20Index%202014.pdf> [accessed: 10.10.2015]
9. SME Facility, Available at: <http://www.enpi-info.eu/library/content/list-eu-supported-projects-azerbaijan> [accessed: 17.10.2015]
10. 10.INOGATE AZERBAIJAN, Inogate Technical Secretariat, Country work plan Azerbaijan, Available at: http://www.inogate.org/documents/AZ_CWP.pdf [accessed: 20.10.2015]
11. 11.European Integration Index 2014 for Eastern Partnership Countries. Available at: <http://www.eap-index.eu/sites/default/files/EaP%20Index%202014.pdf> [accessed: 2.10.2015]
12. A. Bartnicki, E. Krużelewska, Społeczeństwo obywatelskie w autorytarnych państwach postradzieckich objętych Partnerstwem Wschodnim, w: Partnerstwo Wschodnie, Wymiary realnej integracji, red. M. Zdanowicz, T. Dubowski, A. Piekutowska, Wydawnictwo. Wydział Prawa Uniwersytetu Białostockiego, Warszawa 2011, s. 165-182.

13. Rezolucja Parlamentu Europejskiego z dnia 12 marca 2014 r. w sprawie oceny i wyznaczania priorytetów w stosunkach UE z państwami Partnerstwa Wschodniego, Available at:
<http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=TA&reference=P7-TA-2014-0229&language=PL&ring=A7-2014-0157> [accessed: 8.10.2015]]
14. Information note on the work of the Delegation to the PCCs EU-Armenia, EU-Azerbaijan and EU- Georgia, Available at:
http://www.polcms.europarl.europa.eu/cmsdata/upload/a85d657e-45d7-40ea-858a-ea1f4e493c14/att_20140908ATT88771-5107092261580923515.pdf [accessed: 8.10.2015]]

Information about the author

Gomolka Krystyna, Dr hab. Professor, nadzw.
PG, Gdańsk University of Technology,
Gdansk, Poland
kgom@zie.pg.gda.pl

Received: 13.11.2015

For article citation: Gomółka K., Implementation of the Eastern partnership initiative in Azerbaijan. [Realizaciya iniciativ «Vostochnogo partnerstva» v Azerbajdzhanе]. Krasnodar. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mys'l = Historical and Social Educational Ideas*. 2015. Tom 7. No. 7 vol-1. Pp. 46-55.
DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-7/1-46-55

Информация об авторе

Гомулка Кристина, доктор наук, профессор,
Гданьский политехнический институт,
Гданьск, Польша
kgom@zie.pg.gda.pl

Получена: 13.11.2015

Для цитирования статьи: Гомулка К. Реализация инициатив «Восточного партнерства» в Азербайджане. Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Том 7. № 7. часть 1. с. 46-55.
DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-7/1-46-55

KHALILOV Timur A.,
Academic Journal "Historical and Social Educational
Ideas", Krasnodar, Russia
tkhalilov86@gmail.com

ХАЛИЛОВ Тимур Александрович,
научный журнал «Историческая и социально-
образовательная мысль», Краснодар, Россия
tkhalilov86@gmail.com

ROLE OF BUSINESS-SUBJECTS IN DEMOCRATIZATION PROCESS OF CONTEMPORARY RUSSIA

РОЛЬ БИЗНЕС-СУБЪЕКТОВ В ПРОЦЕССЕ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

In this article the author attempts to reflect on the role and place of business-subjects in democratization process of contemporary Russia: business is one of the three sectors. The author developed a typology of business-subjects as a stakeholders of democratization process, which allows to discussion more detailed designated research agenda. The role and place of Russian business in democratization process can't be analyzed without considering Russia's political system space, the specifics of which was most clearly indicated by the protest events after in 2011-2012. Discontinuation of various kinds of contacts between business-structures and civil society institutions has become the official policy derivative that does not contribute to democratization process based on the principles of partnership, publicity and multiple management technologies using. The author also reveals the importance of public support and solidarity by different interest groups in their relation to the business-subjects as actors of democratization. The data of the sociological survey conducted by "Levada Center" in August 2015 allowed to construct the graph of answers distribution to the question: "Do you think the activities of major Russian businessmen and entrepreneurs is now generally making anything for the benefit or to the detriment of Russia?", clearly demonstrating the absence of consolidated-positive attitude of the Russian public to the business. In conclusion the author offers practical recommendations to improving the role of business subjects in democratization process of contemporary Russia.

В статье автором предпринимается попытка осмысления роли и места бизнес-субъектов в процессе демократизации современной России, являющихся одной из трех сторон процесса межсекторного взаимодействия. Автором разработана типология бизнес-субъектов как стейкхолдеров процесса демократизации, что позволяет более детально обсуждать обозначенную исследовательскую повестку. Вопрос о роли и месте российского бизнеса в процессе демократизации невозможно анализировать вне пространства политической системы России, специфика которой стала особенно ярко выражена после протестных событий в 2011–2012 гг. Прекращение различного рода контактов между бизнес-структурами и институтами гражданского общества стало производной официального политического курса, что не способствует процессу демократизации, основанному на принципах партнерства, публичности и использования множественности управленческих технологий. Также выявлена значимость общественной поддержки и солидаризации со стороны различных групп интересов по отношению к бизнес-субъектам как акторам демократизации. Данные социологического опроса, проведенного Левада-Центром в августе 2015 г., позволили построить график распределения ответов на вопрос «Как Вы считаете, деятельность крупных российских бизнесменов и предпринимателей идет сейчас в целом на пользу или во вред России?», наглядно демонстрирующий отсутствие консолидированно-положительного отношения российской общественности к бизнесу. В заключении автором предложены практические рекомендации по повышению роли бизнес-субъектов в процессе демократизации современной России.

Keywords: political institutions, interest groups, intersectoral partnership, business subject, actor, democratization, public interaction, institutional formats.

Ключевые слова: политические институты, группы интересов, межсекторное партнерство, бизнес-субъект, актор, демократизация, публичное взаимодействие, институциональные форматы.

ROLE OF BUSINESS-SUBJECTS IN DEMOCRATIZATION PROCESS OF CONTEMPORARY RUSSIA

Recognition of the role and commitment, resources and instrumentals of business-subjects in democratization process of contemporary Russia seems to be quite relevant, interesting and challenging research goal because in conditions of multisubject of contemporary politics more difficult is possible to meet the challenge of clear the isolation of a unique-specific actor of socio-political change. Growing number of actors that complement one others, sometimes even creating new combined forms of subjectivity, which are formed at the intersection of various sectors of social life, which are examples of binary interaction: public-state and commercial, commercial and nonprofit, public-state and nonprofit.

The biggest effect has, of course, intersectoral system of public-state, commercial and nonprofit interactions, which can use the strengths and realize opportunities, improve weaknesses and minimize threats not only itself as subject, but the other actors too, which are the partners of the first one in the process of interaction. Therefore, there is a process of collective transformation of the system of interaction, which allows it to be more effective on state and municipal government issues. In this scientific article we will concentrate our attention on the public-state and commercial sectors.

O.V. Kharkhordin in his book "Concepts of Russian Politics" thinking, for example, about the interpretation of State as state machine, fixing separation of so understood State from society, which has become commonplace in Russian texts of the XIX century [1, p. 43]. State machine, and not the

State by itself, may enter into some formal and/or informal contract relations with business-stakeholders and civil society institutions. Considering the fact that capitalism is now firmly established as the dominant economic system of the era [2, p. 17], business we understand like entrepreneur structures that carry out certain activity on the market, which aim is to make a profit.

Contemporary modernization project in Russia, which political regime can be described as hybrid, due to borrowed models, imposed from above, and the internal evolution of the political system [3, p. 100]. For the success of the *modernizing policy* efforts of only one state is not enough: we need subjective impulses from below, especially from Russian business-community. However, before talking about the role of business-subjects in democratization process of contemporary Russia, it is necessary to designate characteristics of the institutional environment, consisting in the absence of a universal public social contract between the State and other institutions; in the informal character of legal practice in relations with business-structures; in significant role of law enforcement and regulatory agencies in relations with business-structures; in the absence of development strategy due to high degree of political influence on the current business activities; in imparting public-state corporations powerful economic levers.

The above-described specificity at first sight does not allow to talk about the role of business-subjects in democratization process of contemporary Russia, but if you take into account such parameters as quality of political activity and focus on democratization, it is possible to design typology of business-subjects as stakeholders of democratization (Table. 1).

		FOCUS ON DEMOCRATIZATION	
		Supports democratization	Does not support democratization
QUALITY OF POLITICAL ACTIVITY	Politically active business	Type A	Type B
	Politically passive business	Type C	Type D

Table. 1. Typology of business subjects as a stakeholders of democratization

At the crossing of criterias of quality of political activity (*politically active business* - *politically passive business*) and focus on democratization (*supports democratization* – *does not support democratization*) formed 4 types of business-subjects as stakeholders of democratization:

- **Type A** - politically active business-structures that supports the democratization of contemporary Russia;
- **Type B** - politically active business-structures that does not support the democratization of contemporary Russia;
- **Type C** - politically passive business-structures that supports the democratization of contemporary Russia;
- **Type D** - politically passive business structure that does not support the democratization of contemporary Russia.

It is clear that business-structures of **type A** is the most progressive modernizers and fulfilling stakeholders of democratization process. Business-structures of **type B** actively lobby their commercial interests in executive and legislative authorities through their representatives or by other shady practices; these entrepreneurs do not support the idea of updating of standards, parameters and rules of the social contract, they are quite satisfied with the created environment of institutional cooperation (*status quo*). **Type C** is most often represented by a small business that does not yet possess the necessary set of tangible and intangible resources for full participation in democratization process. Such Russian business as a **type D**, politically passive and do not support the democratization of contemporary Russia, can be represented are (*in the past and have been preserved in the present*) or made (*in the present*) absolutely loyal to the political regime because "The Yukos Case" (2003) marked the transition of Russian government to reduce the level of opposition of big business.

Fewness of business-structures of type A is very clearly correlated with the event like semantic collapse in Russia at the turn of the years 2011-2012. This semantic collapse could be called a purely Russian issue, issue that typical by state with rudimentary developed democratic institutions. However similar processes we can observe in developed democratic countries today. The characteristics of the existing semantic collapse are the particularity of protest movements and the claim to universalism of public-state interest, the crisis of political representation, the protest ecumenism and "apolitical attitude", the lack of program requirements [4, p. 60-63].

Daron Acemoglu and James A. Robinson [5] have spent an exhaustive analysis of origin of democracy in terms of political economy. In particular they indicate that the agent of democratization should have certain symbolic support from other social groups. Analyzing the situation in Russia about

supporting of business-subjects as stakeholders of democratization from the public groups, it should be mentioned on the survey "Perception of Russian business" [10], conducted by "Levada Center". The survey was conducted 7 - 10 Aug. 2015 on a representative nationwide sample of urban and rural population of 1,600 people aged 18 years and older in 134 settlements of 46 regions of the Russian Federation. Distribution of answers given as a percentage of the total number of respondents, together with data from previous surveys. Statistical error of data from these researches does not exceed 3.4%. Responses to the question "Do you think the activities of major Russian businessmen and entrepreneurs is now generally making anything for the benefit or to the detriment of Russia?" were received the next (Table. 2).

	Aug. 2003	Aug. 2006	Aug. 2007	Sep. 2009	Aug. 2010	Aug. 2011	May 2013	May 2014	Aug. 2015
Definitely by benefit	9	9	8	7	7	9	6	7	7
Probably by benefit	28	34	36	33	33	31	37	37	40
Probably by detriment	35	32	28	30	34	33	30	27	22
Definitely by detriment	16	12	12	14	8	10	7	6	11
Difficult to answer	12	13	16	16	19	17	20	23	19

Table. 2. Distribution of answers to the question "Do you think the activities of major Russian businessmen and entrepreneurs is now generally making anything for the benefit or to the detriment of Russia?"

For purposes of clarity we visualized (Fig. 1) empirical data from "Levada Center".

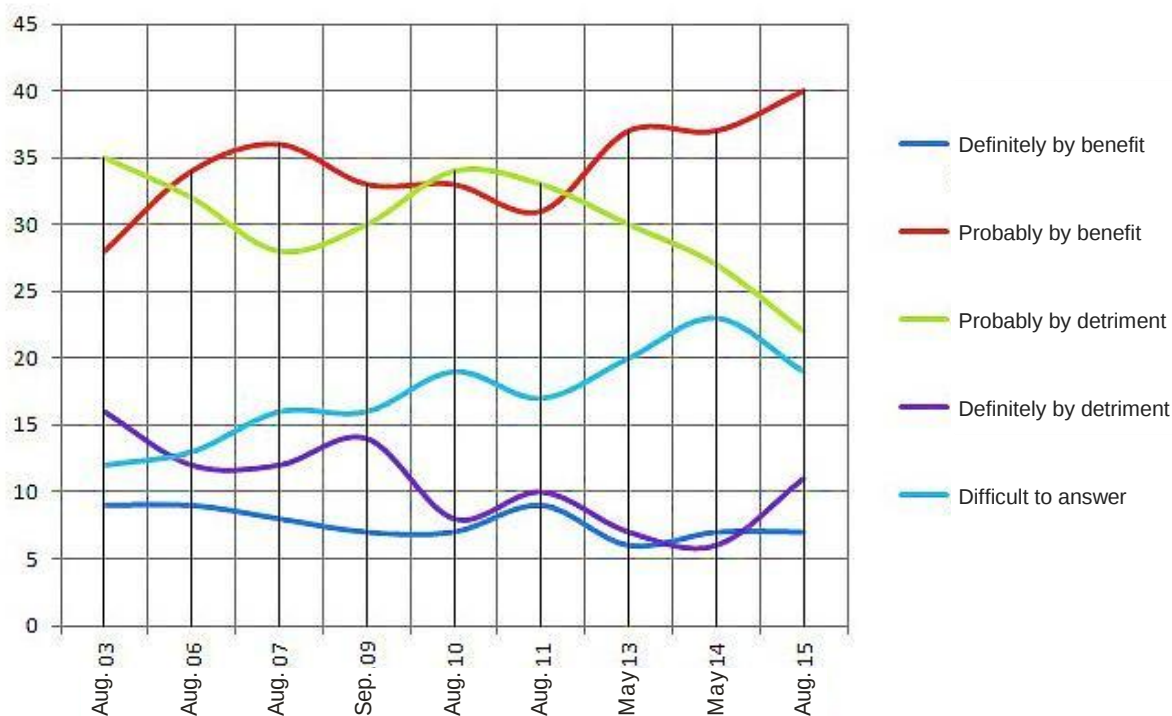

Fig. 1. Graph of distribution of answers to the question "Do you think the activities of major Russian businessmen and entrepreneurs is now generally making anything for the benefit or to the detriment of Russia?"

In Fig. 1 we see that the most common answer options on the issue of attitude of the Russians to large business-structures are sufficiently unstable positions ("probably by benefit" – "probably by detriment"). Moreover, these curves show absolute interdependence: phase of graph change each other, alternating some downs and some ups every variants of the answer to each other. This "pendulum effect" shows us that there is no constant consolidated public support around Russian business-structures. This volatility is obviously limited by value-oriented, ethical sources [6, p. 316]. Accordingly,

democratization potential of Russian business-subjects can be fully implemented in the case of transformation of value structure of Russian society. According to O.A. Vlasova's opinion [7, p. 84] the system of interaction with others is always multipolar, and it suggests that R. Laing in his collaboration with H. Phillipson and A. Lee is called "*metaperspectives*" – "my" perception of perception of "me" by others, "my" view of the evaluation of "me" by others [8, p. 5]. It should therefore be designed at first Russian coalition support structures "*for*" that will support of business-structures of the **type A**, which will enable businesses to enter into a process of political interaction with State on the issue of democratization in the format of partnership model.

However S. Bowles and H. Gintis [9], revealing the normative dimension of the relationship of capitalism and democracy, underline the political nature of economic activity, which is often regarded as apolitical. There is also a likelihood that business-subjects will oppose democratic change. We already have so similar plots in history: business sector formed the basis of the civil support of authoritarian regimes that have replaced democratic governments, such as in Argentina and Chile in the 1960s and 1970s.

By its nature business-subjects are neither allies of stakeholders of democratization, neither their opponents. Preferences of economic actors on democratic reforms depend on many factors, including the expected policy of democratic government and the relative influence that will be available to business-structures in compared with interest groups, which opposing to business-subjects.

Increasing the number of business-structures of **type A** will catalyze democratization process of contemporary Russia, of course, but this problem is likely long term. Also we should not forget about the qualitative dimension of representatives of business-subjects of various types as stakeholders of democratization: **type A** should have more resource base than members of other types of business-structures (an innovative way of economic activity, a multiplicity of technologies used, structural transparency, social responsibility, etc.). Short-term and medium-term practical recommendations to improve role and take ownership, resources and instrumentals of business-subjects in democratization process of contemporary Russia can be the next: it is necessary to consolidate the commercial and nonprofit sectors of public life; it is actual to modernizing legal framework of interaction between State, business and civil society, particularly the adoption of the Russian Federal Law "On lobbying"; it requires ubiquitous public advisory structures, at least 2/3 of the composition of which will be presented by independent experts in order to avoid conflicts of interest; it is important to popularize public formats of political interaction by simplifying of existing procedures; It is urgently to create expert councils by relevant federal and regional government on the regulatory impact assessment of innovations of the legal framework on condition of institutional space and democratization of Russia's political system.

РОЛЬ БИЗНЕС-СУБЪЕКТОВ В ПРОЦЕССЕ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Осознание роли и заинтересованности, ресурсности и инструментальности бизнес-субъектов в процессе демократизации современной России представляется достаточно актуальной, интересной и непростой исследовательской целью, так как в условиях полисубъектности современной политики все труднее можно справиться с задачей четкого вычленения именно и только какого-то единственно-конкретного актора социально-политического изменения. Все больше одни субъекты дополняют другие, иногда даже создаются новые комбинированные формы субъектности, которые образуются на стыке различных секторов общественной жизни, являющиеся примерами бинарного взаимодействия: государственно-властного и коммерческого, коммерческого и некоммерческого, государственно-властного и некоммерческого.

Наибольшим эффектом обладает, конечно, межсекторная система государственно-властного, коммерческого и некоммерческого взаимодействия, которая может использовать сильные стороны и реализовывать имеющиеся возможности, улучшать слабые стороны и минимизировать угрозы не только себя как актора, но и другого актора, являющегося партнером первого в процессе взаимодействия. Тем самым, происходит процесс коллективной трансформации системы взаимодействия, что и позволяет ей быть более эффективной в вопросах государственного и муниципального управления. В данной же научной статье мы сконцентрируем свое внимание на государственном и коммерческом секторах.

О.В. Хархордин в своей книге «Основные понятия российской политики» говорит, например, об интерпретации государства как государственного аппарата, фиксирующей отделение так понимаемого государства от общества, ставшей общим местом в русских текстах XIX в. [1, с. 43]. Именно государственный аппарат, а не государство само по себе, может вступить в некие формальные и/или неформальные контрактные отношения с бизнес-субъектами и институтами гражданского общества. Учитывая тот факт, что капитализм сейчас твердо утвердился в

качестве доминирующей экономической системы эпохи [2, с. 17], под бизнесом нами понимаются предпринимательские структуры, осуществляющие определенную активность на рынке, целью которой является получение прибыли.

Современный модернизационный проект России, политический режим которой можно охарактеризовать как гибридный, обусловлен заимствованными моделями, навязанными сверху, и внутренней эволюцией политической системы [3, с. 100]. Для успешности данной *политики осовременивания* усилий одного лишь государства явно недостаточно: нужны субъектные импульсы снизу, в частности со стороны российского бизнес-сообщества. Однако прежде чем говорить о роли бизнес-субъектов в процессе демократизации современной России, необходимо обозначить особенности институциональной среды последних, заключающиеся в отсутствии универсального публичного общественного договора между государством и другими институтами; в теневом характере правоприменительной практики во взаимоотношениях с предпринимательскими структурами; в значимой роли правоохранительных и контролирующих структур во взаимоотношениях с предпринимательскими структурами; в отсутствии стратегии развития из-за высокой степени политического влияния на текущую хозяйственную деятельность; в наделении государственных корпораций мощной экономической властью.

Описанная выше специфика на первый взгляд вообще не позволяет говорить о роли бизнес-субъектов в процессе демократизации современной России, но, если учесть такие параметры, как качество политической деятельности и ориентация на демократизацию, можно разработать типологию бизнес-субъектов как стейкхолдеров демократизации (табл. 1).

Таблица 1. Типология бизнес-субъектов как стейкхолдеров демократизации

		ОРИЕНТАЦИЯ НА ДЕМОКРАТИЗАЦИЮ	
		Поддерживает демократизацию	Не поддерживает демократизацию
КАЧЕСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	Политически активный бизнес	<i>Тип А</i>	<i>Тип В</i>
	Политически пассивный бизнес	<i>Тип С</i>	<i>Тип D</i>

На пересечении критериев качества политической деятельности (*политически активный бизнес – политически пассивный бизнес*) и ориентации на демократизацию (*поддерживает демократизацию – не поддерживает демократизацию*) образуется 4 типа бизнес-субъектов как стейкхолдеров демократизации:

- **тип А** – политически активная бизнес-структура, поддерживающая демократизацию современной России;
- **тип В** – политически активная бизнес-структура, не поддерживающая демократизацию современной России;
- **тип С** – политически пассивная бизнес-структура, поддерживающая демократизацию современной России;
- **тип D** – политически пассивная бизнес-структура, не поддерживающая демократизацию современной России.

Очевидно, что бизнес-структуры **типа А** являются наиболее прогрессивными модернизаторами и полноценными стейкхолдерами процесса демократизации. Бизнес-структуры **типа В** активно лоббируют свои коммерческие интересы в органах исполнительной и законодательной власти либо через своих представителей, либо иными теневыми практиками; эти предприниматели не поддерживают идею обновления стандартов, параметров и норм общественного договора, их вполне устраивает сложившаяся среда институционального взаимодействия (*status quo*). **Тип С** чаще всего представлен малым бизнесом, который еще не обладает необходимой совокупностью материальных и нематериальных ресурсов для полноценного участия в процессе демократизации. Такой российский бизнес, как **тип D**, являющийся политически пассивным и не поддерживающим демократизацию современной России, может быть представлен являвшимися (*в прошлом и сохранившимися в настоящем*) или ставшими (*в настоящем*) абсолютно лояльными политическому режиму, поскольку «дело ЮКОСа» (2003 г.) обозначило переход государственной власти в России к снижению уровня оппозиционности крупного бизнеса.

Немногочисленность бизнес-структур **типа А** очень четко коррелируется с произошедшим в России на рубеже 2011–2012 гг. семантическим коллапсом, который можно было бы назвать чисто российской историей, историей, характерной для страны с рудиментарно развитыми демократическими институтами. Однако схожие процессы мы имеем возможность наблюдать сегодня и в развитых демократических странах. Характеристиками сложившегося семантического коллапса являются партикулярность протестных движений и претензия на универсализм госу-

дарственного интереса, кризис политической репрезентации, протестный экуменизм и «аполитичность», отсутствие программных требований [4, с. 60-63].

Дарон Асемоглу и Джеймс А. Робинсон [5], проводившие исчерпывающий анализ возникновения демократии с точки зрения политической экономии, в частности, говорят о том, что агент демократизации должен обладать некой символической поддержкой со стороны других общественных групп. Анализируя российскую ситуацию поддержки бизнес-субъектов как стейкхолдеров демократизации со стороны общественности, следует упомянуть о социологическом исследовании Левада-Центра на тему «Восприятие российского бизнеса» [10]. Опрос был проведен 7–10 августа 2015 г. по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения среди 1 600 человек в возрасте 18 лет и старше в 134 населенных пунктах 46 регионов страны. Распределение ответов приводится в процентах от общего числа опрошенных вместе с данными предыдущих опросов. Статистическая погрешность данных этих исследований не превышает 3,4%. На вопрос «Как Вы считаете, деятельность крупных российских бизнесменов и предпринимателей идет сейчас в целом на пользу или во вред России?» были получены ответы, приведение в табл. 2.

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, деятельность крупных российских бизнесменов и предпринимателей идет сейчас в целом на пользу или во вред России?»

	вг. 2003	авг. 2006	авг. 2007	сен. 2009	авг. 2010	авг. 2011	май. 2013	май. 2014	авг. 2015
Определенно на пользу	9	9	8	7	7	9	6	7	7
Скорее на пользу	28	34	36	33	33	31	37	37	40
Скорее во вред	35	32	28	30	34	33	30	27	22
Определенно во вред	16	12	12	14	8	10	7	6	11
Затруднились ответить	12	13	16	16	19	17	20	23	19

Для большей наглядности мы визуализировали (рис. 1) эмпирические данные, полученные Левада-Центром в ходе социологического опроса.

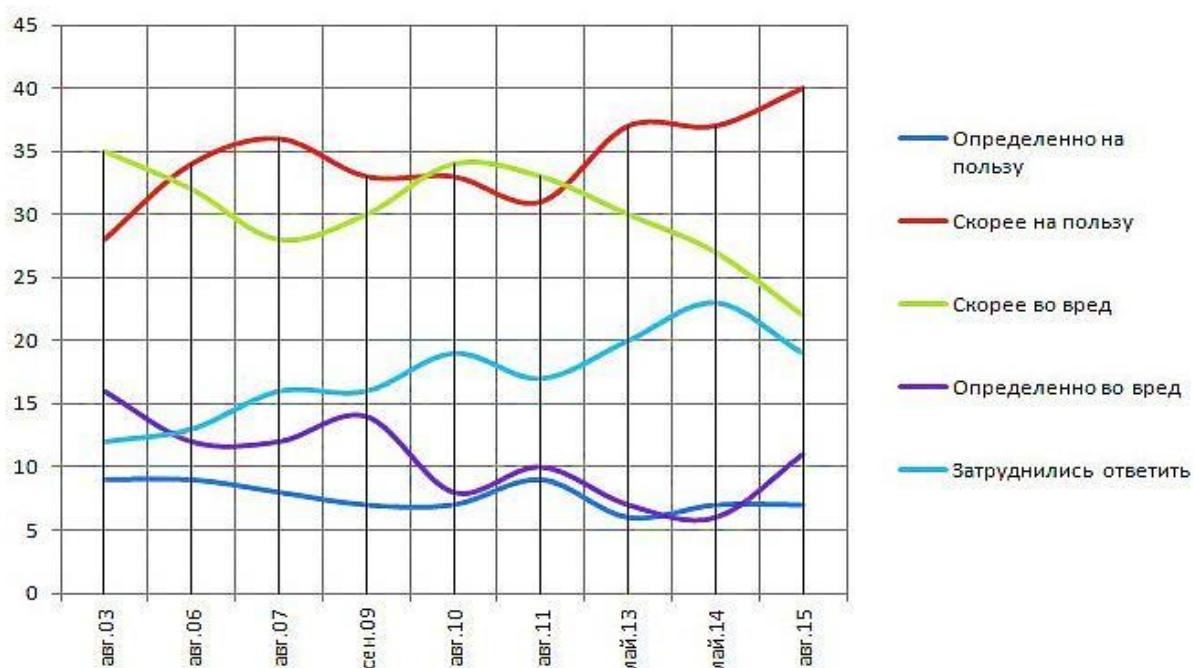

Рис. 1. График распределения ответов на вопрос «Как Вы считаете, деятельность крупных российских бизнесменов и предпринимателей идет сейчас в целом на пользу или во вред России?»

На рис. 1 мы наблюдаем, что наиболее распространенными вариантами ответов по вопросу отношения россиян к крупным бизнес-структурам являются позиции в достаточной мере неустойчивые («скорее на пользу» – «скорее во вред»). Причем данные кривые демонстрируют абсолютную взаимозависимость: фазы графика сменяют друг друга, чередуясь то спадами, то подъемами каждого варианта ответа относительно друг друга. Именно данный «эффект маятника» и доказывает нам, что вокруг бизнес-структур нет постоянной консолидированной поддержки со стороны общественности. Данная неустойчивость, очевидно, упирается в ценностно-ориентационные, морально-этические источники [6, с. 316]. Соответственно, демократизаторский потенциал российских бизнес-субъектов может быть полноценно реализован в случае трансформации ценностной структуры российского общества. По мнению О.А. Власовой [7, с. 84], система взаимодействия с другими всегда многополюсна, и она предполагает то, что Р. Лэйнг в своей совместной с Х. Филлипсоном и А. Ли книге называет *метаперспективами*, – «мое» восприятие восприятия другим «меня», «мой» взгляд на оценку «меня» другим [8, с. 5]. Именно поэтому должны быть сначала сконструированы российские *коалиции поддержки «за»*, которые поддержат бизнес-структуры **типа А**, что позволит последним вступить в процесс политического взаимодействия с государством по вопросу демократизации в формате партнерской модели.

Однако С. Боулс и Х. Гинтис в своей книге [9], раскрыв нормативное измерение взаимосвязи капитализма и демократии, подчеркивают политическую сущность экономической активности, которая часто рассматривается как аполитичная. Также существует вероятность того, что бизнес-субъекты будут выступать против демократических изменений. Ведь подобные сюжеты в истории уже есть: деловые круги составляли основу гражданской поддержки авторитарных режимов, которые пришли на смену демократическим правительствам, например, в Аргентине и Чили в 1960-х и 1970-х гг.

По своей сути бизнес-субъекты не являются ни союзниками стейкхолдеров демократизации, ни их противниками. Предпочтения экономических акторов относительно демократических реформ зависят от множества факторов, включая ожидаемую политику демократической власти и относительное влияние, которое будет доступно бизнес-структурам в сравнении с противостоящими им группам интересов.

Безусловно, увеличение количества бизнес-структур **типа А** станет катализатором процесса демократизации современной России, однако эта задача является, скорее всего, долгосрочной. Также не стоит забывать и о качественном измерении представителей различных типов бизнес-субъектов как стейкхолдеров демократизации: **тип А** должен обладать большей, нежели представители других типов бизнес-структур, ресурсной базой (инновационный способ экономической деятельности, множественность используемых технологий, структурная транспарентность, социальная ответственность и др.). Краткосрочные и среднесрочные практические рекомендации по повышению роли и заинтересованности, ресурсности и инструментальности бизнес-субъектов в процессе демократизации современной России могут быть следующими: необходима консолидация коммерческого и некоммерческого секторов общественной жизни; актуальна модернизация нормативно-правовой базы взаимодействия государства, бизнеса и гражданского общества, в частности принятие федерального закона РФ «О лоббизме»; требуется повсеместное распространение общественно-консультативных структур, не менее 2/3 состава которых будет представлено независимыми от государства экспертами во избежание конфликта интересов; значима популяризация публичных форматов политического взаимодействия за счет упрощения существующих процедур; насущно создание при профильных федеральных и региональных органах управления экспертных советов по оценке регулирующего воздействия новаций нормативно-правовой базы на состояние институционального пространства и процесс демократизации российской политической системы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Хархордин О.В. Основные понятия российской политики. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 328 с.
2. Манн М. Власть в XXI столетии: беседы с Джоном А. Холлом. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 208 с.
3. Терборн Й. Мир: Руководство для начинающих. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 336 с.
4. Хестанов Р.З. Коррупция и революция как структурные основания фикции государственного интереса (raison d'Etat) // Философско-литературный журнал «Логос». – 2012. – Т. 86. – № 2. – С. 46-64.
5. Асемоглу Д., Робинсон Дж. А. Экономические истоки диктатуры и демократии. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 512 с.

6. Соловьев А.И. Сетевые игроки в принятии государственных решений и проблема управления ассоциациями правящего класса // Сборник материалов V Южно-российского политологического конвента. – Ростов на/Д.: Изд-во Южного федерального ун-та, 2014. – С. 307-317.
7. Власова О.А. Антипсихиатрия: социальная теория и социальная практика. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 432 с.
8. Laing R.D., Phillipson H., Lee A.R. Interpersonal Perception: A Theory and a Method of Research. L. Tavistock Publications; N.Y.: Springer Pub. Co, 1966.
9. Bowles S., Gintis H. Democracy and Capitalism: Property, Community, and the Contradictions of Modern Thought. L.: Routledge & Kegan Paul, 1986.
10. Бизнес и власть. Левада-центр. Пресс-выпуск. 11.11.2015 г. URL: <http://www.levada.ru/2015/11/11/biznes-i-vlast/> (дата обращения 12.11.2015).

REFERENCES

1. Kharkhordin O.V. Concepts of Russian Politics [Osnovnye ponyatiya rossiyskoy politiki]. Moscow, New Literary Review, 2011. 328 pp. (in Russ.).
2. Mann M. Power in the XXI Century: Conversations with John A. Hall [Vlast' v XXI stoletii: besedy s Dzhonom A. Kholom]. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2014. 208 pp. (in Russ.).
3. Therborn J. The World: A Beginner's Guide [Mir: Rukovodstvo dlya nachinayushchikh]. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2015. 336 pp. (in Russ.).
4. Khestanov R.Z. Corruption and Revolution as a Structural Base of the Fiction of State Interest (Raison d'Etat) [Korruptsiya i revolyutsiya kak strukturnye osnovaniya fiktsii gosudarstvennogo interesa (raison d'Etat)]. Filosofsko-literaturnyy zhurnal "Logos"=Philosophical and Literary Journal "Logos". 2012. Vol. 86. № 2. 46-64 pp. (in Russ.).
5. Acemoglu, D., Robinson. J.A. Economic Origins of Dictatorship and Democracy [Ekonomicheskie istoki diktatury i demokrati]. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2015. 512 pp. (in Russ.).
6. Solovyov A.I. Network Players in the Public Decision-Making and the Management of Associations of the Ruling Class Problem [Setevye igroki v prinyatii gosudarstvennykh resheniy i problema upravleniya assotsiatsiyami pravlyashchego klassa]. Sbornik materialov V Yuzhno-rossiyskogo politologicheskogo konventa=Proceedings of the V South Russian Political Science Convention. Rostov-on-Don, Southern Federal University Publ., 2014. 307-317 pp. (in Russ.).
7. Vlasova O.A. Anti-Psychiatry: Social Theory and Social Practice [Antipsikhiatriya: sotsial'naya teoriya i sotsial'naya praktika]. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2014. 432 pp. (in Russ.).
8. Laing R.D., Phillipson H., Lee A.R. Interpersonal Perception: A Theory and a Method of Research. L. Tavistock Publications; N.Y.: Springer Pub. Co, 1966. (in Eng.).
9. Bowles S., Gintis H. Democracy and Capitalism: Property, Community, and the Contradictions of Modern Thought. L.: Routledge & Kegan Paul, 1986. (in Eng.).
10. Business and Government [Biznes i vlast']. Levada Center. Press release. 11.11.2015. Available at: <http://www.levada.ru/2015/11/11/biznes-i-vlast/> (data obrashcheniya 12 noyabrya 2015 =accessed 12 November 2015). (in Russ.).

Information about the author

KHalilov Timur A., Academic Journal "Historical and Social Educational Ideas",
Krasnodar, Russia
tkhalilov86@gmail.com

Received: 21.11.2015

For article citation: KHalilov T. A., Role of business-subjects in democratization process of contemporary Russia. [Rol' biznes-sub"ektov v processe demokratizatsii sovremennoj Rossii]. Krasnodar. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mys'l* = *Historical and Social Educational Ideas*. 2015. Tom 7. No. 7 vol-1. Pp. 56-63.

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-7/1-56-63

Информация об авторе

Халилов Тимур Александрович, научный журнал «Историческая и социально-образовательная мысль», Краснодар, Россия
tkhalilov86@gmail.com

Получена: 21.11.2015

Для цитирования статьи: Халилов Т. А., Роль бизнес-субъектов в процессе демократизации современной России.

Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Том 7. №7. Часть 1. с. 56-63.

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-7/1-56-63

**Социологические
и психологические науки**

***Sociological
and Psychological Science***

UDC 364.6

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-7/1-67-75

Diana SPULBER,
University Rome and University of Genoa, Genoa, Italy
diana.spulber@unige.it

Diana SPULBER,
Университет в Риме и Университет Генуи
Генуя, Италия
diana.spulber@unige.it

GREBENNIKOVA Veronika M.,
Kuban State University, Krasnodar, Russia
vmgrebennikova@mail.ru

ГРЕБЕННИКОВА Вероника Михайловна,
Кубанский государственный университет, Краснодар,
Россия
vmgrebennikova@mail.ru

NIKITINA Natalya I.,
Russian State Social University, Moscow, Russia
NN0803@mail.ru

НИКИТИНА Наталья Ивановна,
Российский государственный социальный универси-
тет, Москва, Россия
NN0803@mail.ru

SOCIO-PSYCHOLOGICAL ASPECTS "HAPPY OLD AGE" AND OPPORTUNITIES OF SOCIAL SERVICES IN ITS PROVISION

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ «СЧАСТЛИВОЙ СТАРОСТИ» И ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ СЛУЖБ В ЕЕ ОБЕСПЕЧЕНИИ

In this article the authors examine the anthropological, physiological, socio-psychological, medical background happy old age; analyze the data of a number of domestic and foreign experimental work to identify factors, conditions that ensure comfortable livelihoods of the elderly person. Special attention is paid to the role of the socio-gerontological competence of managers of the sanatorium and resort sphere in the creation of socio-cultural gerontology centre environment to ensure a happy old age customers, as well as the traditions of the Kuban Cossacks in relation to older people. A separate section of the article is devoted to the development of the Institute of foster families for older people in the Krasnodar region. Significant place in the article devoted to the analysis of various areas of professional activity of specialists of social service agencies within the community to enhance the revitalization of the manifestation of older people in different types of cultural and educational activities. The article reveals the essence and content of the concept of "socio-gerontological competence of the specialist institution of social service of the population". The authors examine the nature and structural components of the socio-cultural environment gerontology centre (pension) sanatorium profile, which is a special kind of communicative space of the Board, determining its existence and prospects of development as a specialized Agency for the elderly.

В статье авторы рассматривают антропологические, психофизиологические, социально-психологические, медицинские предпосылки счастливой старости; анализируют данные целого ряда отечественных и зарубежных экспериментальных работ по выявлению факторов, условий, обеспечивающих комфортную жизнедеятельность пожилого человека. Особое внимание в статье уделено раскрытию роли социально-геронтологической компетентности менеджеров санаторно-курортной сферы в создании социокультурной среды геронтологического центра для обеспечения счастливой старости клиентов, а также традициям кубанского казачества по отношению к пожилым людям. Отдельный раздел статьи посвящен проблеме развития института приемной семьи для пожилых людей в Краснодарском крае. Значительное место в материалах статьи отведено анализу различных направлений профессиональной деятельности специалистов учреждений социального обслуживания населения в сфере активизации самопроявления пожилых людей в различных видах культурно-развивающего досуга. В статье раскрывается сущность и содержание понятия «социально-геронтологическая компетентность специалиста учреждения социального обслуживания населения». Авторы статьи рассматривают сущность и структурные компоненты социокультурной среды геронтологического центра (пансион) санаторного профиля, которая является особым своеобразным коммуникативным пространством пансионата, определяющим его существование и перспективы развития как специализированного учреждения для пожилых людей.

Keywords: gerontology, social work with older people, socio-gerontological competence, gerontological specialists centers

Ключевые слова: геронтология, социальная работа с пожилыми людьми, социально-геронтологическая компетентность, специалисты геронтологических центров

Acknowledgment: *This article was prepared within the framework of the state task The Ministry of education and science of the Russian Federation No. 2014/601; project code 3106*

Благодарность: *Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ №2014/601; код проекта 3106*

Thinking about concepts

Our contemporary, physician and psychotherapist Thierry Janssen believes that modern society rests on the principles of hedonism and materialism, and so people often confuse the concept "happiness" with pleasure and comprehensive comfort. In the twenty-first century there is increasingly common phenomenon known as "hedonic adaptation" when people get used to the fact what they have and no longer have fun and joy of life.

In modern domestic and foreign scientific gerontological literature expression "happy old age" is less common than in fiction or philosophical. This notion is largely undefined and evoke the ambivalence. Many people find it difficult to imagine that old age can be a happy period of life, especially if you compare it to the earlier age periods. However, according to a number of domestic and foreign researchers [1; 2; 7; 10; 12; 13; etc.] and the authors of the chapter as well, surveys of old (and even senile) people say that the concept of "happy old age" is not abstract. On the contrary, it is filled with a certain individual significant for each individual content and includes, in particular, those new positive experiences that were unfamiliar to past life experiences.

According to some gerontologists [12; 13; 21; 24; etc.] the desire in old age for "little happiness" (F. Jaber, 1971) is as vivid as during the entire previous life. And many older people believe that the achievement of "happy state" is quite real.

In surveys conducted by the authors of gerontological centers customers (cities Moscow, Krasnodar, Gelendzhik, Anapa, sweeping 268 people), 38% of respondents reported that for the first time they experienced satisfaction of themselves and others only at the age of 60, 26 % felt the greatest satisfaction of conditions of their existence, its completeness and meaningfulness at the age of late 60.

In our opinion, perhaps the explanation of the results due to the fact that each person has several social roles, and quite quiet life in the 60 – 80s of the twentieth century allowed to change them smoothly. Since the end of the twentieth century to the present time the rhythm of human life is so accelerated that on the way home he did not have time to "transform" from the chief/worker into wife/husband, father /mother, etc. In modern life, there is a constant "mixing" of social roles (for example, in the midst of an appointment the person you love may call, and at the time of a date – your boss or employee of a bank). As a result, the person is in the "fragmentation" of his social existence, the number of social ties (including online contacts) are increasing to such an extent that for the modern man full commitment of a particular social role becomes impossible. A person does not have time (or cannot or does not want, or all together) to fully "invest" their own "I" into any of hundreds relationships. On the one hand, the modern man is forced to constantly be "connected" to be "in good shape" and on the other – psychologists and psychiatrists say about persistent epidemic of "burn-out", depletion of the inner world of the individual and loss sense in "the race of life". At the same retirement age an elderly person, finally, gets the opportunity to qualitatively, with total personal dedication "to invest" in his favorite social role (a grandparent, a writer of memoirs or a mentor for young artists etc.).

It is appropriate to show the opinion of one of the founders of positive psychology Martin Seligman, who identified three conditions that allow approaching to the "true happiness":

1) earn to savor the pleasure (slow down the pace of their work, resist impulses to escape vain tasks, which we always have a lot);

2) take some time to fully taste the joy of achieving the desired, to feel satisfaction from the choices made;

3) should stop wanting more all the time, make your life easier and deal primarily with what is important to you in this period of life [20].

Noteworthy Johannes Kemper opinion to the concepts that describe the processes of "happy and unhappy" aging. Scientist in his book "Is it easy to grow old?" writes: "In today's scientific debate about the peculiarities of working with older people target the psychological impact worded as "adaptive behavior variability elderly person", "social competence", "successful aging" and "effective device". I had great difficulty with these concepts. Though it is clear that they have great value for the science < ... >. My gut tells me that these concepts have no feelings aura (*italics* by the authors of this chapter) which I associate with my view of the elderly people. If we consider life in old age as the most possible amount of freedom and responsibility then such a thing as *the art of aging* (*italics* by the authors of this chapter) gets great significance" [11, p. 79]. In her opinion, the decisive prerequisite for a happy old age is a state of equilibrium between the views and needs (motivation) of an elderly person as well as the harmony between the needs and experience in reality. Care of children may, for example, be experienced as good, if independence was the aim of educating children. Summarizing her scientific thinking about the old age, Kemper concludes: there is not simply aging – each person has his own personal way of aging [11, p. 86].

The concept "happiness" has many meanings, largely conditional in any of the age periods. Unlike same happy experiences in age from similar conditions in young and middle age is that they usually are not projected for the future and present experiences completely exhausted.

In old age, happiness may be paradoxically from the perspective of the average citizen. For example, an elderly person with good for his age physical health, mild temperament common age-related changes, save the active lifestyle and high social status, having a spouse and children, material wealth can feel (or consider) himself in something flawed, unhappy and fully does not accept his

aging. Conversely, in poor physical health, modest material prosperity, relative solitude elderly person can be in harmony with his aging, able to see the positive side of his senile being, experiencing the joyful experience of daily activities.

Thus, about a happy old age (albeit rather arbitrary) we can speak only when an elderly person has individual subjective satisfaction with his new social role in this life.

In our country gerontology most fully the concept of "happy old age" is disclosed in N.F. Shakhmatova works [25]. According to scientists, it is a special case of mental life in elderly (old) age when a man's attitude to his senile is tolerant, his life around, today's state of health, physical ailments are perceived tolerably, as they are. Such an attitude toward oneself and others for an elderly person is a new installation of values in life. By this time, usually defined and new interests previously not characteristic of the man appear. Among them, stand out appeal to nature sometimes for the first time appears love to animals. Part of happy elderly discovers that old age has beneficial effect on their ability to creatively process the experience and knowledge of this contributes to a feeling of satisfaction.

In her studies M. Ermolaeva noted that people in later life rarely characterize his life as happy, even with all the signs of its objective well-being [9]. Absorption by the process of life, the ability to enjoy every moment this is indeed an important aspect of the emotional life of the elderly, but the stability of these experiences are not always stable: sooner or later, an elderly man appreciates "this wonderful life" as indifferent to him, pushed him to the "most side of life".

Thus, the self-awareness of a happy old age is directly related to the emotional experience of life satisfaction. And this psychological phenomenon of older people is complex and poorly understood.

Analysis of the scientific literature and the authors own research allow to designate the following factors determining satisfaction with life in old age:

- factors that are associated with the assessment of the elderly their life sense and value for others;
- factors that are associated with the presence of some purpose in life, which can be realized only in the elderly, as well as awareness of the favorable time perspective that links the past, present and future of an elderly man (this group of factors includes episodic (systematic) achievement of both large and small successes in certain activities related to the gradual achievement of the desired goal of life in old age, there is a positive reflection of the significance of his life in the eyes of others);
- factors related to the evaluation of internal and external conditions of life of an old man (this group of factors include, among others, tolerance of an elderly man to his experiences, which consist of his deteriorating health concerns, appearance, lack of material resources, the availability of good interlocutor in the face of the doctor, nurse or grandchild etc.).

Anthropological and socio-psychological conditions of happy old age

In the last decade the studies which purpose is to search for an answer to the question: what exactly defines mental well-being in old age, so that a man could perceive aging as a new (relatively happy) period of his life have increased substantially.

According to the American psychologist and genetics David Lykken (life years 1928 – 2006), the ability to be happy is an intrinsic property of the individual, which is determined by genetics but not external factors. To prove this point, he spent ten years studying the life of 2,000 pairs of identical twins, born in Minnesota from 1936 to 1955. In 1996, Lykken published his findings, concluding that the life satisfaction of 50% is determined genetically. According to the scientist, namely genes affect such personality traits (important for the perception of old age) as cheerfulness, complaisance, stress, depression, etc. Lykken found that material income, marriage, religion and education by only 8% define what how many people satisfied with life. "Having different experiences, but identical genes, old age people psychologically feel the same way – the researcher wrote. – Conversely, the state of mind of people with a similar fate, but with different genes is very different" [8]. It should be noted that the latest psychogenetics discoveries show that there are genes responsible for altruism and compassion, and even for religiousness. And we cannot exaggerate the role of genes dictatorship. Each person has a choice of how to live and how to grow old.

There is another theory about socio-psychological and anthropological presuppositions of happy old age, according to which happiness in old age depends on a person's lifestyle and his free choice. Supporting this theory, Professor Bruce Headey from Melbourne Institute of Applied Economic and Social Research (Australia), for the past 25 years was studying the inhabitants of different countries (Germany, England, Australia). He tried to find the relationship between happiness and education, employment, marital status, religion, etc. First three thousand people a year were interviewed, and by the end of investigations, the number rose to 60 thousand. The results of the study in October 2010 appeared in the journal Proceedings of the National Academy of Sciences.

The main results of research of Bruce Headey and his collaborator Ruud Muffels, Professor of Economics and Sociology:

- one of the most important factors influencing the happiness is the presence or absence of neurotic states with a partner; according to researchers, even temporary past relationship with unbalanced person can ruin the rest of life. Conversely, calm and friendly companion guarantees us a happy old age;

- of particular importance for long-term happiness in old age have altruism and family values. Respondents cited as their moral priorities philanthropy and empathy, as well as those who are easily sacrificed their interests for the sake of loved ones, elderly feel happy. "But among egoists satisfied retirees turned two-thirds less," – said Headey;

- believers (especially in old age) tend to be happier than atheists;

- such factor as body weight for long-term happiness of men and women affected differently. The first are upset when their weight is insufficient, and the second put off excess fat; and on the state of mind of the stronger sex overweight has almost no influence.

Bruce Headey is not the first scientist who was involved in a long-term study of mental well-being in adulthood. The longest such project was launched in 1938 and is still ongoing. It is attended by about 300 Harvard alumni who now well over 80. Today this research is managed by George Vaillant, professor at Harvard Medical School in Boston, Massachusetts. Conclusions of his research are presented in the book «Aging Well» (2003) and Bruce Headey largely coincide. Among the factors of a happy old age Vaillant notes:

- sense of humor is a powerful psychological defense;

- avoiding alcohol and smoking when you are not more than 45–50. "Of those 80-year-old respondents who refused smoking and alcohol abuse until they were 45 years old, 64% identified themselves to be healthy and happy, which is a very bright indicator".

In 2012, British experts Southampton and Edinburgh University, and University College London, under the auspices of the National Health Service as part of its complex programs used interrogators engaged in a long-term research in a given area. The study took place in three phases over forty (40) years! Published results of the program have shown that elderly people are more happy and satisfied with their lives, if they in their younger years were emotionally stable and characterized as people with extraverted type of behavior that is more sociable, responsive, have a keen interest in the environment [4, p. 1].

At the first stage it was attended by 4583 people born in 1946. Age of participants at baseline was 16 years old. The second study was repeated 10 years later. The participants were 26 years old. The final stage of a four-year study conducted already in the elderly (age of the participants in the experiment was 60 – 64). 2529 people are already interviewed. Analysis of data from all stages of the experiment showed that people with high levels of extraversion quite satisfied with their life in old age and live quite happily. The opposing group of people suffering from neuroticism, has poor health in old age, with low levels of well-being. The conclusion (which, in our opinion, requires a scientific debate) says that the subsequent life of the person depends on the mental states in youth.

Typing elderly people proposed by MD, Professor Yuri Iosifovich Polishchuk [19, p. 1] deserves attention:

- "Happy old age" is characterized by tranquility, wise enlightenment worldview, contemplation and self-control, which occurs not only in the accumulation of life experience, but also weakens the influence of affect, emotions on mental life. This condition occurs in a sufficiently large group surveyed aged 73 to 92 years in 8% of cases. All these people in the past were harmonious personalities and after retirement for a long time engaged in creative work;

- "Unhappy old age" is caused by increased levels of personal anxiety, worry about their physical health, but also about the health and well-being of loved ones. For such people, characterized by a tendency to frequent doubts about the slight, self-doubt, his future, the loss of the former and the lack of new meaning in life, thinking of approaching death. This condition is observed in 71% of older people. In the past, they were peculiar features alarming suspiciousness, of sensitivity, which enhanced the aging;

- "Psychotic" old age is accompanied by organic mental disorders, psychopathic, psychorganic disorders up to the phenomena of dementia. These old people make 21%. The author emphasizes that these people could not identify any significant prevalence of certain traits.

Old age should not be taken as a period of regression and decline, as evidenced by the results of the study of cognitive abilities of people in the age group 60 – 93 years. Revealed that older people can not only preserve existing capacity, but also to develop a number of new ones. Education at this age is based on the rich texture of experience, adequate knowledge of their strengths and weaknesses in the process of cognitive detail. Analysis of the literature on the psychology of old age and aging

analysis of biographies and autobiographies of creative people who have lived to old age, showed that old age as a psychological age may not occur in a person's life. Condition lasting or growing maturity is creativity in all its forms, including the creation of his own life, his every day.

***The role of social gerontology competence of managers
sanatorium sphere in the creation of social and cultural environment of
gerontology center to ensure a happy old age of its
customers (by example of Krasnodar Territory)***

In modern conditions of bringing infrastructures resorts, spa profile institutions of Krasnodar Territory to international standards there is an objective need to take into account the socio-gerontological approach.

In the Krasnodar region in the period from 2009 to 2013 was successfully implemented regional target program "The older generation", which was approved by decision of the Head of Administration (Governor) of Krasnodar Region on June 3, 2009 № 473. Its implementation was aimed at creating conditions for "a happy old age" for senior citizens of Kuban. The aims and objectives of this program were:

- assist in raising the level and quality of life of elderly people in the Krasnodar Territory;
- providing a wide range of social services that contribute the normal life and decent way of life in old age, including the development of care services for senior citizens, a network of relevant institutions, foster family institution for the elderly, increased use of mobile teams, provision of transport services;
- modernization in accordance with international standards of material and technical base of social services for senior citizens and people with disabilities;
- the formation of a positive attitude towards aging and older people as active and respected members of society;
- assist in the development of the creative potential of older people, including those living in rural areas and most distant from the major cultural centers of settlements;
- the formation of an active life position, involvement in the cultural life of the region, the development of veteran sports movement, the use of the elderly sports, health, recreational facilities;
- active involvement of senior citizens in physical culture and sports, holding of sports events;
- development of social tourism for senior citizens.

For the vast majority of the Krasnodar region traditions of the Kuban Cossacks in relation to older people are extremely important and significant. To respect older this is one of the main traditions of the Cossacks. Paying tribute to the living years, transferred odds Cossack share advancing infirmity and inability to stand up for themselves, the Cossacks have always remembered the words of the Scriptures: "In the face of a gray-haired, get up, respect the elder person and his fear of God" [25, p. 2]. The custom of respecting and honoring the eldest younger obliged younger to care, restraint and a willingness to help and some etiquette demanded compliance (with the appearance of an old man all had to get up – Cossacks in the form of a hand in a headdress and without form – remove hat and bow).

In the presence of the elderly were not allowed to sit, smoke, talk (to engage in a conversation without his permission), and even more so obscenely expressed. It was considered unseemly to overtake the old man (the eldest), ask permission required to pass. Upon entering the first anywhere passed older. Considered indecent younger engage in conversation in the presence of a senior. Junior must exercise patience and restraint in all cases, not rebuke. Words were senior to junior compulsory. When common (joint) activities and decision-making is sought necessarily older. When conflict situations, disputes, dissensions word the old man (the elder) was crucial and needed immediate its execution. Generally Kuban Cossacks and especially respect for elders is an internal need, even in the Kuban in circulation rarely heard "grandfather", "old" and so on, and gently says, "dad", "father". Respect for the older inculcated and instilled in Cossack family from an early age.

Only in 2013 in the framework of the regional target program "The older generation" of Krasnodar Territory were performed the following activities:

- continued development of foster family institution for the elderly. Currently, in the Krasnodar region within the adoptive family more than 100 elderly people are served;
- on the basis of marginal social service agencies organized 54 computer labs, which have been trained on the program "Personal Computer" for more than 2 thousand of elderly people. In order to provide communication links for senior citizens living in rural areas, 41 establishment of social services for older citizens purchased laptops;

- in the marginal social service agencies action exists 50 "Schools care senior citizens (especially immobile patients)" for their family members and volunteers. Only for 2013 sessions attended by more than 7.2 thousand people;
- in volunteering to implement monthly patronage 22660 veterans in need of various assistance systematically attended by about 12,000 students and seniors;
- only for 2013 in development activities of social tourism for senior citizens took part more than 2 thousands of elderly people from all municipalities of Krasnodar Region, conducted 143 tours. Especially popular in the elderly enjoyed trips to the ethnographic complex "Ataman Cossack village" holy places and objects of pilgrimage Krasnodar region, as well as cultural and historical monuments;
- Department of Labor and Employment of the Krasnodar Territory successfully implement work for employment of senior citizens who want to continue their career. Under the "older generation" in 2013 to the employment services of the Krasnodar Territory over 5,000 people of retirement age addressed, 2583 people, including 1691 women are employed;
- Ministry of Physical Culture and Sports of the Krasnodar Territory held 8 regional competition among veterans of Physical Culture and Sports of the Kuban, which were attended by more than 300 of older people;
- a network of state and non-state (private) gerontology centers, boarding houses for elderly and elderly was developed.

To solve the problem of improving the level of service, to meet the needs of different groups of customers from among those "third age" of gerontological social institutions need a strong profile, professionally trained service management, with its socio-gerontological competence. Modern gerontological management can be defined as the science of effective governance institutions gerontological focus, which includes: a) the doctrine of the regulatory principles of the organization of the enterprise gerontological specificity (the legal part); b) the doctrine of the development strategy of the enterprise (the ideological part); c) the doctrine of personnel selection (sociological part); c) the doctrine how to optimize personnel, able to take into account the specifics of the system "manager – elderly man" (pedagogical and psychological parts).

The socio-gerontological competence manager institutions for the elderly is system specialist personal formation, reflecting the unity of possession of the basic competencies needed for successful professional work with older people to meet their needs of variant in improving and strengthening the health, cultural activities and other needs. It includes all of the following competences:

- information and gerontological is the ability to identify and obtain information about the needs of a particular elderly person, as well as to provide him all the necessary information;
- communicative gerontological is the ability to work productively and conflict-free to build relationships, to negotiate with the various categories of older people, the ability to convince them in the interests of the expedient resolution of their problems and needs, the possession of social perception skills in personal – business communication with older people; the ability to prevent and resolve conflict situations that arise in the communication process;
- Analytical and predictive is skill to develop socially-oriented projects that meet both the needs of the individual customer and gerontology group but sanatorium and spa services based on information;
- advisory is the ability to build and provide advisory activities in working with various groups of gerontological issues variational meet their interests within the framework of existing law;
- animation and gerontological is the ability to develop various animation programs and tours taking into account psychology, age, disability of "third age" people; possession of various types of animation, recreational technologies; technologies excursion activities, the organization of social and cultural programs;
- monitoring is the ability to monitor the quality of provided gerontological sanatorium complex, the ability to determine the index of satisfaction of elderly customers with the quality of service.

Wellbeing of older people stay under state or pay gerontology center (guesthouse) is largely determined by its socio-cultural environment. Creating such an environment and providing its improvement can be achieved if:

- specially created conditions for a full, diverse manifestations of life and social relations, self activity of elderly clients with regard to their personal interests, spiritual needs;
- living in the guest house retains existing family ties older people, their relationships with friends and neighbors, provides opportunities for transmission of their knowledge, professionalism, culture and traditions to the younger generation;
- provides daily protection of the interests and rights, living in the guesthouse elderly clients.

Socio-cultural environment gerontology center (guesthouse) is a special kind of communicative space guesthouse determining its existence and development prospects as a specialized agency for

the elderly. It is the official foundation (what appears in the brochures of a guesthouse) and informal (what is passed from one person to another through those who lived in it and through their relatives, friends and acquaintances) advertising (image).

The main structural components of the socio-cultural environment of gerontology center (guest-house) sanatorium profile are:

- culture of management process of life of older people and providing the most appropriate to their needs;
- providing facilities of daily life (living comfort, etc.);
- culture of life of all subjects of pension (staff, clients, social partners, etc.);
- culture of necessary for the elderly health care and nutrition;
- culture of ensure effective interaction of older people, which can be varied, it is useful to themselves and others to spend effectively the last years of their life;
- developed and appropriate conditions for the fulfillment of each resident in his familiar surroundings;
- culture and fullness of life and meet the spiritual needs of the elderly;
- protection of the interests and rights of the elderly, as well as maintenance and administrative staff pension;
- rationality of technical equipment necessary to ensure the required level of customer service.

The problem of adaptation of an old man to life in gerontology center sanatorium is a complex of multi level process that is solved with the use of special psychological intervention programs (in particular, dance movement therapy, body-oriented therapy, game therapy). Complex rehabilitation and adaptation activities carried out in the center, includes the work of physicians, psychologists, specialist in adaptive physical education specialist in social work, occupational therapy instructor, organizers of cultural and leisure activities, experts on the implementation of animation and recreational programs, and accompanist other professionals.

Used in gerontological center sanatorium dance – movement therapy helps to release muscle tension elderly, lifting clamps and the formation of psycho-physiological state of relaxation techniques. Body-oriented contributes to the development of his own body, creating a positive body image, development of communication skills. Game therapy is acquisition and development of feelings of group experience in building communication skills in geriatric group. The complex of these programs helps correction of psychological problems and the formation of an elderly man motivation concerns about their own health.

Instructor in occupational therapy center offers customers various kinds of leisure and applied activities: testoplastika, macrame, embroidery, knitting, soap-making, beading, origami, scrapbooking, decoupage on fabric, quilling, izon, kanzashi.

A special place in old age takes psychological assistance that the institution aims to address one of the important problems in this age group – adaptation is not only a change of outdated behaviors, but also the improvement and development of methods of effective and harmonious interaction with the outside world, as well as increase personal potential and to promote the process of self-actualization.

Thus, all the activities of specialists of gerontology center aims to build skills to preserve and strengthen the psycho-physiological health of an elderly patient.

Analysis of the results of experimental work

In the period from 2010 to 2014, the authors and students under the guidance of the authors were conducted narrative interviews with 126 mentally healthy elderly (age 65 to 88 years, 80 women and 46 men) living in geriatric centers (boarding houses), boarding homes, and being in the home. Conducted a content analysis of materials derived from the narrative interviews allowed to identify a group of elderly people (13 men and 12 women) who positively assessed their being senile and were pleased with the conditions (both external and internal) course of their old age. Some of them (8 men and 10 women) discovered (in the period from 65 to 70 years) the fact that old age is a beneficial effect on their ability to creatively (new angle) to rethink the experience, to share with them their interlocutors, and to some extent promotes sensitivity satisfaction is advanced in years.

A common feature for all 25 people who were satisfied with their old age, is a clear orientation on these older people for now. Their senile state they accept without any reservations and with no plans to change for the better. For them (11 living at home, and 14 in geriatric centers) is typical of almost daily mental work, which leads to the development of new for them calm (largely contemplative), to a certain extent self-sufficient life position. Life around, today's state of health, physical ailments, perceived life bearable, such as they are. Note that in the works of many gerontologists [10;

12; 13; 21; etc.] such a tolerant, relaxed attitude to himself older (the elderly), to their surroundings for an elderly person is a new installation of values in life .

All elderly people of this group showed a tendency to listen carefully to their companion, as well as the tendency to conformism (elderly formally agrees with the speaker, but it itself is not their point of view or behavior resulting from it, do not change). To some extent, these traits indicate their selection of adequate forces method of adapting to the environment. Meanwhile, it should be noted that this form of conformist contacts more common in older women than men.

Another important characteristic feature of the elderly referred us to the people perceive their retirement as a happy time, a desire to be involved in situations in which it is possible to demonstrate their abilities and skills (for example, to assist in negotiations between the warring relatives, neighbors, be members of the feasible for their ability to play with his grandchildren, to take part in the work of public organizations in the health of sports programs, etc.).

Summary

Happy old age can be regarded as the greatest personal satisfaction of an elderly person with conditions of his existence, his completeness (adequate psychophysical capabilities) and meaningfulness.

For "happy old age" it is important that the nature of an activity, employment is chosen by the individual according to his personal interests and aspirations. It is useless to try to artificially or forcibly bind an elderly person with any physical activity, even if it would be feasible and necessary thing for him. Striving for an elderly person feasible activity and employment interesting thing this is what makes life in old age "real life".

REFERENCES

1. Antsyferova L.I. Late period of human life: types of aging and the possibility of progressive aging personality. *Psychological Journal*. 1996. T. 17. № 6. P. 60–71.
2. Bikson T.K., Perlo L.N., Hands K.S., Gudchaylds J.R. Life is old and lonely man. *Labyrinth of Solitude*. Moscow: Progress Publishers, 1989.
3. Boltenko V.V. Personality change in the elderly living in nursing homes. Moscow: Moscow State University, 1980.
4. British psychologists have confirmed the folk wisdom of a happy youth and old age scientifically. T.Sokoto. Available at: http://www.eurosmi.ru/465britanskie_psihologi_podtverdili_narodnuyu_mudrost_o_schastlivoiy_molodosti_i_starosti_na_uchnym_putem.html.
5. Altruism gen. Available at: expert.ru/expert/2013/29/gen-altruizma
6. Davydovskiy I.V. Gerontology. M.: Medical, 1966.
7. Demchenko V. The peculiarity of level, structural and stylistic characteristics of intelligence in old age. *Psychology of maturity and aging*. 1998. № 3. P. 5-13.
8. David Lykken, Available at: <http://www.psy-files.ru/bio/1096-devid-likken.html>
9. Ermolaeva M. Practical psychology of old age. M.: Publishing house EKSMO Press, 2002.
10. Ivanov V.A. Work staff psychologist in the CSR (Center for social rehabilitation): the problem of identity, *Psychology of old age and aging*. Moscow: Academy 2003. P. 365–370.
11. Kemper J. Is it easy to grow old?. Moscow: Publishing House. Group "Progress" – "Culture"; Agenstva Yachtsman, 1996.
12. Krasnov O.V. Study identifying elderly . *Psychology maturity and aging*. 1997. № 3. P. 68-84.
13. Lenina E.V. Formation of social gerontology competence of managers sanatorium sphere in high school. M.: RSSU, 2010.
14. Medvedeva G.P. The role of psychological competence of the social worker in the organization of social services for the elderly // *World of Psychology*. 1999. № 2. P. 164-168.
15. Could it be a happy old age? Available at: http://www.dom-prestarelih.ru/gerontologia/starenie_razvitie_lichnosti.html
16. Our mental well-being depends on genetic factors. *Studies Bruce Headey*. Available at: <http://nauka21vek.ru/archives/7644>
17. On the implementation of long-term regional target program "older generation" for 2009 – 2013. Available at: <http://www.sznkuban.ru/celprog233.html>
18. What determines the happy old age? Available at: <http://energy-life.ru/blocks/psiholog>
19. Polishchuk Y.I. Aging personality. *Social and Clinical Psychiatry*. 1994. V.4. P. 108-115.
20. Seligman M. Path to prosperity. A new understanding of happiness and prosperity. Moscow: ООО "Mann, Ivanov and Ferber", 2013.
21. Smith E.D. Aging can be beautiful. M., 1995.
22. Happy young – a pledge of a happy old age. Available at: <http://www.psychol-ok.ru/lib/intpsy/intpsy2013/intpsy290713.html>
23. Traditional folk culture of the Cossacks . Available at: <http://kazaknvrkonstant.ru/content/TRADITSIONNAYA-NARODNAYA-KULTURA-KAZACHESTVA>
24. We have a lot of resources (interview with Terry Jansen). *PSYCHOLOGIES*. 2013. № 12. P. 111–112.

25. Shakhmatov N.F. Aging – while personal knowledge of the eternal questions and truths Property to .Psychology of maturity and aging. 1998. № 2. P. 14–20.
26. Yatsemirskaya R.S., Bilenka I.G. Social gerontology. M.: 1999.

Information about the author

Spulber Diana PhD in Methodology of Research in Psychology, Scientific Advisor at Unesco Chair University of Genoa, lecturer at Link Campus University Rome and University of Genoa Genoa, Italy
diana.spulber@unige.it

Grebennikova Veronika M., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Pedagogy, Psychology and Communivativity, Head of the Department of Pedagogy and Psychology of the Kuban State University, Krasnodar, Russia
vmgrebennikova@mail.ru

Nikitina Natalya I., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of the Department of social and family pedagogy of the Russian State Social University, Moscow, Russia
NN0803@mail.ru

Received: 01.10.2015

For article citation: Spulber D., Grebennikova V. M., Nikitina N. I., Socio-psychological aspects "happy old age" and opportunities of social services in its provision.[Social'no-psihologicheskie aspekty «schastlivoj starosti» i vozmozhnosti social'nyh sluzhb v ee obespechenii]. Krasnodar. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mys'l = Historical and Social Educational Ideas. 2015. Tom 7. № 7 vol-1. C . 67-75
DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-7/1-67-75

Информация об авторе

Spulber Diana, кандидат Методология исследований в психологии, научный советник, кафедра ЮНЕСКО Университета Генуи, преподаватель Link Campus University Риме и Университет Генуи, Генуя, ИТАЛИЯ
diana.spulber@unige.it

Гребенникова Вероника Михайловна, доктор педагогических наук, доцент, декан факультета педагогики, психологии и коммуникативистики, заведующий кафедрой педагогики и психологии Федерального государственного бюджетного общеобразовательного учреждения высшего профессионального образования «Кубанский государственный университет», Краснодар, Россия
vmgrebennikova@mail.ru

Никитина Наталья Ивановна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры социальной и семейной педагогики Федерального государственного бюджетного общеобразовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский государственный социальный университет», Москва, Россия
NN0803@mail.ru

Получена: 01.10.2015

Для цитирования статьи: Spulber D., Гребенникова В. М., Никитина Н. И., Социально-психологические аспекты «счастливой старости» и возможности социальных служб в ее обеспечении. Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Том 7. №7. Часть 1. С. 67-75
DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-7/1-67-75

UDC 316

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-7/1-76-84

TEMNIKOVA Lina B.,
Kuban state technological university,
Krasnodar, Russia
Temnikova-lina@mail.ru

ТЕМНИКОВА Лина Борисовна,
Кубанский государственный технологический
университет, г. Краснодар, Россия
Temnikova-lina@mail.ru

MEDIA DISCOURSE AS AN OBJECT OF INTERCULTURAL COMMUNICATION IN ENGLISH SCIENTIFIC MAGAZINES

МЕДИАДИСКУРС КАК ОБЪЕКТ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В АНГЛИЙСКИХ НАУЧНЫХ ЖУРНАЛАХ

the article deals with mass media discourse which refers to problematic area of mass communication as a process of information change between all society subjects, aimed to form society opinion about social fragment existence, definition and discourse types are given. Possessing some constitutive characteristics, discourse is a communicative material aimed for certain result and comprising certain set of people, taking part in it. The peculiarity of the media discourse is that it cognitive mechanisms of social memory due to the ideology that is found in the ability to selectively update information to associate certain facts, concepts, and images, to associate or dissociate the different temporal incarnation of society. The perception and the assimilation of modern information media texts require communicant ability to decode visual, verbal, symbolic landmark framework to understand their function. Often mass audience is not able to critically evaluate proposed information is not prepared to distinguish documentary side of the proposed statements on its commentary-estimated component. The author refers to Russian and foreign scientists in mass media sphere, each of them gave their own definition of media discourse, gives examples from scientific and popular magazines.

В статье рассматривается массмедийный дискурс, относящийся к проблемному полю массовой коммуникации как процессу обмена информацией между всеми субъектами общества, нацеленного на формирование общественного мнения по поводу социально значимого фрагмента социального бытия, приводится его определение, выделяются типы дискурса. Обладая определенными конститутивными признаками, дискурс является коммуникативным продуктом, нацеленным на определенный результат и охватывающим определенный круг лиц, в нем участвующих. Особенностью массмедийного дискурса является то, что в нем когнитивные механизмы социальной памяти обусловлены идеологией, что обнаруживается в способности избирательно актуализировать информацию, ассоциировать те или иные факты, понятия и образы, ассоциировать или диссоциировать различные временные ипостаси общества. Восприятие и усвоение информации современных медиатекстов требуют от коммуниканта умения декодировать визуальные, вербальные, символические знаковые основы, понимать их функции. Зачастую массовая аудитория неспособна критически оценивать предлагаемую информацию, не готова различать документальную сторону предлагаемого высказывания от его комментарийно-оценочной составляющей. Автор ссылается на работы как отечественных, так и зарубежных ученых в сфере массмедиа, каждый из которых дает свое определение медиадискурса, и приводит примеры из научно-популярных британских журналов.

Keywords: media discourse, mass communication, mass media text, scientific magazine, illustration, image

Ключевые слова: дискурс массмедиа, массовая коммуникация, массмедийный текст, научный журнал, иллюстрация, изображение.

MEDIA DISCOURSE AS AN OBJECT OF INTERCULTURAL COMMUNICATION IN ENGLISH SCIENTIFIC MAGAZINES

The concept of mass media discourse in scientific research practice was fixed thanks to the publications of T.G. Dobrosklonskaya, according to her thoughts it is a "message together with all other components of communication (sender, recipient, message, channel, feedback, communication situation or context)" [7, p. 22]. To understand the specifics of mass media discourse one should consider that feature of modern mass media is to ensure the interaction of all social subjects and the process of social self-knowledge, is, on the one hand, the obligation to "reside in present, at the point where action takes place at a given time moment" [7, p. 223], where reality is converted into a social fact, and on the other hand, the growing needs in the projective, the essence of which, as pointed out by I. M. Dzyaloshinsky, is that the media in relation to all aspects of social life of produce and distribute "ideal plans of new types of human activity, human behavior, communication, all forms of human existence" [6]. Media provides a process of mass communication and realizes its ideological resource aimed at "cognitive processing of the individual and of society in order to create a special view of the world" [6]. The discourse of mass media is sensitive to context of contemporary social life, designated a social fact, as well as to the context of current ideology. It is directly aimed at the public consciousness and the formation of the current of public opinion. Mass media discourse differs particular, having massive audience and, accordingly, "average" (and in this sense, simplification) of the code, working in a mode of cognitive-axiological meanings - conceptual (identification), metaphorical, figurative and symbolic and value. As of the mass media word-oriented evaluation nomination as a struggle for the basic values and the metaphor as "basic mental operations as a way of knowledge, structure and explanation of the world" [6], it is recognized as a personal-semantic and socio-semantic relation of man

to reality. The notion "discourse of mass media" refers to the problematic field of mass communication as a process of exchange of information between all subjects of society, aimed at sharing public opinion about the socially significant piece of social existence. Mass communication, aimed at the broad, indicative of a scattered audience, "is a social phenomenon due to the main function of exposure through conceptual and evaluation information." Mass communication as a form of speech activity "is a socially conditioned process in which this feature is updated by various means and channels of communication" [9, p. 34]. As a source of social and mass communication serves a social institution or "collegiate sender" [9, p. 37], is produced in the corpus a certain type of consciousness and the installation for a particular type of pragmatism - the goals and aspirations of expectations. Recipient of the mass media messages is a broad audience - the mass in relation to non-uniform indicative scattered, so the text of the mass media should be clear to the mass (average) consumer [13, p.8].

Media are the subjects of production, reproduction and transmission of valuable meanings. They "make a choice when a million events per page get only hundreds. The choice should be based on certain values filter" [12, p. 356], that is, from one or another interpretation presented in the media, depends on whether certain information gets into the focus of public attention and acquire social status. Character of sampling and presentation, their social position are determined by the importance of the media and specifics of the target audience. N.F. Alefirenko said that the discourse of the mass media - that, on the one hand, "nature of verbal and cogitative formation event in conjunction with the pragmatic, socio-cultural, psychological, and other paralinguistic factors", the distinctive feature of which is "communicative event as a fusion of language forms of knowledge and communicative-pragmatic situation" and on the other - "a social activity in which the leading role played by cognitive formation, focusing a variety of aspects of the language of the inner world of the individual. Discourse breaking and interprets incoming information in the language consciousness, it becomes a kind of mind generator and world creation device" [4, p. 10]. Thus, the discourse is socially determined process of generation and transmission of objectification inherent in conjunction texts socially significant content of forms that reflect the features of playback of consciousness. Discourse as communicative and cognitive phenomenon sets the method and the nature of representation and operation information, and nature and range of reproducible them substantial form, which is organized and value-oriented sets of senses addressed in its being to social practice, social memory (tradition) and the imagination. Consequently, the discourse of mass media is recognized as a socially determined process of production, reproduction, broadcast and objectification of the mass media texts socially significant form of content, exhibiting characteristics of public consciousness and mass-mediated (called in the modern theory and journalistic) pictures of the world.

In the E.A. Kozhemyakina's article "Mass communication and media discourse: to the methodology of the study" the author notes the following: "Depending on the genre and functional characteristics of the media space in which discourse is realized, we can distinguish the following types of it: news, advertising, promo (PR) discourses; Information, analytical, journalistic discourses; identifying, representing the ideological discourses, etc. If the function (and related genres) modification of the media are crucial to highlight the types of media discourse, the latter will largely differ from each other in their formal and substantive characteristics (parameters)".

In the scientific literature when considering the function of exposure in media discourse is noted that the perception of media materials affect particular society's culture, stereotypes (images, models, installations), the value to which the author refers to achieve their goals. Producers posts create images that appeal to the reader's emotional sphere.

The thesis for the degree of candidate of philological sciences "Representation of the image of "alien" in the English-speaking media discourse (based on the British media)" E.A. Andryushchenko wrote: "The media discourse in the UK for the purpose of influencing the reader uses linguistic and paralinguistic means. Among the linguistic means of influence were marked by appeals to the reader, modal structure, citation, rhetorical questions and syntactic figures. This group also includes linguistic-cultural means of influence, among which we identified toponyms anthroponomy, linguistic units called realities, images, values and stereotypes. Paralinguistic means include: font, photographs, drawings, numerals, maps, collages, tables, charts, cartoons and posters. Results of the study indicate that the most frequency are font and photographic paralinguistic means" [5]. Considering the British media discourse, one can not turn to the works of foreign scientists. So, Professor T. Van Dyck (Amsterdam University) believes that the discourse has a communicative event that occurs between speaker, listener (observer, etc.). In the course of communicative action in a specific temporal, spatial, and so on context. This communicative action (CA) can be verbal, written have verbal and nonverbal components. Typical examples - everyday conversation with a friend, a dialogue between doctor and patient, reading the newspaper.

British scientist G. Kuk in the book "Discourse" argues that we are dealing with two different types of language as a potential object of study, one is an abstraction, created for the teaching of language and literacy, as well as for the study of the functioning of language rules; the other - the one that is used to transmit any information and is perceived as a coherent (in this case it may or may not be correct sentence or set of correct sentences). This latter type of language - language in use, language in communication - and is, according to Mr. Cook, discourse, and find that the connection gives the discourse is discourse analysis.

Norman Fairclough in his work «Critical Discourse Analysis» [6] treats discourse as a sociolinguistic phenomenon. With regard to the discourse of the author considers language use part of the social conditions and processes that systematically identify the differences in its properties, including the linguistic forms that occur in the texts. One aspect is social, which serves an integral part of the concept of "discourse" and means that the language, according to the author, there is a material form of ideology. Such semantic content of speech and formation of appropriate discourse congenial to division of global information field along civilization lines.

You can talk about different types of understanding of media discourse on the basis of cognitive systems of the sender (ideological orientation of a text, ideas and attitudes that it laid), the characteristics of the target audience to which this text is directed, and the linguistic and extra-linguistic strategies to feed information stored in the text. So, you can select:

- discourse of "quality press";
- discourse of the popular press (tabloids and magazines);
- discourse of specialized publications (scientific and popular magazines).

These editions differ from each other as cognitive attitudes of recipients and their powers of perception target audience, therefore, different ways of conveying information in the text.

Considering the discourse of popular science magazines, should start with the headlines of articles whose purpose is to attract the reader's attention. Mass media covers the events of social and political life, considering the variety of areas of human activity. S.O. Milovanova said that effective perception of newspaper text is primarily determined by the title, which saves the efforts of the reader in the process of finding information of interest to him and performs nominative function, calling the text, allowing you to select it from a number of other texts [11]. An important role is played graphically-secretary function of nonverbal communication: using bolding, use of color, graphics, layout techniques (posting on a newspaper page). Thus, in weekly British science journal we can find the following headings: "Genetically modified mice reveal the secret to a painless life". The article deals with people born with a rare genetic disease to the non-perception of pain. With the help of experiments conducted on mice, scientists managed to make the last to feel the pain.

"Event Horizon Telescope reveals magnetic fields at Milky Way's central black hole". The author tells the story of how astronomers using a special device able to record the magnetic fields is conditional radius of a black hole in the center of the Milky Way.

"Accidental discovery of how to stay young for longer works in worms". The article provides information, as scientists in the field of medicine can increase life expectancy, using the new measurement criteria of age in early adulthood, conducting experiments on worms.

Modern trends headlines traced to increase their volume, strengthening their communicative function, content, inform the parties the author's fascination with irony. Headlines increasingly act with a view to updating the senses and have a strong emotional impact to the reader. Features of the grammatical construction of headings, punctuation, and non-verbal means of isolation makes the title more vivid and help to convey a hidden meaning, to reveal the author's position. E.A. Eremina argues that the function of visual support, and excretion to the fore the basic idea of a media text is the primary function of all types of visual component. This is due to the fact that any illustration is aimed primarily at in order to facilitate the perception of a written text and make the idea of the author's more understandable to the reader.

It is known that the human brain perceives information better when he sees not only the text, but attached to it an illustration or photograph. That is why now is very often used various illustrations and photos of various genres in the newspaper.

The material, which is based on not only text, but also the accompanying illustration, a reader claimed. Focus on the destination leads the print media to seek new ways of presenting pictures. Their identification and the following discussion will not only understand how the picture through the media can influence the reader, but also to characterize the current trends illustrate the print media.

The modern reader, accustomed to TV entertainment, first drew attention to photographs and various illustrations.

In recent years, new newspapers, in which visual information is equivalent to verbal information. Media readers are losing the habit of constant reading and accustomed to receive news in visual

forms of submission. On the pages of newspapers large colorful photo illustrations are starting to take no less and sometimes more space than text.

Depicted in the photographs people and natural objects in most cases demonstrate that what is at stake in the publication. For example, in the article «Hurricane Sandy Was New York's "Self-Inflicted Calamity"» (Discover, May, 2015) deals with the hurricane "Sandy", a powerful tropical cyclone formed in late October 2012, affecting Jamaica, Cuba, Bahamas Haiti, the coast of Florida and, later, the north-east United States and eastern Canada. The most severe damage was caused to the north-eastern United States, particularly New Jersey, New York and Connecticut. It was formed on October 22 and 6 hours turned into a tropical storm. The illustration, depicting the media text is shown in a matter of seconds a hurricane to form a funnel pulls down the majestic skyscrapers of New York. The article "Nepal May Be Poised For Another Big Earthquake" (Discover August 6, 2015) gives a detailed account of the facts of a series of major earthquakes in Nepal, the first of which took place on 25-28 April 2015 and was the most powerful since 1934, in addition, after the main shock occurred a series of aftershocks. The photo shows how tens of thousands of destroyed homes and damaged buildings. Illustration allows you to visually assess the earthquake caused damage and to imagine the consequences for the economy of the city and the country as a whole. Most notable, in our opinion, are the images in the article "Staying Afloat in a World of Rising Seas" (Discover, December 02, 2014). The author points out that in spite of climate change in coastal areas residents do not lose heart and do not lose heart when faced with natural disasters. At one of several images showing the people of Bangladesh, saving their vehicles during the flood. The citizens of this republic are aware of the flooding firsthand. State located on a broad delta plain at the confluence of several major rivers, is one of the most flood-prone countries in the world. However, the flood situation the summer of 2014. Even by local standards is considered to be out of the ordinary.

The following picture shows the happy boys at the house on stilts - the indigenous inhabitants of the village Ganve situated on Nuku Lake located near Benin, which is referred to as the "Venice of Africa". All the houses, shops and restaurants in Ganve located on stilts made of wood a few feet above the ground. In spite of the climatic conditions of the area, the residents continue to live in floating houses and engage in fishing as earning.

The text is not necessarily accompanied by the illustrations, but the illustration on the page of the newspaper can not exist without the accompanying text. A photograph can be interpreted in different ways. And if the picture interpreted incorrectly, it will not carry the necessary information. Therefore, illustration accompanied by an explanatory signature, which should be seen as an integral part of the illustration. Font signature was markedly different from the font of the text of articles, the signature itself should be separated from the other materials on the page. A typical disadvantage of many newspapers - the distortion of small parts in small graphics. Often one single expressive illustration of a large size makes more of an impression and looks better on a newspaper page than two or three tiny picture or drawing.

Thus, the illustration - the most important expressive means of print media, it draws the attention of readers and has a special power to influence.

МЕДИАДИСКУРС КАК ОБЪЕКТ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В АНГЛИЙСКИХ НАУЧНЫХ ЖУРНАЛАХ

Понятие дискурса массмедиа в научной исследовательской практике закрепилось благодаря трудам Т.Г. Добросклонской, по мнению которой он является «сообщением в совокупности со всеми прочими компонентами коммуникации (отправитель, получатель сообщения, канал, обратная связь, ситуация общения или контекст)» [7, с. 22]. Для осмысления специфики массмедийного дискурса необходимо иметь в виду, что особенностью современных массмедиа, обеспечивающих процесс взаимодействия всех социальных субъектов и процесс общественного самопознания, является, с одной стороны, обязанность «постоянно находиться в настоящем, в точке, где действие происходит в данный конкретный момент времени» [7, с. 223], где действительность конвертируется в социальный факт, а с другой стороны, усиление потребности в проективности, суть которой, как указывает И.М. Дзялошинский, заключается в том, что массмедиа по отношению ко всем аспектам социального бытия вырабатывают и распространяют «идеальные планы новых типов человеческой деятельности, человеческого поведения, общения, всех форм человеческого существования» [6]. Массмедиа обеспечивают процесс массовой коммуникации и реализуют свой мировоззренческий ресурс, направленный на «когнитивную обработку социума и индивида с целью формирования особой картины мира» [6]. Дискурс массмедиа чувствителен к контексту актуального социального бытия, обозначенного социальным фактом, а также к контексту актуальной идеологии. Он непосредственно направлен на обще-

ственное сознание и формирование актуального общественного мнения. Массмедийный дискурс отличается специфической, имеющей массовый характер аудиторией и, соответственно, «усредненностью» (и в этом смысле упрощенностью) своего кода, работающего в режиме когнитивно-аксиологических смыслов – понятийных (идентифицирующих), метафорических, образно-символических и ценностных. В массмедийном слове, ориентированном на оценочную номинацию как борьбу за базовые ценности и метафору как «основную ментальную операцию, как способ познания, структурирования и объяснения мира» [6], отражается как личностно-смысловое, так и социально-смысловое отношение человека к действительности. Понятие «массмедийный дискурс» относится к проблемному полю массовой коммуникации как процессу обмена информацией между всеми субъектами общества, нацеленного на формирование общественного мнения по поводу социально значимого фрагмента социального бытия. Массовая коммуникация, направленная на широкую, признаково рассеянную аудиторию, «представляет собой социально обусловленное явление с основной функцией воздействия через смысловую и оценочную информацию». Массовая коммуникация как вид речевой деятельности «является социально обусловленным процессом, в котором эта функция актуализируется при помощи различных коммуникативных средств и каналов» [9, с. 34]. В качестве источника социальной и массовой коммуникации выступает социальный институт или «коллегиальный отправитель» [9, с. 37], продуцирующий в совокупности текстов определенный тип сознания и установку на тот или иной тип прагматики – целей, притязаний и ожиданий. Получателем массмедийного сообщения является широкая аудитория – массовая, в признаковом отношении неоднородная, рассеянная, поэтому массмедийный текст должен быть понятен массовому (усредненному) потребителю [13, с. 8].

Массмедиа являются субъектами производства, воспроизводства и трансляции ценностных смыслов. Они «совершают выбор, когда из миллиона событий на страницу попадают только сотни. Выбор должен опираться на определенные ценностные фильтры» [12, с. 356], то есть от той или иной интерпретации, представленной в массмедиа, зависит, попадет ли определенная информация в фокус общественного внимания и обретет социальный статус. Характер отбора и подачи материала, их значимость определяются социальной позицией массмедиа и спецификой целевой аудитории. Н.Ф. Алефиренко уточняет, что дискурс массмедиа – это, с одной стороны, «речемыслительное образование событийного характера в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими, паралингвистическими и др. факторами», к отличительным признакам которого относится «коммуникативное событие как сплав языковой формы, знаний и коммуникативно-прагматической ситуации», а с другой – «социальная деятельность, в рамках которой ведущую роль играют когнитивные образования, фокусирующие в себе различные аспекты внутреннего мира языковой личности. Дискурс, преломляя и интерпретируя поступающую в языковое сознание информацию, становится своеобразным смыслогенерирующим и миропорождающим устройством» [4, с. 10]. Таким образом, дискурс представляет собой социально детерминированный процесс порождения, объективации и трансляции в совокупности присущих ему текстов социально значимых содержательных форм, отражающих особенности воспроизводимого сознания. Дискурс как коммуникативно-когнитивный феномен задает способ и характер представления и оперирования информацией, а также характер и номенклатуру воспроизводимых им содержательных форм, то есть организованных и ценностно ориентированных совокупностей смыслов, обращенных в своей бытийности к социальной практике, социальной памяти (традиции) и воображению. Следовательно, дискурс массмедиа осознается как социально детерминированный процесс производства, воспроизводства, объективации и трансляции в массмедийных текстах социально значимых содержательных форм, обнаруживающих особенности общественного сознания и массмедийной (называемой в современной теории и публицистической) картины мира.

В статье Е.А. Кожемякиной «Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования» автор отмечает следующее: «В зависимости от жанрово-функциональных особенностей медийного пространства, в котором реализуется дискурс, мы можем выделить следующие его типы: новостной, рекламный, промоционный (PR) дискурсы; информационный, аналитический, публицистический дискурсы; идентифицирующий, репрезентирующий, идеологический дискурсы и т.д. Если функциональные (и связанные с ними жанровые) модификации массмедиа являются определяющими для выделения типов медиадискурса, то последние будут в значительной степени отличаться друг от друга по своим формальным и содержательным признакам (параметрам)».

В научной литературе при рассмотрении функции воздействия в медиадискурсе отмечается, что на восприятие материалов СМИ влияют особенности культуры общества, стереотипы (имиджи, эталоны, установки), ценности, к которым обращается автор для достижения своих

целей. Продюценты сообщения создают образы, апеллирующие к эмоциональной сфере читателя.

В диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук «Репрезентация образа "чужого" в англоязычном медиадискурсе (на материале Британских СМИ)» Е.А. Андрищенко пишет: «В медиадискурсе Великобритании с целью оказания воздействия на читателя используются лингвистические и паралингвистические средства. Среди лингвистических средств воздействия были отмечены обращения к читателю, модальные конструкции, цитация, риторические вопросы, синтаксические фигуры. В данную группу входят и лингвокультурные средства воздействия, среди которых мы выделили топонимы, антропонимы, языковые единицы, называющие реалии, образы, ценности, стереотипы. Паралингвистические средства включают: шрифт, фотографии, рисунки, цифровые обозначения, карты-схемы, коллажи, таблицы, диаграммы, карикатуры, плакаты. Результаты исследования свидетельствуют, что наиболее частотными являются шрифтовые и фотографические паралингвистические средства» [5]. Рассматривая дискурс британских СМИ, нельзя не обратиться к трудам зарубежных ученых. Так, профессор Амстердамского университета Т.А. Ван Дейк считает, что дискурс есть коммуникативное событие, происходящее между говорящим, слушающим (наблюдателем и др.) в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном и проч. контексте. Это коммуникативное действие (КД) может быть речевым, письменным, иметь вербальные и невербальные составляющие. Типичные примеры – обыденный разговор с другом, диалог между врачом и пациентом, чтение газеты.

Британский ученый Г. Кук в книге «Дискурс» утверждает, что мы имеем дело с двумя различными типами языка в качестве потенциального объекта изучения: один представляет собой некую абстракцию, созданную для преподавания языка и грамотности, а также для исследования функционирования языковых правил; другой – тот, который используется для передачи какой-либо информации и воспринимается как связный (при этом он может соответствовать или не соответствовать правильному предложению или набору правильных предложений). Этот последний тип языка – язык в использовании, язык в коммуникации – и является, по мнению Г. Кука, дискурсом, а поиск того, что придает дискурсу связность, является дискурсивным анализом.

Норман Фэрклаф в своей работе «Critical Discourse Analysis» [6] трактует дискурс как социолингвистический феномен. Применительно к дискурсу автор считает языковое использование частью социальных условий и процессов, которые систематически определяют различия в его свойствах, включая лингвистические формы, возникающие в текстах. Одним из аспектов является социальный, который выступает неотъемлемой частью понятия «дискурс» и означает, что язык, по мнению автора, есть материальная форма идеологии. Такое смысловое наполнение речи и соответствующее формирование дискурса близко по духу к разделению глобального информационного поля по цивилизационному принципу.

Можно говорить о различных типах понимания медиадискурса, исходя из когнитивных установок адресанта (то есть идеологической направленностью того или иного текста, теми идеями и отношением, которые в нем заложены), характеристиками целевой аудитории, на которую этот текст направлен, и лингвистическими и экстралингвистическими стратегиями подачи информации, заложенными непосредственно в тексте. Так, можно выделить:

- дискурс «качественной прессы»;
- дискурс популярной прессы (желтой прессы и глянцевого журналов);
- дискурс специализированных изданий (научные и научно-популярные журналы).

Эти издания отличаются друг от друга как когнитивными установками адресантов, так и способностями их восприятия целевой аудиторией, следовательно, и различными способами передачи информации в самом тексте.

Рассматривая дискурс научно-популярных журналов, следует начать с заголовков статей, целью которых является привлечение внимания читателя. Печатная пресса освещает события общественной и политической жизни, рассматривает разнообразные области человеческой деятельности. С.О. Милованова считает, что эффективное восприятие газетного текста, прежде всего, определяется заголовком, который экономит усилия читателя в процессе нахождения интересующей его информации и выполняет номинативную функцию, называя текст, позволяя выделить его из ряда других текстов [11]. Важную роль играет графически-выделительная функция невербальных средств коммуникации: с помощью шрифтовых выделений, использования цвета, графических средств, приемов верстки (размещения материалов на газетной странице). Так, в еженедельном британском научном журнале находим следующие заголовки:

Genetically modified mice reveal the secret to a painless life. В статье идет речь о людях, рожденных с редким генетическим заболеванием – невосприимчивостью к боли. С помощью опытов, проведенных над мышами, ученым удалось заставить последних чувствовать боль.

Event Horizon Telescope reveals magnetic fields at Milky Way's central black hole. Автор статьи повествует о том, как астрономы с помощью специального прибора смогли зафиксировать магнитные поля вне условного радиуса черной дыры в центре Млечного Пути.

Accidental discovery of how to stay young for longer works in worms. В статье дается информация, как ученые в области медицины могут увеличить продолжительность жизни, используя новый критерий измерения возраста в ранний период зрелости, проводя опыты на червях.

Современные тенденции заголовков СМИ прослеживаются в увеличении их объема, усилении их коммуникативной функции, содержательности, информирующей стороны, увлечении авторской иронии. Заголовки все больше выступают с целью актуализации смыслов и оказывают сильное эмоциональное воздействие на читателя. Возможности грамматического построения заголовков, пунктуация, а также невербальные средства выделения делают заголовок более ярким и помогают передать скрытый смысл, раскрыть авторскую позицию. Е.А. Еремина утверждает, что функция визуальной поддержки, или выведения на первый план основной идеи медиатекста, является основной функцией всех типов визуальной составляющей. Это объясняется тем, что любая иллюстрация направлена прежде всего на то, чтобы облегчить процесс восприятия письменного текста и сделать идею автора более понятной читателю.

Известно, что человеческий мозг лучше воспринимает информацию, когда видит не только текст, но и приложенную к нему иллюстрацию или фотографию. Именно поэтому в настоящее время очень часто используются различные иллюстрации и всевозможные жанры фотографий в газете.

Материал, в основе которого лежит не только текст, но и сопроводительная иллюстрация, более востребован читателем. Направленность на адресата принуждает печатные СМИ искать новые способы представления фотографии. Их выявление и последующее описание позволит не только понять, как через фотографию СМИ может воздействовать на читателя, но и охарактеризовать современные тенденции иллюстрирования в печатных СМИ.

Современный читатель, приученный телевидением к зрелищности, в первую очередь обращает внимание на фотографии и различные иллюстрации.

В последнее время появляются новые газетные издания, в которых визуальная информация становится равнозначной вербальной информации. Читатели СМИ утрачивают привычку к постоянному чтению и привыкают получать новости в визуальных формах их подачи. На полосах газет крупные яркие фотоиллюстрации начинают занимать не меньшее, а подчас и большее место, чем тексты.

Изображенные на фотографиях люди и природные объекты в большинстве случаев демонстрируют то, о чем идет речь в публикации. К примеру, в статье «Hurricane Sandy Was New York's "Self-Inflicted Calamity"» (Discover, May, 2015) идет речь об урагане «Сэнди», мощном тропическом циклоне, образовавшемся в конце октября 2012 года, затронувшем Ямайку, Кубу, Багамские острова, Гаити, побережье Флориды и впоследствии северо-восток США и восточную Канаду. Наиболее тяжёлый ущерб был причинен северо-восточным штатам США, в частности Нью-Джерси, Нью-Йорк и Коннектикут. Он сформировался 22 октября и за 6 часов превратился в тропический шторм. На иллюстрации, изображающей данный медиатекст, показано как в считанные секунды ураган, образуя воронку, рушит величественные небоскребы Нью-Йорка.

Статья «Nepal May Be Poised For Another Big Earthquake» (Discover August 6, 2015) даёт детальное изложение фактов о серии крупных землетрясений на территории Непала, первое из которых произошло 25–28 апреля 2015 г. и стало самым мощным с 1934 г., кроме того, после основных толчков произошел ряд афтершоков. На снимке показано, как разрушены несколько десятков тысяч домов и повреждены строения. Иллюстрация даёт возможность наглядно оценить причиненный землетрясениями материальный ущерб и вообразить его последствия для экономики города и страны в целом. Наиболее примечательными, на наш взгляд, являются изображения в статье «Staying Afloat in a World of Rising Seas» (Discover, December 02, 2014). Автор статьи указывает на то, что, несмотря на изменения климата в прибрежных зонах, жители не унывают и не падают духом, столкнувшись с природными катаклизмами. На одном из изображений показаны жители Бангладеш, спасающие свои транспортные средства во время наводнения. Граждане этой республики знают о наводнениях не понаслышке. Государство, расположенное на широкой дельтовой равнине на слиянии нескольких крупных рек, является одной из самых подверженных паводкам стран мира. Однако паводковая ситуация лета 2014 г. даже по местным меркам считается из ряда вон выходящей.

На следующем снимке изображены счастливые мальчишки у домика на сваях – коренные жители деревни Ганвье, расположенной на озере Нукуе, недалеко от Бенина, и именуемой «африканской Венецией». Все дома, магазины и рестораны в Ганвье расположены на деревянных сваях в нескольких футах над землей. Несмотря на климатические условия данной зоны, жители продолжают обитать в плавучих домах и заниматься рыбной ловлей ради заработка.

Текст не обязательно сопровождается иллюстрациями, но иллюстрация на странице газеты не может существовать без текстового сопровождения. Фотографию можно интерпретировать по-разному. А если фотография истолкована неверно, она не донесет нужной информации. Поэтому иллюстрация сопровождается объяснительной подписью, которая должна рассматриваться как неотъемлемая часть иллюстрации. Шрифт подписи должен заметно отличаться от шрифта текста статей, саму подпись следует отделять от остальных материалов на странице. Типичный недостаток многих газет – искажение мелких деталей на небольших иллюстрациях. Нередко одна единственная выразительная иллюстрация большого размера производит большее впечатление и лучше смотрится на газетной странице, чем два-три крошечных снимка или рисунка.

Таким образом, иллюстрация – важнейшее выразительное средство печатных СМИ, она привлекает внимание читателей и обладает особой силой воздействия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Dijk T.A. Text and Context. Explorations in the Semantics and Pragmatics of Discourse. Longman.1997.
2. Cook G. Discourse. Oxford University Press, 1989.
3. Fairclough N. Critical Discourse Analysis. Longman, 1995.
4. *Алефиренко Н.Ф.* Когнитивно-дискурсивная парадигма языкового знака // Язык. Текст. Дискурс: научный альманах. – Ставрополь: Ставропольский гос. пед. ин-т, 2009. – Вып. 7. – С. 7-17.
5. *Андрющенко Е.А.* Репрезентация образа «чужого» в англоязычном медиадискурсе (на материале Британских СМИ). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2013.
6. *Дзялошинский И.М.* Проективная деятельность в структуре журналистского творчества. Деловая пресса России: настоящее и будущее. URL: <http://www.dzyalosh.ru/01-comm/books/delov-ppressa/3-dzylochinskii.html>
7. *Добросклонская Т.Г.* Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации // Вестник Москов. ун-та. Серия 10. Журналистика. – 2006. – № 2. – С. 20-33.
8. *Еремина Е.А.* Множественность форм прагматического воздействия англоязычного медиадискурса. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. <http://www.disscat.com/content/mnozhestvennost-form-pragmaticheskogo-vozdviya-angloyazychnogo-mediadiskursa#ixzz3kELroinO>.
9. *Кашкин В.Б.* Основы теории коммуникации: краткий курс. – М.: АСТ; Восток-Запад, 2007. – 256 с.
10. *Кожемякин Е.А.* Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. – 2010. – № 12(83). Вып. 6. – С. 13-21.
11. *Милованова С.О.* Газетный заголовок как средство актуализации смысла // Известия Тульского гос. ун-та. Гуманитарные науки. – Вып. № 1. – 2010. – С. 368-372.
12. *Почепцов Г.Г.* Теория коммуникации. – М.-К.: Рефл-бук; Ваклер, 2003. – 656 с.
13. *Солганик Г.Я.* К определению понятий «текст» и «медiateкст» // Вестник Москов. ун-та. Серия 10. Журналистика. – 2005. – № 2. – С. 7-15.

REFERENCES

1. Dijk T. A. Text and Context. Explorations in the Semantics and Pragmatics of Discourse. Longman.1997. (in English).
2. Cook G. Discourse. Oxford University Press, 1989. (in English).
3. Fairclough N. Critical Discourse Analysis. Longman, 1995. (in English.)
4. Alefirenko N. F. Cognitive discursive paradigm of language sign. [Kognitivno-discursivnaya paradigma yazykovogo znaka]. Yazyk. Tekst. Diskurs. Nauchnyy almanah. Language. Text. Discourse: scientific almanac. Stavropol: Stavropol state pedagogical institute. 2009. №9. Pp. 7-17. (in Russ.).
5. Andrushenko E.A. Representation of the image of "stranger" in English language media discourse (on the material of British media). [Reprezentatsiya obraza "chuzhogo" v angloyazychnom mediadiscourse (na materiale Britanskikh SMI)]. Synopsis of a thesis in philological sciences. Volgograd. 2013 (in Russ.).
6. Dzaloshinsky I.M. Project activity in the structure of journalistic creative work. [Proektivnaya deyatel'nost v structure jurnalistskogo tvorchestva], Business Russian Press: present and future. Available at: <http://www.dzyalosh.ru/01-comm/books/delov-ppressa/3-dzylochinskii.html>
7. Dobrosklońska T.G. Media discourse as object of linguistic and intercultural communication. [Mediadiscurs kak object lingvistiki i mejkulturnoy kommunikatsii]. Vestnik Moskovskogo universiteta. № 10. Jurnalistika. 2006, tom 2. Pp.20-33 (in Russ.)
8. Eremina E.A. Form plurality of pragmatic influence of the English language media discourse. [Mnojestvennost form pragmaticheskogo vozdeistviya angloyazychnogo mediadiskursa]. Synopsis of a thesis in philological sciences.

Available at: <http://www.dissercat.com/content/mnozhestvennost-form-pragmaticheskogo-vozdeistviya-angloyazychnogo-mediadiskursa#ixzz3kELroinO>. (in Russ.).

9. Kashkin V.B. The basis of communication theory: short course. [Osnovi teorii kommunikatsii: kratkii kurs]. Moskva: ACT, Vostok-zapad, 2007. P. 256. (in Russ.).
10. Kozhemyakin E.A. Mass communication and media discourse: to the methodology of research [Massovaya kommunikatsiya i media diskurs: k metodologii issledovaniya]. Scientific journal. Humanitarian sciences 2010. № 12(83). Issue 6.pp. 13-21. *Nauchnyy jurnal. Gumanitarnie nauki*. (in Russ.).
11. Milavanova S.O. Headline of the paper as means of meaning actualization. [Gazetnyi zagolovok kak sredstvo aktualizatsii smisla]. Journal of Tula state university. Humanitarian sciences. *Jurnal tul'skogo gosudarstvennogo universiteta*. Issue 1/2010. P. 368-372. (in Russ.).
12. Pocheptov G.G. Theory of communication. [Teoriya kommunikatsii]. M. – K. Reff-buk, Vakler. 2003. 656 p. (in Russ.).
13. Solganik G.Ya. To the notion definitions of "text" and "mediatekst". [K opredeleniu ponatii "tekst" i "mediatekst"]. Journal of Moscow university. *Jurnal Moskovskogo universiteta*. Issue 10. *Jurnalistika*. 2005. №2. Pp.7-15 (in Russ.).

Information about the author

Temnikova Lina Borisovna, Candidate of Philological Science, Associate Professor, Head of the Department of Scientific and Technical Translation, Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia

Received: 12.11.2015

For article citation: Temnikova L.B. Media discourse as an object of intercultural communication in english scientific magazines. [Rol' biznes-sub"ektov v processe demokratizatsii sovremennoj Rossii]. Krasnodar. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mys'l* = Historical and Social Educational Ideas. 2015. Tom 7. No. 7 vol-1. Pp. 76-84.

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-7/1-76-84

Информация об авторе

Темникова Лина Борисовна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой научно-технического перевода, Кубанский государственный технологический университет, Краснодар, Россия

Temnikova-lina@mail.ru

Получена: 12.11.2015

Для цитирования статьи: Темникова Л. Б. Медиадискурс как объект межкультурной коммуникации в английских научных журналах. Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Том 7. №7. Часть 1. с. 76-84.

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-7/1-76-84

UDC 159.9.072.533; 159.922

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-7/1-85-100

KHALINA Natalia V.,
Kuban State University" (branch in Slavyansk-on-Kuban),
Slavyansk-on-Kuban, Russia
kushnir-pobeda7777@mail.ru

ХАЛИНА Наталья Владимировна,
Кубанский государственный университет (филиал в
г. Славянске-на-Кубани), Славянск-на-Кубани, Россия
kushnir-pobeda7777@mail.ru

POZDNIakov Stanislav A.,
Kuban State University" (branch in Slavyansk-on-Kuban),
Slavyansk-on-Kuban, Russia
pozdneyakov_sta@mail.ru

ПОЗДНЯКОВ Станислав Александрович,
Кубанский государственный университет (филиал в
г. Славянске-на-Кубани), Славянск-на-Кубани, Россия
pozdneyakov_sta@mail.ru

DEVELOPMENT OF QUESTIONNAIRE FOR MEASURING FACTORS OF SIGNIFICANCE OF AN ELDERLY PERSON AS ANOTHER FOR THE YOUNGER GENERATION

РАЗРАБОТКА ОПРОСНИКА ДЛЯ ИЗМЕРЕНИЯ ФАКТОРОВ ЗНАЧИМОСТИ ПОЖИЛОГО КАК ДРУГОГО ДЛЯ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ

Общественные, политические процессы нынешнего времени актуализируют в сознании россиян значимость молодого поколения для развития страны. Однако было бы неверно считать не значимым опыт людей пожилого возраста и рассматривать личность в отрыве от семейных связей. Актуальным в данном ключе выступает процесс межпоколенной передачи, когда молодое поколение может ассимилировать опыт близких, значимых пожилых людей. В статье обращено внимание на выделенные А.В. Петровским факторы межличностной значимости: авторитет (референтность), аттракция (эмоциональный статус), институционализованная роль (статус власти). На основе данной трехфакторной модели предложен авторский опросник для измерения факторов значимости пожилого как Другого для молодого поколения. Авторы провели апробацию методики определения значимости пожилого человека для молодежи. Анализ статистических данных опроса проводился с помощью модели Раша, важным свойством которой является субъективная объективность оценок. Показан процесс коррекции опросника на основе теории измерения латентных переменных. Разработанный опросник содержит двадцать четыре суждения, респонденту предлагается выразить степень согласия с этими суждениями в рамках четырех градаций. Таким образом, двадцать четыре индикаторные переменные действительно измеряют латентную переменную «значимость пожилого как Другого для молодого поколения» и совместимы друг с другом, что позволяет использовать их для измерения факторов значимости пожилого как Другого для молодого поколения: авторитет (референтность), аттракция (эмоциональный статус) институционализованная роль (статус власти).

Social and political processes of the present time, actualize in the minds of the younger generation of Russians importance for the development of the country. But it would be wrong to assume no significant experience in the elderly and to consider identity apart from family ties. Relevance to this key acts the process of intergenerational transmission, when the younger generation can assimilate the experience of close, meaningful elderly. The paper drew attention to the dedicated A.V. Petrovsky importance of interpersonal factors: credibility (reference), attraction (emotional state), institutionalized role (power status). On the basis of the three-factor model proposed by the author's questionnaire for measuring factors like the importance of an elderly as a significant Another for the younger generation. The authors conducted a tested methodology for determining the significance of an old man for youth. The statistical analysis survey was conducted using a Rasch model, which is an important feature of the subjective objectivity of assessments. It shows the process of correction of the questionnaire based on the theory of measurement of latent variables. Designed questionnaire contains twenty-four judgments, respondents were asked to express the degree of agreement with these judgments in four grades. Thus, twenty-four indicator variables actually measure the latent variable "importance of the elderly as a significant Another for the younger generation", and are compatible with each other, enabling them to measure the factors, the importance of the elderly as a significant Another for the younger generation: the authority of the (reference), attraction (emotional status) institutionalized the role of (status of power).

Ключевые слова: значимый Другой, образ значимого Другого, личность пожилого человека, молодое поколение, межпоколенные связи, факторы значимости, опросник, измерение латентных переменных, линейная шкала, модель Раша, индикаторные переменные.

Keywords: significant Another; Image of significant Another; identity of the elderly person; young generation; intergeneration communications; significant factors, questionnaire; measurement of latent variables; linear scale; Rasch model; indicator variables.

Acknowledgment: *This research was done with financial support of Russian National Science Foundation and Administration of Krasnodar Region in the research project № 14-16-23007 a(r) «Image of an elderly person as a significant Another for young generation».*

Благодарность: *Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и администрации Краснодарского края в рамках проекта проведения научных исследований № 14-16-23007 a(p) «Образ пожилого человека как значимого Другого в представлении молодого поколения»*

DEVELOPMENT OF QUESTIONNAIRE FOR MEASURING FACTORS OF SIGNIFICANCE OF AN ELDERLY PERSON AS ANOTHER FOR THE YOUNGER GENERATION

Self-acceptance and positive attitude to Others constitute a very clear message orienting personality to self-knowledge through its limited number of important people, who are traditionally de-

scribed in psychological research as significant *Others* (I.S. Kon, A.V. Mudrick, A.V. Petrovsky, H. Sullivan, E.A. Khoroshilova). Significant *Another* is a man, who is an authority for the subject of communication and activity, and who influences other people (H. Sullivan). The phenomenon of interpersonal significance was studied after H.S. Sullivan by W. James, C. Cooley, G. Mead, etc. A special contribution was made by Russian psychologists A.F. Lazursky, V.N. Myasishev, B.G. Ananyev, B.F. Porshnev, L.I. Bozhovich, M.I. Lisina, B.F. Lomov, A.A. Bodalev, I.S. Kon, A.V. Petrovsky, A.A. Kronik, E.A. Kronik, N.N. Obozov, M.M. Bakhtin, etc. Summarizing the wide-ranged research of interpersonal significance, M.Y. Kondratiev points out three basic approaches to its study. The first: experimental studying of interpersonal significant relations as interindividual connection, based on feelings of "sympathy – antipathy" or attraction (J. Moreno, I.L. Kolominsky, I.P. Volkovets). The second direction is "determined by assuming of such layer of interpersonal communication which is characterized by independence from sympathy or antipathy to the partner" [2, p. 25]. In context of "significant *Another*" problem the attention is first of all paid to personal reference and authority phenomena (A.V. Petrovsky). The third direction is represented by publications dedicated to studying either socio-psychological or psycho-managerial problems of leadership. The significance of *Another* is considered as a function of some institutionalized role.

It should be noted that it was A. V. Petrovsky who regarded the three categories of significance as generalized unity and in whole independent foundation for possible significance of one person for another: authority or reference; attraction or emotional attractiveness; institutionalized role or power status. In his opinion this list could be continued adding extra characteristics.

The authority is revealed when the surrounding recognize the right of the significant *Another* to make responsible decisions in circumstances relevant for them. They can rely upon honesty, principles, justice, competence and practical expediency of *Another's* decisions offered to them [6]. Authority is a mere highest degree of this positive personal significance for other people and consequently the author carefully defines this vector as reference and antireference as its counterpart. "For example, if a man possessing such a negative trait recommends a film or a book to his acquaintance, just because of his positive assessments neither the film will be seen nor the book will be read" [6, p. 10]. The maximum express of antireference can lead to total rejection of everything that originates from the negatively significant person, even if he suggests reasonable ideas and gives sound advice.

The second form of personal representation is attraction (emotional status) of significant *Another*, his ability to attract or repulse surrounding people and induce sympathy or antipathy. However the negative significance should not be underestimated. "An enemy is in a sense as important for us as our friend. Emotional attitude to a person can either promote the success of cooperative activity or retard it" [6, p. 10].

The third one - institutionalized role - in which competence predominates is a power status. "The destruction of some organization automatically breaks the whole activity arrangement of institutionalized roles. The same way an exit of institutionalized role holder from service hierarchy divests him of the "significant *Another*" status for his colleagues" [6, p. 13]. This statement can be applied to an elder when he loses his dearest, and power status decreases. Being significant for family and friends, in case of their death the elder loses power status definitely. This state is supported by Y.V. Alexandrova, who supposes that in elderly age the loss of social roles takes place. In her opinion during the process of aging society and family stop to submit any claims to the elderly rejecting him and through it divesting him of his role.

A.V. Petrovsky considers that subjective image of significant *Others* categorization can coincide or not with theoretically predicted models. Moreover it can change throughout the personal development process. In particular, factor differentiation might grow with the accumulation of experience. New foundations for referring people to significant ones can appear and priors disappear.

Most authors study significance through interconnection with studied phenomenon. For example T.S. Trubadurova investigates an image of significant *Another* as a personal device to cope with life difficulties [9]. A.A. Taganova associates cognition of significant *Others* with personal identity [10]. There are lots of works studying significance factors. Thus, E.V. Kharitonova, B.A. Yasko, V.A. Bordovsky studying significance phenomenon in professional societies with help of factorial analysis distinguish some specific psychological components of personal "significant *Another*" formation. The most vivid examples are "social empathy" and "life meaningfulness based on aim meaningfulness" [11, p. 205]. Thus, the question arises what model should be used to estimate the significance level. M.Y. Kondratiev notes that there is "the problem of scientific definition of criterion for significant *Another* (basics allowing to differentiate clearly and reliably such interactive and communicative partners who can be considered as significant ones and those who cannot)". He also points out that "searching and studying of supposed basics of personal significance are widely spread and moreover, if we have made our mind to make the list of such factors, it would naturally be associated with lists of leader

traits described in "traits theory" (E. Bogardus, etc.)" [2, p. 21]. M.Y. Kondratiev considers the three-factor model of "significant *Another*" as the most advanced nowadays [2].

The research does not aim to reveal new factors determining *Another's* significance. Its aim is to test the method of defining significance of the elderly for the young according to A.V. Petrovsky model. The method is based on Rasch model [3; 4, p. 93; 14] which allows integrating indicator variables with different level of measurement into one variable having interval level of measurement (so called "*latent variable*") [4, p. 87]. "The significance of an elderly person as *Another* for young generation" constitutes the latent variable in this research.

On the basis of A.V. Petrovsky model the questionnaire for measuring factors of importance of an elderly person as significant *Another* for the younger generation was proposed by the authors. Setting the searching goal, we proceeded from the experience of measuring the number of latent variables on linear scale [3–4; 7]. Initially being an integral index [3], the questionnaire contained 30 indicator variables measuring significance factors of an elderly person as *Another* for the young generation. These 30 statements served as indicator variables and their meanings constituted the degree of agreement with the statements. The original number of statements and degrees of agreement were defined according to earlier conducted research of A.A. Maslak and S.A. Pozdniakov [3; 4 p. 74]. The questionnaire includes 3 blocks of indicator variables. In the first block the statements measuring authority factor (reference) were set. The second block contains the statements measuring attraction factor (emotional status). The third block comprises the statements measuring factor of institutionalized role (power status).

Authority factor (reference):

i1 When I decide how to act in a given situation, I try to imagine how my significant elder would act.

1) no; 2) rather no than yes; 3) rather yes than no; 4) yes

(gradation data repeat for indicator variables i2 – i8, i10 – i17, i19, i22, i26 – i27, i30).

i2 Imagine that you are making the choice of your life. Will you think about what your significant elder would choose?

i3 In majority of life situations I consider this elderly person competent enough.

i4 If this significant elder recommends me a book or an article, I will surely read it.

i5 While committing one or another act do you imagine that your significant elder looks at you and assesses your decision?

i6 Being fallen in love, did you think about your significant elder's reaction to it and if your beloved will be appreciated?

i7 If the significant elder gives me a great advice, I will surely heed it.

i8 Imagine yourself an elderly person. Would you like to be similar to your significant elder?

i9 How do you feel about criticism in your address from an elderly person?

1) I turn a deaf ear to it; 2) I listen, but try my own way; 3) it depends on the situation; 4) I will heed the opinion.

i10 An elderly is an authority for me, and his opinion is important for me.

i11 Do you heed the opinion of elderly people if participating in elections at various levels?

i12 I appreciate advice given by elderly people.

i13 To my mind there is nothing to learn from elderly people because they have lived their lives, and the time has passed.

i14 It is a customary way in my family to appreciate and respect elderly people.

Attraction factor (emotional status):

i15 I like communicating with elderly people because they can tell lots of interesting things.

i16 I like the majority of elderly people that I know.

i17 Most elderly people that I have met in my life irritate me.

i18 How often do you conflict with elderly people?

1) almost every day; 2) more often than once a month; 3) it happens once a month; 4) never.

i19 Elderly people frequently evoke my pity.

i20 How often do you spend free time with elderly people?

1) never; 2) more seldom than I could; 3) seldom; 4) often

i21 Why do you spend time with elderly people?

1) I don't care/ forced to do it / do not spend at all; 2) I am brought up in such a way / that is my duty; 3) I am a volunteer; 4) I prefer spending time with elderly people because it is interesting, and I can learn a lot from them.

i22 Can you imagine yourself an elderly person?

Institutionalized role (power status):

i23 Do you skip elderly people forward in queues?

1) never; 2) depends on situation; 3) yes, but seldom; 4) yes, always.

(gradation data repeat for indicator variables i24 – i25).

i24 Do you give elderly people a place in public transport?

i25 Do you help elderly people on your initiative, if you see they need help?

i26 I suppose elderly people do not play an erstwhile role in society anymore.

i27 To my mind it is necessary to heed the opinion of elderly people in many questions.

i28 A significant elderly person took part in my upbringing.

1) did not took part; 2) rather no than yes; 3) yes, but not often; 4) took part.

i29 Did the significant elderly person took part in the brightest moments of your childhood?

1) did not take part; 2) rather no than yes; 3) yes, but not often; 4) took part.

i30 I suppose elderly age does not bring any personal interest and elderly people just live their days out.

Some indicator variables influence inversely proportionally onto the latent variable. This means the higher is the degree of respondent's agreement with irritation caused by elderly people (indicator variable i17), the less significant is an elderly person as *Another* for him. In the research these indicator variables are i13, i17, i19, i26, i30.

The degrees of agreement with statements were encoded from 4 (the highest degree of agreement) to 1 (the lowest degree of agreement).

The empirical base for checking the quality of these statements became opinion poll data taken from young people studying in the branch of Kuban State University in Slavyansk-on-Kuban, Slavyansk Agricultural College, Kuban State University, Kuban State Agrarian University, College of Economics and Law in Slavyansk-on-Kuban. The amount of selected people aged from 16 to 25 years old was 400. The toolkit of research also contained other variables such as sex, age and training course. The questionnaire was conducted online through online test and poll constructor [5].

Rasch model was chosen to analyze the statistic data of the opinion poll according to several reasons. First of all, following a traditional paradigm in presenting data through some statistic model the experimental data should be considered as "primary" and the model as the "secondary" [4, p. 92]. Ergo the model should be most "adequate" to present data. Secondly, in measuring the latent variables basing on Rasch Model the first place stands the model which is fixed [4, p.93].

Thirdly, the questionnaire devising is an iterative process and hence some adjustments are always put into poll. Rasch Model here becomes a device allowing checking if the experimental data of measuring model are adequate. If the data are adequate it could be used for latent variable measuring, and if not the researchers get a response of the necessary experimental data correction [4, p. 93]. For example data correction can include deletion of some indicator variables (statements). An important feature of Rasch Model lies in independence of respondent's assessment from indicator variables measuring which are measured on the same scale [4, p. 93].

The experimental data is performed by Rasch Model of polytomous indicator variables:

$$\Pr\{x_{ji} = x\} = \frac{e^{-\tau_{1i} - \tau_{2i} \dots - \tau_{xi} + x(\beta_j - \delta_i)}}{\sum_{x'=0}^{m_i} e^{-\tau_{1i} - \tau_{2i} \dots - \tau_{xi} + x'(\beta_j - \delta_i)}},$$

x is a gradation of indicator variable (in this case indicator variable varies from 1 to 4);

x_{ji} is a response of j -respondent to i -case of questionnaire;

$\Pr(x_{ji} = x)$ is the probability of j -respondent's choice of gradation x for i -case of questionnaire;

β_j is j -respondent's assessment of an elderly person's significance as *Another*;

δ_i is a degree of an elderly person's significance for respondents which is best of all differentiated by i indicator variable;

τ_{xi} is a relative for respondents degree of elderly person's significance which is best of all differentiated by x -gradation of i indicator variable;

m_i is an indicator variable which consistently takes all variants of i indicator variable value [12; 15].

The processing of opinion poll results was implemented through RUMM dialogue system (Rasch Unidimensional Measurement Models) [13]. As any other latent variable the "significance of an elderly person as *Another* for young generation" within Rasch concept is measured in logits at the linear scale. It should be noted that questionnaire findings turned out to be inadequate to measuring model. Data adequacy to measuring model was defined through Chi-Square statistics in such a way. Foremost all parameters of given measuring model were calculated. Then relying on these parameters the expected answers of respondents are defined. A proximity degree of experimental data and expected answers is determined through Chi-Square criterion. An empirical degree of significance through Chi-Square statistics equaled 0,000 that is lower than critical (0,05). This indicates incompatibility of some indicator variables. The authors expected it and had to correct the statements. The most "suspect" according to adequate degree seemed the next indicator variables: i10 (0,000), i12 (0,000), i19 (0,000), i22 (0,000), i27 (0,000), i9 (0,003), i16 (0,003), i6 (0,005), i15 (0,007) (in brackets the Chi-Square statistics' significance degree is set).

Compatibility assess of a separate indicator variable with the whole set of statements is made basing on the analysis of its characteristic curve. The description of this assessing method is detailed in A.A. Maslak's publications [3; 4]. During questionnaire correction the authors on the one hand relied onto the response got after data analysis, and on the other hand analyzed the wording of statements viewing from the measured "the significance of an elderly person as *Another* for young generation" latent variable conformity. Thus, it was decided to exclude 6 indicator variables which are incompatible to other statements: i19, i10, i22, i12, i27, i16. After the exclusion of the mentioned variables the remaining statements were defined as adequate. The empirical Chi-Square statistics' significance degree equaled 0,101. This means the rest 24 indicator variables actually measure latent variable "the significance of an elderly person as *Another* for young generation" and are compatible to each other. It also means that opinion poll data according to these 24 variables could be used for measuring the significance of an elderly person as *Another* for young generation.

Another indicator of measuring quality is separability index of measured respondents, which characterizes the degree of their difference on the background of measuring mistake. This index is also rather high and equals 0,864.

In whole as an outcome of the research the authors composed the questionnaire for measuring factors of the significance of an elderly person as *Another* for young generation. The composed questionnaire contains 24 statements. A respondent is offered to express his agreement with these statements within four-degree gradation. It should be also noted that using of Rasch model allowed to assess and correct the statements' set for measuring factors of the significance of an elderly person as *Another* for the young generation.

The representativeness of the selection let spread the result on general totality. The representativeness was reached through the amount (400 people) and provided by simple random selection: every member of totality had the same chances as others to get into the selection [8]. Nevertheless it is interesting to note that most respondents are women and research results can be better applied on them.

In this regard it becomes possible to continue the research with men and set comparative analysis of results taking into account sexual identity. To sum up the composed and tested authors' questionnaire "The significance of an elderly person as *Another* for the young generation" is set beneath with the processing description and results interpretation.

Table 1. Questionnaire "The significance of an elderly person as *Another* for the young generation"

№	Indicator variable (statement)	Gradation (degree of agreement with the statement)	Point
1	When I decide how to act in a given situation, I try to imagine how my significant elder would act.	No	1
		Rather no than yes	2
		Rather yes than no	3
		Yes	4
2	Imagine that you are making the choice of your life. Will you think about what your significant elder would choose?	No	1
		Rather no than yes	2
		Rather yes than no	3
		Yes	4

3	In majority of life situations I consider this elderly person competent enough.	No Rather no than yes Rather yes than no Yes	1 2 3 4
4	If this significant elder person recommends me a book or an article, I will surely read it.	No Rather no than yes Rather yes than no Yes	1 2 3 4
5	Do you imagine while committing one or another act that your significant elder looks at you and assesses your decision?	No Rather no than yes Rather yes than no Yes	1 2 3 4
6	Being fallen in love, did you think about your significant elder's reaction to it and if your beloved will be appreciated?	No Rather no than yes Rather yes than no Yes	1 2 3 4
7	If the significant elder gives me a piece of advice, I will surely heed it.	No Rather no than yes Rather yes than no Yes	1 2 3 4
8	Imagine yourself an elderly person. Would you like to be similar to your significant elder?	No Rather no than yes Rather yes than no Yes	1 2 3 4
9	How do you feel about criticism in your address from an elderly person?	I turn a deaf ear to it I listen, but try my own way It depends on situation I will heed the opinion	1 2 3 4
10	Do you heed the opinion of elderly people if participating in elections at various levels?	No Rather no than yes Rather yes than no Yes	1 2 3 4
11	To my mind there is nothing to learn from elderly people because they have lived their lives, and the time has passed.	No Rather no than yes Rather yes than no Yes	1 2 3 4
12	It is a customary way in my family to appreciate and respect elderly people.	No Rather no than yes Rather yes than no Yes	1 2 3 4
13	I like communicating with elderly people because they can tell lots of interesting things.	No Rather no than yes Rather yes than no Yes	1 2 3 4
14	Most elderly people that I have met in my life irritate me.*	Yes Rather yes than no Rather no than yes No	1 2 3 4
15	How often do you conflict with elderly people?	Almost every day More often than once a month Once a month Never	1 2 3 4
16	How often do you spend free time with elderly people?	Never More seldom than I could Seldom Often	1 2 3 4

17	Why do you spend time with elderly people?	I don't care / forced to do it / do not spend at all I am brought up in such a way / that is my duty I am a volunteer I prefer spending time with elderly people because it is interesting, and I can learn a lot from them.	1 2 3 4
18	Do you skip elderly people forward in queues?	Never Depends on the situation Yes, but seldom Yes, always	1 2 3 4
19	Do you give elderly people a place in public transport?	Never Depends on the situation Yes, but seldom Yes, always	1 2 3 4
20	Do you help elderly people on your initiative, if you see they need help?	Never Depends on the situation Yes, but seldom Yes, always	1 2 3 4
21	I suppose elderly people do not play an erstwhile role in society anymore.*	Yes Rather yes than no Rather no than yes No	1 2 3 4
22	A significant elderly person took part in my upbringing.	Did not take part Rather no than yes Yes but not often Took an active part	1 2 3 4
23	Did the significant elderly person take part in the brightest moments of your childhood?	Did not take part Rather no than yes Yes but not often Took an active part	1 2 3 4
24	I suppose elderly age does not bring any personal interest and elderly people just live their days out.*	Yes Rather yes than no Rather no than yes No	1 2 3 4

Processing of results

Authority factor (reference). The minimum point for measuring this factor is 11 points, the maximum – 44 points. To define the interval of average value according to the scale an average sum for 11 questions (№ 1 – № 12) was calculated. It made 32,98 points, and also an average deviation equaled 5,55 points. Thus, the average value of “reference” is measured by $32,98 \pm 5,55$ points.

Attraction factor (emotional status). The minimum point for measuring this factor is 6 points, the maximum – 24 points. To define the interval of average value according to the scale an average sum for 6 questions (№ 13 – № 17) was calculated. It made 18,44 points, and also an average deviation equaled 2,16 points. Thus, the average value of “attraction” is measured by $18,44 \pm 2,16$ points.

Factor of institutionalized role (power status). The minimum point for measuring this factor is 7 points, the maximum – 28 points. To define the interval of average value according to the scale an average sum for 7 questions (№18 – №24) was calculated. It made 23,84 points, and also an average deviation equaled 2,7 points. Thus, the average value of “attraction” is measured by $23,84 \pm 2,7$ points.

Interpretation of results

Factor: Authority (reference). Summarize the received points of questions № 1 – № 12. A low index of this factor performs the sum of 11 to 27 points. An average is an interval from 28 to 38 points. High index is set in the interval 39 to 44 points.

Attraction factor (emotional status). Summarize the received points of questions № 13 – № 17. A low index of this factor performs the sum of 6 to 16 points. An average is an interval from 17 to 20 points. High index is set in the interval 21 to 24 points.

Factor of institutionalized role (power status). Summarize the received points of questions № 18 – № 24. A low index of this factor performs the sum of 7 to 21 points. An average is an interval from 22 to 25 points. High index is set in the interval 26 to 28 points.

РАЗРАБОТКА ОПРОСНИКА ДЛЯ ИЗМЕРЕНИЯ ФАКТОРОВ ЗНАЧИМОСТИ ПОЖИЛОГО КАК ДРУГОГО ДЛЯ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ

Принятие себя и позитивное отношение с Другими является весьма понятным посылом, ориентирующим личность к самопознанию через ограниченный круг особо значимых для нее лиц, которые традиционно описываются в психологических исследованиях как значимые Другие (И.С. Кон, А.В. Мудрик, А.В. Петровский, Г. Салливан, Е.А. Хорошилова). Значимый другой – человек, являющийся авторитетом для данного субъекта общения и деятельности, оказывающий влияние на других людей (Г. Салливан). Феномен межличностной значимости вслед за Г. Салливаном разрабатывался многими учеными, например У. Джеймсом, Ч. Кули, Дж. Мидом и др. В отечественной психологии свой вклад внесли А.Ф. Лазурский, В.Н. Мясищев, Б.Г. Ананьев, Б.Ф. Поршнев, Л.И. Божович, М.И. Лисина, Б.Ф. Ломов, А.А. Бодалев, И.С. Кон, А.В. Петровский, А.А. Кроник, Е.А. Кроник, Н.Н. Обозов, М.М. Бахтин и др.

М.Ю. Кондратьев, обобщая широкий спектр исследований межличностной значимости, указывает на три основных подхода к изучению значимости. Первое – это экспериментальные исследования отношений межличностной значимости как межиндивидуальных связей, которые основываются на чувствах «симпатия – антипатия» или аттракции. (Дж. Морено, Я.Л. Коломинский, И.П. Волков и др.). Второе направление «обусловлено представлением о наличии такого пласта межличностных отношений, характер которых непосредственно не зависит от привлекательности партнера или неприязни к нему» [2, с. 25]. В контексте проблематики «значимого Другого» в данном случае прежде всего привлекают внимание феномены личностной референтности и авторитетности (А.В. Петровский). Третье направление представлено работами, посвященными рассмотрению как социально-психологических, так и психолого-управленческих проблем руководства. Рассматривается значимость Другого как функция той или иной институализированной роли.

Отметим, что именно А.В. Петровский рассмотрел все три указанные категории значимости в единстве как генерализованные и в целом независимые основания возможной значимости одного человека для другого: авторитет или референтность; аттракция или эмоциональная привлекательность; институализированная роль или статус власти. Этот список может быть продолжен, полагает автор, включая новые характеристики.

Авторитет обнаруживается в признании окружающими за значимым Другим права принимать ответственные решения в существенных для них обстоятельствах, окружающие могут полагаться на честность, принципиальность, справедливость, компетентность, практическую целесообразность предлагаемых им решений Другого [6]. Авторитет является лишь высшим проявлением этого типа позитивной значимости человека для других людей; потому автор обозначает этот вектор «более осторожно» как референтность, а на другом полюсе – антиреферентность. «Если, к примеру, обладающий таким негативным качеством человек порекомендует своему знакомому посмотреть некий кинофильм или прочитать книгу, то именно из-за похвал и оценок этого человека книга не будет прочитана и не возникнет желания купить билет на кинокартину» [6, с. 10]. Крайнее выражение антиреферентности может приводить к категорическому неприятию всего, что исходит от негативно значимого человека, даже если он предлагает разумные, доброжелательные идеи, советы.

Вторая форма репрезентации личности – аттракция (эмоциональный статус) значимого Другого, его способность привлекать или отталкивать окружающих, вызывать симпатию или антипатию. Однако значимость со знаком «минус» не стоит недооценивать. «Враг в известном смысле не менее значим для нас, чем друг, эмоциональное отношение к человеку может и способствовать успеху совместной деятельности, и деформировать ее» [6, с. 10].

Третья – институализированная роль, в которой доминируют властные полномочия: статус власти. «Разрушение той или иной организации автоматически отключает механизм действия институализированных ролей, точно так же, как выход носителя институализированной роли, к примеру из служебной иерархии, лишает его статуса "значимого другого" для его сослуживцев» [6, с. 13]. Если применить данное положение к пожилому человеку, то, когда он сталкивается с потерей близких ему людей, происходит снижение его статуса власти. Сам пожилой человек, являясь значимым для других людей, к примеру для членов семьи, друзей, в случае их смерти теряет свой статус власти. Это положение поддержано Ю.В. Александровой, которая полагает, что в пожилом возрасте происходит потеря социальных ролей. По мнению

автора, когда человек стареет, общество, семья как общественная единица перестают предъявлять к нему требования, отвергая его, тем самым лишая определенной роли [1].

Субъективная картина категоризации значимых Других, считает А.В. Петровский, может совпадать, а может и не совпадать с теоретически предсказываемыми моделями, кроме того, может существенно изменяться в процессе личностного развития. В частности, с накоплением жизненного опыта должна расти дифференциация факторов. Могут также появляться новые и исчезать старые основания отнесения людей к числу значимых.

Многие авторы исследуют значимость через взаимосвязь с изучаемым им феноменом. Например, Т.С. Табурова исследует образ значимого Другого как средство совладания личности с трудной жизненной ситуацией [9]. А.А. Таганова связывает понимание значимых Других и личностную идентичность [10]. Существуют работы, исследующие факторы значимости. Так Е.В. Харитоновна, Б.А. Ясько, В.А. Бордовский, изучая феномен значимости в профессиональных сообществах, с помощью факторного анализа выделяют специфические для каждого профессионального сообщества психологические компоненты личностного образования «значимый для Другого», например: «социальная эмпатия», «осмысленность жизни, основанная на осмысленности целей в жизни» [11, с. 205]. Таким образом, возникает вопрос, какой моделью пользоваться при оценке уровня значимости? Эту проблему очень метко обозначает М.Ю. Кондратьев. Он отмечает, что действительно существует как «проблема научного определения критериев значимости другого, т.е. оснований, позволяющих четко и обоснованно дифференцировать тех партнеров по взаимодействию и общению, которые и являются собственно значимыми для человека, и тех, кто не может претендовать на это звание»... так и указывает, что «поиск и исследование таких предполагаемых оснований личностной значимости имеют богатый опыт, а список этих факторов, если бы мы задались целью создать его, не мог бы не вызвать у нас естественной ассоциации с многочисленными перечнями качеств лидера, комплектованными в рамках "теории черт"» (Е. Богардус и др.)» [2, с. 21]. М.Ю. Кондратьев оценивает трехфакторную модель «значимого Другого» как наиболее «продвинутой» на сегодняшний день [2].

Целью исследования является не выявление новых факторов, определяющих значимость Другого, а на основе модели А.В. Петровского проведение апробации методики определения значимости пожилого человека для молодежи. Для этих целей используется модель Раша [3; 4, с. 93; 14], позволяющая интегрировать индикаторные переменные с различным уровнем измерения в одну переменную, имеющую интервальный уровень измерения, так называемую «латентную переменную» [4, с. 87]. Такой латентной переменной в исследовании является «значимость пожилого как Другого для молодого поколения»¹.

На основе модели А.В. Петровского авторами был разработан опросник для измерения факторов значимости пожилого как Другого для молодого поколения. При постановке нашей исследовательской задачи мы исходили из опыта измерения ряда латентных переменных на линейной шкале [3–4; 7]. Первоначально опросник, как интегральный показатель [3], был составлен из 30 индикаторных переменных, измеряющих факторы значимости пожилого как Другого для молодого поколения. В качестве таких индикаторных переменных выступали 30 суждений, их значения – степени согласия с этими суждениями. Первоначальное число суждений и степеней согласия с этими суждениями (градации) определялось на основе ранее проведенных исследований А.А. Маслаком и С.А. Поздняковым [3; 4 с. 74]. Опросник включал в себя три блока индикаторных переменных. В первом блоке были размещены суждения, измеряющие фактор авторитет (референтность). Вторым блоком содержал суждения, измеряющие фактор аттракция (эмоциональный статус). Третьим блоком содержал суждения, измеряющие фактор институализированная роль (статус власти).

Фактор авторитет (референтность):

i1 Когда я принимаю решение, как поступить в той или иной ситуации, то часто пытаюсь представить, как бы это сделал значимый для меня пожилой человек.

1) Нет; 2) Скорее нет, чем да; 3) Скорее да, чем нет; 4) Да (данные градации повторяются для индикаторных переменных i2–i8, i10–i17, i19, i22, i26–i27, i30).

i2 Представьте ситуацию, в которой Вы делали жизненно важный выбор. Задумывались

¹ В данной статье «молодежь» и «молодое поколение» имеют синонимичное значение и подразумевают молодых людей периода юности (13–19 лет) и молодости (20–25 лет) согласно теории психосоциального развития Эрика Эриксона.

ли Вы в тот момент, как бы это сделал значимый для Вас пожилой человек?

i3 Я считаю этого пожилого человека достаточно компетентным во многих жизненных вопросах.

i4 Если этот значимый пожилой человек рекомендует (рекомендовал) мне какую-нибудь статью или книгу, я обязательно ее прочитаю.

i5 Совершая тот или иной поступок, представляете ли Вы, что значимый для Вас пожилой человек смотрит в этот момент на Вас и оценивает Ваше решение?

i6 Когда Вы влюбились, думали ли о реакции значимого для Вас пожилого человека и о том, понравился ли ему (ей) Ваш возлюбленный?

i7 Если значимый пожилой человек дает мне совет, то я обязательно к нему прислушаюсь.

i8 Представьте себя в пожилом возрасте. Хотели бы Вы быть похожим на этого значимого пожилого человека?

i9 Как Вы относитесь к критике пожилого человека в ваш адрес?

1) Пропускаю мимо ушей; 2) Слушаю, но поступаю по-своему; 3) Зависит от ситуации; 4) Прислушиваюсь к мнению.

i10 Пожилой человек является для меня авторитетом, и мне важно его мнение.

i11 Прислушиваетесь ли вы к мнениям пожилых людей при участии в голосовании на выборах различного уровня?

i12 Я ценю советы, которые мне дают (давали) пожилые люди.

i13 Я считаю, что у пожилых уже нечему учиться, так как они прожили свою жизнь и время изменилось.

i14 В моей семье принято почитать и относиться с уважением к пожилым людям.

Фактор аттракция (эмоциональный статус):

i15 Мне нравится общаться с пожилыми людьми, так как они могут рассказать много интересного.

i16 Мне симпатично большинство пожилых людей, которых я знаю.

i17 Меня раздражает большинство пожилых людей, с которыми я встречался в жизни.

i18 Как часто у Вас возникают конфликты с пожилыми людьми?

1) Почти каждый день; 2) Больше, чем раз в месяц; 3) Случаются раз в месяц; 4) Не возникают вообще.

i19 Пожилые люди часто вызывают во мне чувство жалости.

i20 Часто ли Вы проводите время с пожилыми людьми?

1) Вообще не провожу; 2) Реже, чем мог(ла) бы; 3) Редко; 4) Часто.

i21 Почему Вы проводите время с пожилыми людьми?

1) Мне все равно / заставляют / не провожу время вообще; 2) Потому, что я так воспитан / из чувства долга; 3) Я волонтер; 4) Мне нравится проводить время с пожилыми людьми, с ними интересно, у них можно многому научиться.

i22 Представляете ли, каким будете Вы в пожилом возрасте?

Фактор институализированная роль (статус власти):

i23 Пропускаете ли Вы пожилых людей в очереди?

1) Нет; 2) Зависит от ситуации; 3) Да, но редко; 4) Да, всегда (данные градации повторяются для индикаторных переменных i24–i25).

i24 Уступаете ли Вы место пожилым людям в общественном транспорте?

i25 Помогаете ли Вы пожилым людям, если видите, что они нуждаются в Вашей помощи по собственной инициативе?

i26 Я полагаю, что пожилой человек уже не играет прежней роли в обществе.

i27 Я считаю, что необходимо прислушиваться ко мнению пожилых людей во многих вопросах.

i28 В моем воспитании принимал участие значимый пожилой человек?

1) Нет, не принимал; 2) Скорее нет, чем да; 3) Да, не часто; 4) Да, активно принимал участие.

i29 Принимал ли значимый для Вас пожилой человек участие в наиболее ярких моментах Вашего детства?

1) Нет, не принимал; 2) Скорее нет, чем да; 3) Да, не часто; 4) Да, принимал.

i30 Я считаю, что пожилой возраст не приносит интереса личности, а пожилые люди про-

сто доживают свой век.

Некоторые из индикаторных переменных оказывают обратно-пропорциональное влияние на латентную переменную. Это означает, например, что чем выше степень согласия респондента с тем, что его раздражает большинство пожилых людей, с которыми он встречался в жизни (индикаторная переменная i17), тем менее значим для данного респондента пожилой человек как Другой. В исследовании такими индикаторными переменными являются i13, i17, i19, i26, i30.

Степени согласия с суждениями были закодированы от 4 – наибольшая степень согласия, до 1 – наименьшая степень согласия.

Эмпирической базой для проверки качества этих суждений послужили данные опроса молодых людей, обучающихся в филиале Кубанского государственного университета в г. Славянске-на-Кубани, Славянском сельскохозяйственном техникуме, Кубанском государственном университете, Кубанском государственном аграрном университете, Техникуме экономики и права в г. Славянске-на-Кубани. Объем выборки – 400 человек в возрасте от 16 до 25 лет. В инструментарий исследования были включены и другие переменные: пол, возраст, курс. Опрос был проведен в режиме онлайн посредством онлайн-конструктора тестов и опросов [5].

Для проведения анализа статистических данных опроса модель Раша выбрана по нескольким причинам. Во-первых, согласно традиционной парадигме представления данных какой-либо статистической моделью подразумевается, что экспериментальные данные являются «первичными», а модель «вторичной» [4, с 92]. Получается, что для представления данных необходимо выбирать наиболее «адекватную» модель. Во-вторых, при измерении латентных переменных на основе модели Раша на первом месте стоит модель измерения, которая является фиксированной [4, с 93]. В-третьих, разработка опросника – это итерационный процесс, в рамках которого в опросник вносятся корректировки. Модель Раша здесь представляется тем инструментом, который позволит проверить, адекватны ли экспериментальные данные модели измерения. Если данные адекватны, то их можно использовать для измерения латентной переменной, если нет – мы получаем отклик о необходимости коррекции экспериментальных данных [4, с 93]. Коррекция данных может состоять, например, в исключении некоторых индикаторных переменных (суждений). Важным свойством модели Раша является «субъективная объективность оценок». Это свойство заключается в том, что оценки объектов (респондентов) о значимости пожилого человека как Другого не зависят от оценок индикаторных переменных, которые измеряются на одной и той же шкале [4, с 93].

Полученные экспериментальные данные представляются моделью Раша для политомических индикаторных переменных:

$$\Pr\{x_{ji} = x\} = \frac{e^{-\tau_{1i} - \tau_{2i} \dots - \tau_{xi} + x(\beta_j - \delta_i)}}{\sum_{x'=0}^{m_j} e^{-\tau_{1i} - \tau_{2i} \dots - \tau_{xi} + x'(\beta_j - \delta_i)}} ,$$

где x – градация индикаторной переменной (в данной задаче индикаторные переменные варьируются от 1 до 4),

x_{ji} – отклик j -го респондента на i -й пункт опросника,

$\Pr(x_{ji} = x)$ – вероятность выбора j -м респондентом градации x для i -го пункта опросника;

β_j – оценка значимости пожилого человека как Другого j -м респондентом;

δ_i – степень значимости для респондентов пожилого человека как Другого, которая лучше всего дифференцируется i -й индикаторной переменной;

τ_{xi} – относительная степень значимости для респондентов пожилого человека как Другого, которую лучше всего дифференцирует x -ая градация i -й индикаторной переменной;

m_j – индексная переменная, которая последовательно принимает все варианты значений i -й индикаторной переменной [12; 15].

Обработка результатов опроса осуществлялась с использованием диалоговой системы RUMM (Rasch Unidimensional Measurement Models) [13]. Отметим, что латентная переменная «значимость пожилого как Другого для молодого поколения», как и любая другая латентная переменная, в рамках концепции Раша измеряется в логитах на линейной (интервальной) шкале. Необходимо отметить, что полученные результаты опроса оказались неадекватны модели измерений. Адекватность данных модели измерений определялась на основе статистики Хи-квадрат следующим образом. Прежде всего, вычисляются все параметры выше приведенной модели измерения. Затем на основе вычисленных параметров определяются ожидаемые (мо-

дельные значения) ответов респондентов. Степень близости полученных экспериментальных данных и ожидаемых ответов определяется на основе критерия Хи-квадрат. Эмпирический уровень значимости статистики Хи-квадрат оказался равным 0,000, что ниже критического значения (0,05). Это свидетельствует о том, что некоторые индикаторные переменные (суждения) несовместимы с остальными. Это ожидалось авторами и послужило сигналом для коррекции суждений. Наиболее «подозрительными» в части адекватности являются следующие индикаторные переменные (в скобках указан уровень значимости статистики Хи-квадрат): i10 (0,000), i12 (0,000), i19 (0,000), i22 (0,000), i27 (0,000), i9 (0,003), i16 (0,003), i6 (0,005), i15 (0,007).

Оценка совместимости конкретной индикаторной переменной со всем набором суждений определяется на основе анализа ее характеристической кривой. Описание методики этой оценки подробно рассмотрено в работах А.А. Маслака [3; 4]. При корректировке опросника авторы, с одной стороны, опирались на отклик, полученный при анализе данных опроса на основе модели Раша, с другой – анализировали формулировки суждений с точки зрения соответствия измеряемой латентной переменной «значимость пожилого как Другого для молодого поколения». Так, авторами было решено исключить шесть индикаторных переменных, не совместимых с остальными суждениями: i19, i10, i22, i12, i27, i16. После исключения указанных шести индикаторных переменных оказалось, что оставшиеся данные адекватны (соответствуют) модели измерения. Эмпирический уровень значимости статистики Хи-квадрат оказался равным 0,101. Это означает, что оставшиеся 24 индикаторных переменных действительно измеряют латентную переменную «значимость пожилого как Другого для молодого поколения» и совместимы друг с другом. Также это означает, что данные опроса по этим 24 индикаторным переменным можно использовать для измерения факторов значимости пожилого как Другого для молодого поколения. Другим показателем качества измерений является индекс сепарабельности измеряемых объектов (респондентов), который характеризует степень различия между объектами (респондентами) на фоне ошибки измерения. Этот индекс также имеет достаточно высокое значение и равен 0,864.

В целом можно сделать вывод, что авторами разработан опросник для измерения факторов значимости пожилого как Другого для молодого поколения. Опросник содержит 24 суждения, респонденту предлагается выразить степень согласия с этими суждениями в рамках четырех градаций. Также можно отметить, что использование модели Раша позволило оценить и откорректировать набор суждений для измерения факторов значимости пожилого как Другого для молодого поколения.

Обеспечение репрезентативности выборки позволило распространить полученные результаты на генеральную совокупность. Репрезентативность выборки достигнута ее объемом (400 человек для разработки опросников) и обеспечивалась простым рандомизированным отбором: каждый член генеральной совокупности имел равные с другими шансы попасть в выборку [8]. Однако отметим, что респондентами нашей выборки в основном явились девушки (327) и результаты исследования, скорее, возможно распространить именно на них. В связи с этим возможно продолжить исследование на выборке юношей и провести сравнительные результаты в зависимости от гендера. В заключении приводится апробированный авторский опросник «Значимость пожилого как Другого для молодого поколения» (табл. 1), описание обработки и интерпретации результатов опроса.

Таблица 1. Опросник «Значимость пожилого как Другого для молодого поколения»

№ п/п	Индикаторная переменная (суждение)	Градация (степень согласия с суждением)	Балл
1	Когда я принимаю решение, как поступить в той или иной ситуации, то часто пытаюсь представить, как бы это сделал значимый для меня пожилой человек.	Нет	1
		Скорее нет, чем да	2
		Скорее да, чем нет	3
		Да	4
2	Представьте ситуацию, в которой Вы делали жизненно важный выбор. Задумывались ли Вы в тот момент, как бы это сделал значимый для Вас пожилой человек?	Нет	1
		Скорее нет, чем да	2
		Скорее да, чем нет	3
		Да	4
3	Я считаю этого пожилого человека достаточно компетентным во многих жизненных вопросах.	Нет	1
		Скорее нет, чем да	2
		Скорее да, чем нет	3
		Да	4

4	Если этот значимый пожилой человек рекомендует (рекомендовал) мне какую-нибудь статью или книгу, я обязательно ее прочитаю.	Нет Скорее нет, чем да Скорее да, чем нет Да	1 2 3 4
5	Совершая тот или иной поступок, представляете ли Вы, что значимый для Вас пожилой человек смотрит в этот момент на Вас и оценивает Ваше решение?	Нет Скорее нет, чем да Скорее да, чем нет Да	1 2 3 4
6	Когда Вы влюбились, думали ли о реакции значимого для Вас пожилого человека и о том, понравился ли ему (ей) Ваш возлюбленный?	Нет Скорее нет, чем да Скорее да, чем нет Да	1 2 3 4
7	Если значимый пожилой человек дает мне совет, то я обязательно к нему прислушаюсь.	Нет Скорее нет, чем да Скорее да, чем нет Да	1 2 3 4
8	Представьте себя в пожилом возрасте. Хотели бы Вы быть похожим на этого значимого пожилого человека?	Нет Скорее нет, чем да Скорее да, чем нет Да	1 2 3 4
9	Как Вы относитесь к критике пожилого человека в Ваш адрес?	Пропускаю мимо ушей Слушаю, но поступаю по-своему Зависит от ситуации Прислушиваюсь к мнению	1 2 3 4
10	Прислушиваетесь ли вы к мнениям пожилых людей при участии в голосовании на выборах различного уровня?	Нет Скорее нет, чем да Скорее да, чем нет Да	1 2 3 4
11	Я считаю, что у пожилых уже нечему учиться, так как они прожили свою жизнь и время изменилось.*	Да Скорее да, чем нет Скорее нет, чем да Нет	1 2 3 4
12	В моей семье принято почитать и относиться с уважением к пожилым людям.	Нет Скорее нет, чем да Скорее да, чем нет Да	1 2 3 4
13	Мне нравится общаться с пожилыми людьми, так как они могут рассказать много интересного.	Нет Скорее нет, чем да Скорее да, чем нет Да	1 2 3 4
14	Меня раздражает большинство пожилых людей, с которыми я встречался в жизни.*	Да Скорее да, чем нет Скорее нет, чем да Нет	1 2 3 4
15	Как часто у Вас возникают конфликты с пожилыми людьми?	Почти каждый день Больше, чем раз в месяц Случаются раз в месяц Не возникают вообще	1 2 3 4
16	Часто ли Вы проводите время с пожилыми людьми?	Вообще не провожу Реже, чем мог(ла) бы Редко Часто	1 2 3 4
17	Почему Вы проводите время с пожилыми людьми?	Мне всё равно/заставляют/ не провожу время вообще Потому, что я так воспитан/из чувства долга Я волонтер Мне нравится проводить время с пожилыми людьми, с ними интересно, у них можно многому научиться	1 2 3 4
18	Пропускаете ли Вы пожилых людей в очереди?	Нет Зависит от ситуации Да, но редко Да, всегда	1 2 3 4

19	Уступаете ли Вы место пожилым людям в общественном транспорте?	Нет Зависит от ситуации Да, но редко Да, всегда	1 2 3 4
20	Помогаете ли Вы пожилым людям, если видите, что они нуждаются в Вашей помощи по собственной инициативе?	Нет Зависит от ситуации Да, но редко Да, всегда	1 2 3 4
21	Я полагаю, что пожилой человек уже не играет прежней роли в обществе.*	Да Скорее да, чем нет Скорее нет, чем да Нет	1 2 3 4
22	В моем воспитании принимал участие значимый пожилой человек.	Нет, не принимал Скорее нет, чем да Да, не часто Да, активно принимал участие	1 2 3 4
23	Принимал ли значимый для Вас пожилой человек участие в наиболее ярких моментах Вашего детства?	Нет, не принимал Скорее нет, чем да Да, не часто Да, принимал	1 2 3 4
24	Я считаю, что пожилой возраст не приносит интереса личности, а пожилые люди просто доживают свой век.*	Да Скорее да, чем нет Скорее нет, чем да Нет	1 2 3 4

Обработка результатов

Фактор авторитет (референтность). Минимальный балл по данному фактору составил 11 баллов, максимальный – 44 балла. Для вычисления интервала средних значений по данной шкале на основе выборки (400 человек) была посчитана средняя сумма по 11 вопросам (№ 1 – № 12), которая составила 32,98 балла, а также стандартное отклонение, равное 5,55 балла. Итак, средние значения «референтности» составляют $32,98 \pm 5,55$.

Фактор аттракция (эмоциональный статус). Минимальный балл по данному фактору составил 6 баллов, максимальный – 24 балла. Для вычисления интервала средних значений по данной шкале на основе выборки (400 человек) была посчитана средняя сумма по 6 вопросам (№ 13 – № 17), которая составила 18,44 балла, а также стандартное отклонение, равное 2,16 балла. Таким образом, средние значения «аттракции» составляют $18,44 \pm 2,16$.

Фактор: институализированная роль (статус власти). Минимальный балл по данному фактору составил 7 баллов, максимальный – 28 баллов. Для вычисления интервала средних значений по данной шкале на основе выборки (400) была посчитана средняя сумма по 7 вопросам (№ 18 – № 24), которая составила 23,84 балла, а также стандартное отклонение – 2,7 балла. Таким образом, средние значения «статуса власти» составляют $23,84 \pm 2,7$ балла.

Интерпретация результатов

Фактор: авторитет (референтность). Суммируйте полученные баллы по вопросам № 1 – № 12. Низким показателем по данному фактору является сумма значений ответов респондента от 11 до 27 баллов. Средний показатель – интервал 28–38 баллов. Высокий показатель – интервал 39–44 балла.

Фактор: аттракция (эмоциональный статус). Суммируйте полученные баллы по вопросам № 13 – № 17. Низким показателем по данному фактору является сумма значений ответов респондента от 6 до 16 баллов. Средний показатель – интервал 17–20 баллов. Высокий показатель – интервал 21–24 балла.

Фактор: институализированная роль (статус власти): Суммируйте полученные баллы по вопросам № 18 – № 24. Низким показателем по данному фактору является сумма значений ответов респондента от 7 до 21 балла. Средний показатель – интервал 22–25 баллов. Высокий показатель – 26–28 баллов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Александрова Ю.В. Взаимосвязь отношения к Другому и самоотношения взрослого человека // Мир психологии. – 2001. – № 1. – С. 38–44.

2. Кондратьев М.Ю. «Значимый другой»: слагаемые межличностной значимости // Социальная психология и общество. – 2011. – № 2. – С. 17–28.
3. Маслак А.А. Измерение латентных переменных в социальных системах : моногр. – Славянск-на-Кубани: Изд. центр КубГУ в г. Славянске-на-Кубани. – 2012. – 432 с.
4. Маслак А.А., Поздняков С.А. Модель Раша для проверки качества измерения толерантности // Социология: методология, методы, математическое моделирование. – 2008. – № 26. – С. 87–105.
5. Образ пожилого человека в Вашей жизни : опрос // Онлайн-конструктор тестов и опросов : сайт. – URL: <http://i-test.pro/mvc/index.php/vote/30> (дата обращения: 12.12.2015).
6. Петровский А.В. Трехфакторная модель значимого другого // Вопросы психологии. – 1991. – № 1. – С. 7–18.
7. Поздняков С.А. Методика измерения и мониторинга на интервальной шкале качества предоставляемых населению жилищно-коммунальных услуг в регионах Российской Федерации : моногр. – Славянск-на-Кубани: Филиал Кубанского гос. ун-та в г. Славянске-на-Кубани, 2014. – 196 с. – URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=23424319> (дата обращения: 12.12.2015).
8. Сидоренко Е.В. Методы математической обработки в психологии. – СПб.: РЕЧЬ, 2006. – 350 с., ил.
9. Табурова Т.С. Образ значимого Другого как средство совладания личности с трудной жизненной ситуацией // Известия Алтайского гос. ун-та. – 2011. – № 2. – С. 66–69. – URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=16853256> (дата обращения: 12.12.2015).
10. Таганова А.А. Личностная идентичность и понимание значимых Других : дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01. – Краснодар, 2004. – 168 с.
11. Харитонов Е.В., Ясько Б.А., Бордовский В.А. Роль социально-профессиональной востребованности личности в формировании образа «значимый для другого» // Психология труда и управления в современной России: организация, руководство и предпринимательство: материалы Междунар. научно-практич. конференции, посвященной 20-летию факультета психологии и социальной работы. – Тверь: Тверской гос. ун-т, 2014. – С. 204–209. – URL: <http://psiholog.tversu.ru/ssk/2014.pdf> (дата обращения: 12.12.2015).
12. Andrich D. Rasch Models for Development. – London: Sage Publications, Inc., 1988.
13. Getting Started RUMM 2010. Rasch Unidimensional Measurement Models. – Perth: RUMM Laboratory Ltd, 2001. – 87 p.
14. Rasch G. Probabilistic models for some intelligence and attainment tests (Expanded edition, with foreword and afterword by Benjamin D. Wright) / Rasch G. – Chicago: University of Chicago Press, 1980. – 199 p.
15. Wright B.D., Masters G.N. Rating Scale Analysis. – Chicago: MESA PRESS, 1982.

REFERENCES

1. Aleksandrova Yu.V. The relationship toward Others and self-adult. [Vzaimosvyaz' otnosheniya k Drugomu i samootnosheniya vzroslogo cheloveka]. *World of Psychology*, no 1, 2001, pp. 38-44. (in Russ.)
2. Kondratiev M.Yu. "Significant Others": the terms of interpersonal importance. [«Znachimyy drugoy»: sлагаemye mezhlchnostnoy znachimosti]. *Social Psychology and Society*, no 2, 2011, pp. 17-28. (in Russ.)
3. Maslak A.A. Measurement of Latent Variables in social systems. [Izmerenie latentnykh peremennykh v sotsial'nykh sistemakh]. *Slavyansk-na-Kubani*, 2012. 432 p. (in Russ.)
4. Maslak A.A., Pozdniakov S.A. Rasch Model for testing the quality measurements of tolerance. [Model' Rasha dlya proverki kachestva izmereniya tolerantnosti]. *Sociology: Methodology, methods, mathematical modeling*, no 26, 2008, pp. 87-104. (in Russ.)
5. The image of an elderly person in your life (Online tests and surveys Design) Available at: <http://i-test.pro/mvc/index.php/vote/30> (accessed 12 December 2015).
6. Petrovsky A.V. Significant three-factor model of another. [Trekhfaktornaya model' znachimogo drugogo]. *Questions of psychology*, no 1, 1991, pp. 7-18. (in Russ.)
7. Pozdniakov S.A. Methods of measuring and monitoring on an interval scale the quality of public housing and communal services in the regions of the Russian Federation. [Metodika izmereniya i monitoringa na interval'noy shkale kachestva predostavlyаемykh naseleniyu zhilishchno-kommunal'nykh uslug v regionakh Rossiyskoy Federatsii]. *Slavyansk-na-Kubani*, 2014. 196 p. (in Russ.) Available at: <http://elibrary.ru/item.asp?id=23424319> (accessed 12 December 2015).
8. Sidorenko E.V. Mathematical Methods in Psychology. [Metody matematicheskoy obrabotki v psikhologii]. SPb, Rech, 2006, 350 p. (in Russ.)
9. Taburova T.S. Image of the Another as a means of coping with the difficult life of the individual situation. *News of Altai State Univ*, no 2, 2011, pp. 66-69. (in Russ.) Available at: <http://elibrary.ru/item.asp?id=16853256> (accessed 12 December 2015).
10. Taganova A.A. The personal identity and understanding of significant others. [Lichnostnaya identichnost' i ponimanie znachimyykh Drugikh] : dis. ... Ph.D. Krasnodar, 2004, 168 p.
11. Kharitonova E.V., Jasko B.A. Bordovskiy V.A. The role of social and professional demand of the individual in shaping the image of "significant for another". [Rol' sotsial'no-professional'noy vstrebovannosti lichnosti v formirovaniy obraza «znachimyy dlya drugogo»]. *Psikhologiya truda i upravleniya v sovremennoy Rossii: organizaiya, rukovodstvo i predprinimatel'stvo : materialy Mezhdunar. nauchno-praktich. konferentsii, posvyashchennoy 20-letiyu fakul'teta psikhologii i sotsial'noy raboty* (Psychology of labor and management in modern Russia: the organization, management and entrepreneurship: Proceedings of Intern. Scientific-practical. conference dedicated to the 20th anniversary of the Faculty of Psychology and Social Work). Tver. Tver State Univ, 2014, pp. 204-209. (in Russ.) Available at: <http://psiholog.tversu.ru/ssk/2014.pdf> (accessed 12 December 2015).

2015).

12. Andrich D. Rasch Models for Development. London. Sage Publications, Inc., 1988.
13. Getting Started RUMM 2010. Rasch Unidimensional Measurement Models. Pert. RUMM Laboratory Ltd, 2001. 87 p.
14. Rasch G. Probabilistic models for some intelligence and attainment tests (Expanded edition, with foreword and afterword by Benjamin D. Wright). Rasch G. Chicago. University of Chicago Press, 1980. 199 p.
15. Wright B. D., Masters G. N. Rating Scale Analysis. Chicago. MESA PRESS, 1982.

Information about the author

Khalina Natalia V., Senior Lecturer, Department of Psychology, "Kuban State University" (branch in Slavyansk-on-Kuban), Slavyansk-on-Kuban, Russia
kushnir-pobeda7777@mail.ru

Pozdnyakov Stanislav A., Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Department of Mathematics, Informatics and Methods of Teaching, "Kuban State University" (branch in Slavyansk-on-Kuban, Russia), Slavyansk-on-Kuban, Russia
pozdneyakov_sta@mail.ru

Received: 02.12.2015

For article citation: Khalina N. V., Pozdnyakov S. A., Development of questionnaire for measuring factors of significance of an elderly person as Another for the younger generation. [Razrabotka oprosnika dlya izmereniya faktorov znachimosti pozhilogo kak drugogo dlya molodogo pokoleniya]. Krasnodar. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mys'l = Historical and Social Educational Ideas. 2015. Tom 7. No. 7 vol-1. Pp. 85-100.

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-7/1-85-100

Информация об авторе

Халина Наталья Владимировна, старший преподаватель кафедры психологии федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Кубанский государственный университет» филиал в г. Славянске-на-Кубани, Славянск-на-Кубани, Россия
kushnir-pobeda7777@mail.ru

Поздняков Станислав Александрович, кандидат технических наук, доцент кафедры математики, информатики и методики их преподавания федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Кубанский государственный университет» филиал в г. Славянске-на-Кубани Славянск-на-Кубани, Россия
pozdneyakov_sta@mail.ru

Получена: 02.12.2015

Для цитирования статьи: Халина Н. В., Поздняков С. А., Разработка опросника для измерения факторов значимости пожилого как другого для молодого поколения. Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Том 7. №7 часть 1. с. 85-100.
DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-7/1-85-100

***Образование
и педагогические науки***

***Education
and Pedagogical Sciences***

UDC 371.3:004

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-7/1-103-110

SOGHOYAN Spartak S.,
Gyumri State Pedagogical Institute named after
M. Nalbandyan, Gyumri, Armenia
sogspartak@mail.ru

СОГОЯН Спартак Сереевич,
Гюмрийский государственный педагогический инсти-
тут имени М. Налбандяна, г. Гюмри, Армения,
sogspartak@mail.ru

THE APPLICATION OF INFORMATION AND PEDAGOGICAL TECHNOLOGIES IN TEACHING INFORMATICS AT SCHOOL

ПРИМЕНЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ И ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБУЧЕНИИ ИНФОРМАТИКЕ В ШКОЛЕ

The article describes the content of the modern information technology and teaching methodology, which should be used in the lessons of the computer science at the secondary school of general education. These are such technologies as educational technology, health saving technology, information technology, gaming technology, personal oriented approach, and training project. Each technology is indispensable and important to the learning process. The article refers to the feasibility of the technologies application and their practical use during the lessons. The information technologies become productive when personally oriented environment is created, that is a complex of technological approaches, methodical and methodological attitudes, which determines the content and structure of education, and provides opportunities for self-realization and self-development of the pupil's personality. The analyzed material is intended for the experienced teachers and the young teachers of the computer science with a view to the proper use of modern pedagogical technologies in their lessons.

Keywords: education, school, computer science, educational technology, health saving technology, information technology, gaming technology, personal-oriented approach, training project, cognitive interest.

В статье описывается содержание современных информационных и педагогических технологий, которые необходимо применять на уроках информатики в средней общеобразовательной школе. Это такие технологии, как педагогические, здоровьесберегающие, информационные, игровые, личностно-ориентированный подход, учебный проект. Каждая из технологий незаменима и имеет важное значение в образовательном процессе. В статье раскрывается обоснованность применения технологий и их практическое использование в ходе уроков. Информационные технологии продуктивны тогда, когда создана личностно-ориентированная среда, то есть комплекс технологических подходов, методических и методологических, которые определяют содержание и структуру обучения и обеспечивают условия для самореализации и саморазвития личности учащегося. Исследуемый материал предназначен учителям информатики и молодым педагогам с целью правильного использования на своих уроках современных педагогических технологий.

Ключевые слова: образование, школа, информатика, педагогическая технология, здоровьесберегающая технология, информационная технология, игровая технология, личностно-ориентированный подход, учебный проект, познавательный интерес.

THE APPLICATION OF INFORMATION AND PEDAGOGICAL TECHNOLOGIES IN TEACHING INFORMATICS AT SCHOOL

The modern objectives of the education at secondary school, various alternatives of the schooling content, focused on the evolution of cognitive activity of the secondary school students, in many instances, have resulted in generation of new organizational forms, tools and methods of training. The activity of the learners, which is the consequence of cognitive interest, appears to be the serious performance and effectiveness indicator of educational process, and simultaneously the factor of its improvement, because it motivates pupils for development of research and creative approach, independence, and self-education. The major objective of education lays in enhancement of its own quality by means of individualization, differentiation, intensiveness of the training process, development and mentoring, as well as more perfect satisfaction of students with educational requirements concerning new technologies.

The following practices have got the highest contagion among the pedagogic technologies at the secondary general education schools: health saving techniques, informational practices, playing techniques, learner-centered approach, and class project [4, p. 89].

Application of health saving technology in the course of training is the essential condition, since it is focused on health protection in favor of secondary school students. The mentioned technology is divided into three groups: a group providing hygienic conditions for educational process; a group providing distinct organization of secondary school students' physical activity and academic activity; and psychological-pedagogical techniques employed both at the lessons and in the course of extra-curricular activities.

The health saving technology may be considered as a high quality characteristic of any pedagogical technology within the aspect of its influencing health conditions of the secondary school students and their teachers, and as a complex of forms, techniques and methods of teaching process organization orientated to learners without bringing damage to their health.

The implementation of the health saving technology requires making solutions on the following problems:

- reasonable control over sanitary and hygienic environment in the room of information technique class;
- normalized distribution between the scope of homework and academic workload;
- implementation of new methods of activities in the teaching process arranged for secondary school students;
- involving the system of extracurricular and club activities into formation of healthy lifestyle for learners;
- sharing experiences to colleagues.

Organization of information technique class is inadmissible without this technology, because hygienic requirements and ambiance pertain to its basis. Considering that the running computers intensify the heat inside of the room up to several degrees, observation of the aerial and thermal parameters is obligatory condition. The room of information technique class must be regularly sweeten [5, p. 63].

Meeting the requirements, the classroom atmosphere will increase working capacity among learners, will reduce the rate of tiredness rise, and will create the impression of comfort at the lesson.

The lesson of information science differs from others by permanent employment of computing machines. The abundance of regulations regarding students' PC activity duration will provide control over load on their eyes. Eyes of learners get tired in front of the device monitor, regardless of activity duration with scheduling for maximum 20 minutes. After completing of the performance it is necessary to arrange exercises for the sake of eyes. It is preferably efficient, in the process of explanation of substitute material, to take advantage of multimedia projector and demonstrate the content by means of the large screen. In such instance, vision of schoolchildren will be preserved, and variability of performance forms will advance their interest to the topic of lesson and to the subject in general. It is found out that accomplishment of sanitary-hygienic conditions contributes to gaining in health of pupils by 11%.

The Information Technology as a school subject participates in formation and development of personality. In the course of information science studies the emphasis is put upon cultivation of algorithmic and logical thinking, specifically as follows:

- consideration of individual and age peculiarities in elaboration of algorithmic thinking;
- correspondence to the process of theoretic knowledge accumulating, and of practical knowledge application within operation of computers performance;
- interaction between the information science and other subjects.

Such principles as: accessibility, demonstrativeness, scientific character, consciousness, combination of forms, tools and methods of training, individual attention to each student, durability of knowledge, and abilities and skills absorption, are fruitfully implemented with the help of Information Technology; the expedience of application of Information Technology in educational and training process depends exactly on this circumstance. As for pedagogic content, it is proper to detach its connection to the levels of education elements perception. Herein, the activity methods, knowledge, emotional and axiological attitude to the world, and creative work experience refer to the keystone components (D.G. Lewites) [4, p. 109].

There are practical, common educational, intellectual (like, giving concrete definition, generalization, analysis, synthesis, and etc.), and substantive methods of work. The creative activity differs according to the following factors: exploration of new issues in familiar situation, transferring of available knowledge into new situation, determination of feasible solutions for the provided problem, and examination of new ways to problem solution, which may differ from currently available ones.

The diagnostics of knowledge, abilities, and skills of students is more efficient with the use of Information Technology, since the acquisition of veridical cue takes course significantly immediate in such a way [6, p. 132].

The consistent and convincing application of information environment will execute the first key reorganization of education, because it can be explained by implementation of the objectives, which the educational system is currently facing. The informative and educational milieu makes complete, necessary, and accessible changes there in its content by virtue of its integrity, because these changes are intended to the future needs with simultaneous reduction of academic load for the sake of all school students. One of the most ambitious targets is the reviewing of the present process, with its further elaboration, and administration.

The educational philosophy of Information Technology gives importance to the development of secondary school students' powers in independent exploration, acquisition, and application of experience in solving some new vital problems of higher priority.

The concept of instrumentation by means of Information Technology in respect to educational process is based on the principle of its accessibility for each learner. The acquirement of data technol-

ogies demands the acquisition of skills in order to practice them in the capacity of instruments for studies, instead of theoretical or engineering research of computer equipment.

The information environment in a secondary general education school should facilitate any liberalized access to the resources of Internet, videoconferencing in the course of school subjects and out-of-class activities, academic competitions in offline and online modes, and bringing telecommunicational projects.

Playing techniques and game learning programs, which are used in the form of creatively different problems and missions, constitute the important strand of information science training, and allow releasing the emotional tension in the course of a lesson.

They are needed to determine the achievement of evolutive and educative lesson aims, the securing of psychological discharge for secondary school students, the inducement to activation of independent cognitive activity, and the demonstration of practical relevance of the studied topic [1, p. 94].

If lessons of information science are held in junior school, it is efficient to utilize all possible game assignments for generalization of child's knowledge (like, riddle in the form of problem, cross-word puzzle, and pictorial puzzle). The senior school students might be interested in role playing game, problematic situation, real-world example, science fiction research or investigation mission, which are able to activate the creative potential of kids.

It is possible to prepare the assignment in the form of commercial reel describing some specific instrument or device of computer, program or event for generalization of the studied material. The implementation of interactive learning programs based upon interaction phenomenon demonstrates positive result, because interpersonal cognitive communication and cooperation among all its parties take place within the process of training. The interactive education programs facilitate in deepening of the scholars' knowledge, in providing their high interest toward a topic and their level of intellectual activity, emotional and creative proliferation, and in comparing of available knowledge to some fresh information [8, p. 56].

The programs are created in operating environment of the object-oriented programming language named Visual Basic 6.0. These are tests, games «Step by step», «Ink Crossword», and etc. They are necessary at the lesson as one of the methods for shifting activities of the students, and they should occupy short periods of time. Let's give an example. It is possible to realize binding of definitions and comprehensions according to such topics as «Data bases», «Number systems», and «Computer architecture», with the help of interactive game «Crossword».

On the basis of publication by D.M. Zlatopolsky «Intellectual games in computer science», the game program «Step by step» has been elaborated, in which repetition and binding of basic concepts across all the learned topics take place. For example, one of the assignments sounds like this: «Choose the words beginning with one and the same letter» [3, p. 123].

The interactive learning programs are efficient. Many of students express a desire in making compilation of their own procedure variations for games and diagnostics.

The invention of prosperous psychological climate at a lesson is the most important target of the educational process, and gaming technology assists in its implementing to the maximum. The psychological comfort comes to be one of the central aspects of training in information science. First of all, solution to a problem of the pupils' rapid fatigability originates, on the second hand, – revelation of children creative potential and materialization of their creative abilities happen.

In the environment of comfort and emotional freshness the working capacity of a class significantly advances and improves, and, as a consequence, this leads to more qualitative acquisition of knowledge, and as the final result – to higher performance in Information Technology [6, p. 141].

The learner-centered approach as the technology in education process is based upon distinctive character and inherent worth of each pupil, recognition of one's individuality, his or her evolution not in the capacity of «collective person», but, first and foremost, as individual person endued with own exclusive «subjective experience». For the purpose of «subjective experience» introduction into the process of digestion (knowledge) it is necessary to manage own activity, based upon private interests, demands, and ambitions. Furthermore, it is important to incorporate into the lesson some individual acquisition devices and methods of educational piece of work, and to be motivated by personal attitude to the educational activities. On the assumption of the above mentioned factors, personal-oriented education is understood as follows: working with every student in the course of the lesson, orientation onto independent work, revelation and recognition of vocations and preferences of the learners, and of their personal achievements. Working with didactic material should correspond to capabilities and academic progress of one or another pupil. The scope of knowledge should become established, and appropriate educational material should be shaped up for every pupil in compliance with its individual ability, and any particular complexity of educational material should be ranged by the teacher [7, p. 98].

The class projects are also important in modern training course, and are used as a form of the work on systematization and generalization of knowledge, skills and experience in «Information Technology» as academic subject, as well as for representations of their practical application during dealing with a problem from any other subject field. The demonstration of their own pieces of work during the final lesson or school conference shall be the result of students' activities. Such a sort of working with the employment of machine-computing technique, helps in modeling their modes of operation with a project [2, p. 39-47].

For the pupils of the 8th forms the Class Project will have application in the capacity of final paper in Information Technology, and for the 9th form students it can be used as one of the principal patterns of educational activities at the lesson, as well as being brought in coincidence with the topics «Fundamentals of algorithm construction and programming», and «Simulation experiment» research. The teacher of Information Technology shall exercise control over the conceptual part of the project, which facilitates in determining general operating plan, and in orientating oneself through the problem. The scheduled planning of activity is carried out under the guidance of the Information Technology teacher with the means of consistent computer technology application, and perfection of performance skills in various operating environments.

This technology contributes to implementation of the following objectives:

- improvement of self-actualization, reflection, and personal conviction by each learner participating in the project;
- development of partnership role, and importance of team operations, resulting in the project itself;
- cultivation of research skills (like, identification of problems, consummation of relevant information screening from the training literature, survey of problematic situations, arranging of practical situations examination, results registering, consummation of their verification, generalization, and making conclusions), and evaluation of performance process and outputs of project, from the objective point of view.

The participation in the project activities brings aid to acquiring unrivalled expertise, which cannot be received in the process of any other different forms of education [2, p. 39-47].

The above mentioned development sequence is the best to be realized with the application of information processing technology in the process of teaching. The computer-aided technologies – are significant means for the improvement of the effectiveness within the frames of educational process organization. The invention of effective educational and cognitive environment originates owing to the high degree interactivity of the informational education technology.

ПРИМЕНЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ И ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБУЧЕНИИ ИНФОРМАТИКЕ В ШКОЛЕ

Современные цели образования в средних школах, различные варианты содержания образования, направленные на развитие познавательной активности школьников, привели во многом к возникновению новых организационных форм, средств и методов обучения. Активность учащихся, являющаяся следствием познавательного интереса, это серьезный показатель результативности и эффективности образовательного процесса и одновременно фактор его улучшения, потому что он мотивирует учащихся к развитию поисково-творческого подхода, самостоятельности, самообразованию. Основная задача образования заключается в улучшении его качества посредством индивидуализации, дифференциации, интенсивности процесса обучения, развития и воспитания, более полной удовлетворенности учащихся образовательными потребностями, касающимися новых технологий.

Среди педагогических технологий в средних общеобразовательных школах наибольшее распространение получили следующие: здоровьесберегающие технологии, информационные, игровые технологии, личностно-ориентированный подход, учебный проект [4, с. 89].

Применение в обучении здоровьесберегающих технологий является неременным условием, так как они направлены на охрану здоровья школьников. Данные технологии подразделяются на три группы: предоставляющие гигиенические условия образовательного процесса; обеспечивающие четкую организацию физической активности школьников и учебного процесса; психолого-педагогические технологии, используемые как на уроках, так и во внеурочной деятельности.

Здоровьесберегающие технологии можно рассматривать как высококачественную характеристику любой педагогической технологии по мере ее воздействия на здоровье школьников и

педагогов и как комплекс форм, приемов и методов организации обучения учащихся без вреда для здоровья.

Реализация технологий здоровьесбережения требует решения следующих задач:

- надлежащий контроль за санитарно-гигиеническим состоянием кабинета информатики;
- нормированное распределение объема домашнего задания и учебной нагрузки;
- использование новых методов деятельности в ходе обучения школьников;
- вовлечение к формированию здорового образа жизни учащихся системы внеклассной и

кружковой работы;

- обмен опытом с коллегами.

Организация урока информатики недопустима без этой технологии, так как в основе его лежат гигиенические требования и обстановка. В связи с тем, что работающие компьютеры увеличивают температуру в кабинете на несколько градусов, обязательным условием является соблюдение воздушно-теплого режима. Кабинет информатики должен регулярно проветриваться [5, с. 63].

Выполнение требований к кабинету повысит у учащихся работоспособность, уменьшит темп нарастания утомляемости, создаст на уроке ощущение комфорта.

Урок информатики отличается от других постоянным использованием компьютеров. Соблюдение регламента длительности работы учеников за ПК обеспечит контроль нагрузки на глаза. Глаза учащихся устают, несмотря на то, что длительность работы за устройством составляет около 20 минут. По окончании работы необходимо проводить упражнения для глаз. Желательно при объяснении нового материала пользоваться мультимедийным проектором и демонстрировать его на большом экране. В таком случае зрение школьников сохраняется, а вариативность форм работы повышает интерес к теме урока и предмету. Установлено, что выполнение санитарно-гигиенических условий содействует улучшению здоровья учащихся на 11%.

Информатика как предмет принимает участие в формировании и развитии личности. При изучении информатики основное внимание уделяется развитию алгоритмического и логического мышления, а именно:

- учету индивидуальных и возрастных особенностей в развитии алгоритмического мышления;
- совмещению процесса накопления теоретических и применению практических знаний при работе на компьютере;
- взаимосвязи информатики с другими предметами.

При помощи информационных технологий плодотворно реализуются такие принципы, как: доступность, наглядность, научность, сознательность, сочетание форм, средств и методов обучения, индивидуальный подход к каждому учащемуся, прочность освоения знаний, умений и навыков; от этого и зависит рациональность применения информационных технологий в учебно-воспитательном процессе. Относительно педагогического содержания, следует выделить его связь с уровнями познания элементов образования. К основным элементам здесь относятся способы деятельности, знания, эмоционально-ценностное отношение к миру, опыт творческой деятельности (Д.Г. Левитес) [4, с. 109].

Способы деятельности существуют практические, общеучебные, интеллектуальные (конкретизация, обобщение, анализ, синтез и др.), предметные. Творческая деятельность отличается по следующим показателям: нахождение новой проблемы в знакомой ситуации, перенос имеющихся знаний в новую ситуацию, нахождение возможных решений имеющейся проблемы, изучение нового способа решения проблемы, отличающегося от существующих.

Диагностика знаний, умений и навыков учащихся продуктивна при использовании информационных технологий, так как получение истинной информации проходит весьма оперативно [6, с. 132].

Ключевую перестройку образования произведет последовательное и убедительное применение информационных сред, которое объясняемо задачами, стоящими перед системой образования. Информационно-образовательная среда своей целостностью делает необходимыми и доступными абсолютные перемены в его содержании, потому что они направлены на будущие потребности, с одновременным уменьшением учебной нагрузки для учащихся. Одной из наиболее масштабных задач является изучение данного процесса, его разработка и управление им.

Большое значение развитию способностей школьников к самостоятельному поиску, получению и применению навыков разрешения первоначально новых жизненных задач придает образовательная философия информационных технологий.

Представление о применении средств информационных технологий в образовательном процессе основывается на принципе их доступности для каждого обучающегося. Овладение данными технологиями требует умения применять их в качестве инструмента учебы, а не теоретического или инженерного изучения компьютерной техники.

Информационная среда средней общеобразовательной школы должна обеспечивать свободный доступ к ресурсам Интернет, видеоконференциям по школьным предметам и внеклассной деятельности, олимпиадам в режиме оффлайн и онлайн, телекоммуникационным проектам.

Игровые технологии и игровые обучающие программы, используемые в виде оригинальных задач и заданий, являются важной составляющей обучения информатике и позволяют снять эмоциональное напряжение в ходе урока.

Они необходимы для решения развивающей и воспитательной цели урока, обеспечения психологической разгрузки школьников, побуждения к активизации самостоятельной познавательной деятельности, демонстрации практической значимости изучаемой темы [1, с. 94].

В младших классах на уроках информатики можно использовать всевозможные игровые задания для обобщения знаний (загадки в виде задач кроссворды, ребусы). Старшеклассников можно заинтересовать ролевой игрой, проблемной ситуацией, примером из жизни, фантастическими или заданиями-расследованиями, которые способны активизировать творческий потенциал ребят.

Для обобщения изученного материала можно подготовить задания в виде рекламного ролика конкретного прибора или устройства компьютера, программы или явления. Положительный результат показывает использование интерактивных обучающих программ, основанных на явлении интеракции, так как в процессе обучения происходит межличностное познавательное общение и взаимодействие всех его субъектов. Интерактивные образовательные программы помогают углубить знания учащихся, обеспечить высокий интерес к теме и уровень мыслительной деятельности, эмоциональный и творческий подъем, сравнить имеющиеся знания с новой информацией [8, с. 56].

Программы созданы в среде объектно-ориентированного языка программирования Visual Basic 6.0. Это тесты, игры «Шаг за шагом», «Кроссворд» и др. Они необходимы на уроке как один из способов смены деятельности учащихся и должны занимать небольшие промежутки времени. Приведем пример. Закрепление определений и понятий по таким темам, как «Базы данных», «Системы счисления», «Архитектура компьютера», можно провести при помощи интерактивной игры «Кроссворд».

На основе издания Д.М. Златопольского «Интеллектуальные игры в информатике» создана игровая программа «Шаг за шагом», в которой происходит повторение и закрепление основных понятий по всем изученным темам. Например, одно из заданий звучит так: «Выберите слова, которые начинаются на одну и ту же букву» [3, с. 123].

Интерактивные обучающие программы продуктивны. Многие учащиеся изъявляют желание в составлении собственных вариантов заданий к играм и тестам.

Создание благоприятного психологического климата на уроке – это важнейшая задача образовательного процесса, и игровые технологии максимально помогают реализовать ее. Психологический комфорт является одним из главных аспектов обучения информатике. Во-первых, происходит решение проблемы быстрой утомляемости учащихся, во-вторых, – раскрытие творческого потенциала ребят и реализация их креативных способностей.

В обстановке комфорта и эмоциональной бодрости значительно повышается и улучшает работоспособность класса, и, как следствие, это приводит к более качественному усвоению знаний и в конечном итоге – к высоким результатам по информатике [6, с. 141].

Личностно-ориентированный подход как технология в обучении основан на самобытности и самооценности каждого учащегося, признании индивидуальности, его развитии не в качестве «коллективного субъекта», а, прежде всего, как индивида, одаренного своим особым «субъектным опытом». Для введения «субъектного опыта» в процесс усвоения (познания) необходимо организовать свою собственную деятельность, основанную на личных интересах, потребностях, стремлениях. К тому же, важно применять на уроке индивидуальные механизмы усвоения и способы учебной работы, руководствоваться личностным отношением к учебной деятельности. Исходя из вышеуказанных факторов, личностно-ориентированное обучение подразумевает: работу в ходе урока с каждым учеником, направленность на самостоятельную работу, раскрытие и учет склонностей и предпочтений обучающихся, их личных достижений. Работа с дидактическим материалом должна соответствовать способностям и успеваемости того или иного ученика. Для каждого ученика с учетом его индивидуальных способностей должен устанавливаться

объем знаний и подбираться подходящий учебный материал, а сложность учебного материала – варьироваться учителем [7, с. 98].

Учебные проекты также важны в современном обучении и используются как форма работы по систематизации и обобщению знаний, умений и навыков по предмету «Информатика», а также для представления их применения на практике во время решения проблемы из какой-либо предметной области. Результатом деятельности учащихся является демонстрация своих работ на заключительном уроке или школьной конференции. Такая работа, с применением вычислительной техники, формирует у них схему работы над проектом [2, с. 39-47].

Для учащихся 8-х классов учебный проект применяется в качестве итоговой работы по информатике, а для 9-х классов его можно использовать как одну из основных видов учебной деятельности на уроке, а также совмещать с изучением тем «Основы алгоритмизации и программирования», «Моделирование». Учитель информатики осуществляет контроль над содержательной частью проекта, которая помогает определить общий план работы и сориентироваться в проблеме. Под руководством учителя информатики проводится поэтапное планирование деятельности с учетом применения средств вычислительной техники, совершенствования навыков работы в различных средах.

Эта технология способствует реализации следующих целей:

- повышению самореализации, рефлексии и личной уверенности у каждого учащегося, участвующего в работе над проектом;
- развитию роли сотрудничества, значимости коллективной работы, итогом которой будет сам проект;
- развитию исследовательских умений (выявлению проблемы, осуществлению отбора необходимой информации из учебной литературы, анализу проблемной ситуации, проведению наблюдений практических ситуаций, фиксированию результатов, осуществлению их проверки, обобщению, выводам), оцениванию процесса деятельности и результатов проекта, с объективной точки зрения.

Участие в проектной деятельности помогает приобрести уникальный опыт, который невозможно получить при других формах обучения [2, с. 39-47].

Вышеперечисленные технологии лучше всего реализуются с применением информационных технологий в обучении. Компьютерные технологии – это значимое средство повышения результативности организации учебно-воспитательного процесса. Создание эффективной учебно-познавательной среды происходит благодаря высокой степени интерактивности информационных образовательных технологий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Букатов В.М., Ершова А.П. Я иду на урок: Хрестоматия игровых приемов обучения: Книга для учителя. – М.: Первое сентября, 2011. – 224 с.
2. Гузеев В.В. Метод проектов как частный случай интегральной технологии обучения // Директор школы. – 2005. – № 6. – С. 39–47.
3. Златопольский Д.М. Интеллектуальные игры в информатике. – СПб.: БХВ-Петербург, 2014. – 389 с.
4. Левитес Д.Г. Практика обучения: современные образовательные технологии. – Мурманск, 2007. – 215 с.
5. Педагогические технологии: что это такое и как их использовать в школе. / Науч. ред. Т.И. Шамова, П.И. Третьяков. – М.; Тюмень, 2012. – 176 с.
6. Полат Е.С. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования. – М.: Академия, 2008. – 272 с.
7. Селевко Г.К. Современные образовательные технологии: Учебное пособие. – М.: Народное образование, 2008. – 256 с.
8. Фопель К. Энергия паузы. Психологические игры и упражнения: Практическое пособие / Пер. с нем. - 3-е изд. – М.: Генезис, 2007. – 240 с.

REFERENCES

1. Bukatov V.M., Ershov A.P. I am going to class: Chrestomathy of game technique in the training process: Teacher's Book. [Ya idu na urok: Hrestomatiya igrovih priyemov obucheniya. Kniga dlya uchitelya]. Pervoye Sentyabrya. Moscow, 2011. (in Russ)
2. Guzeev V.V. Method of projects as a special case of the integrated training technology. [Metod proektov kak chastnyi sluchay integral'noi tehnologii obucheniya]. School Director. Moscow, 2005, no 6, pp.39-47. (in Russ)
3. Zlatopolsky D.M. Intellectual games in computer science. [Intellektual'niye igri v informatike]. BHV-Peterburg. St.Petersburg, 2014. (in Russ)
4. Lewites D.G. Practice of training: modern educational technology. [Praktika obucheniya: sovremennye obrazovatel'nie tehnologii]. Murmansk, 2007. (in Russ)

5. Educational technologies: what it is and how to use them in the school. [Pedagogicheskie tehnologii: chto eto takoe i kaki h ispolzovat' v shkole]. Sci. Ed. T.I. Shamova, P.I. Tretyakov. Moscow- Tyumen, 2012. (in Russ)
6. Polat E.S. New pedagogical and information technologies in the system of education. [Novie pedagogicheskiye I informatsionniye tehnologii v sisteme obrazovaniya]. Akademiya. Moscow, 2008. (in Russ)
7. Selevko G.K. Modern educational technology: Textbook. [Sovremenniy obrazovatel'niye tehnologii: Uchebnoye posobiye]. Narodnoye obrazovaniye. Moscow, 2008. (in Russ)
8. Fopel K. The Energy of the pause. Psychological games and exercises: A Practical Guide. [Energiya pauzy. Psihologicheskiye igri i uprazhneniya. Prakticheskoye posobiye]. Translated from the German. 3rd Edition. Genezis. Moscow, 2007 (in Russ)

Information about the author

Soghoyan Spartak S., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Department of Computer Science and Teaching Methods, Vice-rector for general issues, "Gyumri State Pedagogical Institute named after M. Nalbandyan", Gyumri, Armenia
sogspartak@mail.ru

Received: 03.10.2015

For article citation: Soghoyan S. S., The application of information and pedagogical technologies in teaching informatics at school. [Primeneniye informatsionnykh i pedagogicheskikh tekhnologiy v obuchenii informatike v shkole]. Krasnodar. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mys'l* = *Historical and Social Educational Ideas*. 2015. Том 7. № 7 vol-1. Pp. 103-110.

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-7/1-103-110

Информация об авторе

Согоян Спартак Сереевич, доктор педагогических наук, профессор кафедры информатики и методики ее преподавания, проректор по общим вопросам ГНО «Гюмрийский государственный педагогический институт имени М. Налбандяна», г. Гюмри, Армения
sogspartak@mail.ru

Получена: 03.10.2015

Для цитирования статьи: Согоян С. С. Применение информационных и педагогических технологий в обучении информатике в школе. Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Том 7. №7. Часть 1. с. 103-110.

DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-7/1-103-110

ИНФОРМАЦИЯ для авторов журнала «Историческая и социально-образовательная мысль»

Редакция журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» рассматривает ранее не опубликованные авторские материалы в форме оригинальных, проблемных и дискуссионных статей, обзоров литературы, лекций, отчетов о научных мероприятиях и научных программах и исследованиях в области истории, социологии, философии, психологии, методики и методологии преподавания гуманитарных и педагогических дисциплин.

Материалы следует направлять по электронной почте: akademus07@rambler.ru, либо на надежном оптическом носителе (только CD-R) почтой (простым письмом или бандеролью) по адресу: **350080, Россия, г. Краснодар, пос. Пашковский, ул. Заводская, 32, к. 301.** редакция журнала «Историческая и социально-образовательная мысль».

Редколлегия журнала принимает материалы, присланные по электронной почте файлами, прикрепленными к электронному письму. Материалы должны быть оформлены строго в соответствии с изложенными далее требованиями и тщательно вычитаны.

Отдельным файлом с расширением **.doc** или **.rtf** прилагается заявка на публикацию работы, в которой обязательно должны быть отображены следующие сведения о каждом из авторов: фамилия, имя, отчество (полностью) в именительном падеже, ученая степень, ученое звание, место работы (с указанием конкретного подразделения), должность, город проживания, контактный телефон/факс, E-mail, почтовый адрес для отсылки бесплатного авторского экземпляра, наименование страны (для иностранных авторов).

Отдельным файлом с расширением **.doc** или **.rtf** на английском языке дублируются: фамилии имена и отчества авторов **ПОЛНОСТЬЮ**, (без сокращений), название статьи прописными буквами, ученая степень и звание, если имеется, должность автора, полное (без сокращений) название кафедры, организации, аннотация и ключевые слова. Файл именуется следующим образом: **«summary.фамилия первого автора, напр. Иванов А.А.»**.

Авторам, обучающимся в аспирантурах государственных вузов и имеющим право на бесплатную публикацию материалов своих научных исследований, необходимо предоставить справку из аспирантуры вуза установленной формы. Статья аспиранта может быть опубликована бесплатно при условии, что он является единственным автором работы, статьи, где аспирант выступает в качестве соавтора, к бесплатной публикации не принимаются.

Для авторов, не имеющих ученой степени, необходимо представить рецензию научного руководителя и выписку из протокола заседания кафедры о рекомендации к публикации. Рецензии, а также выписки и справки об обучении в аспирантуре, заверенные согласно утвержденным формам, печатью вуза, высылаются простым письмом на адрес редакции. Отсканированные копии всех документов прилагаются к электронному письму отдельными файлами с расширением **.jpg** или **.pdf**.

Авторы, имеющие ученую степень, должны приложить 2 рецензии к своей работе авторитетных специалистов в изучаемой области (как правило, имеющих ученую степень кандидата или доктора наук), подписанные и заверенные печатью по месту основной работы рецензентов. Наличие рецензий на статью увеличивает шансы автора на положительное решение редколлегии и скорую публикацию статьи. Рецензия составляется в произвольной форме, обязательным является заключение **«данная статья может быть рекомендована к публикации в научном журнале из перечня ВАК»**, а также наличие подписи и печати.

В отдельных случаях, при наличии среди членов редколлегии специалистов нужного профиля, автор может письменно уведомить редакцию журнала о необходимости рецензирования статьи. Данная услуга дополнительна и является платной.

К статье, написанной в жанре рецензии, в обязательном порядке прилагается рецензируемое издание.

Статьи соискателей степени кандидата наук не должны превышать **0,5 п.л. (20 000 знаков с пробелами и знаками препинания, включая сноски)**, кандидатов, докторов наук и соискателей степени доктора наук – **1 п.л. (40 000 знаков с пробелами и знаками препинания, включая сноски)**. В индивидуальных случаях по решению редакционной коллегии допускается публикация материалов большего объема.

Количество авторов одной статьи допускается не более 3-х человек.

Ответственность за достоверность приведенных фактов, цифровых, графических или каких-либо иных данных, равно как за точность цитируемых текстов и отсутствие правовых препятствий к размещению информации, несет полностью автор. Поступление заявки в редакцию подтверждает полное согласие авторов на обработку и публикацию предоставленной персо-

нальной информации. Поступление заявки в редакцию подтверждает полное согласие авторов с публичной офертой на размещение присланных материалов в полном объеме в электронной и печатной версиях журнала без выплаты авторского вознаграждения. В случае наличия каких-либо ограничений авторского права на присланные материалы, автор обязан письменно уведомить об этом редакцию.

Члены редколлегии знакомятся со статьей и в месячный срок принимают решение о возможности ее публикации. Редактор информирует автора о решении редколлегии. Отзывы членов редколлегии автору не сообщаются, в обсуждение достоинств и недостатков статьи редакция с автором не вступает. Мнение и выводы автора могут не совпадать с мнением редакции и членов редколлегии.

Поступление статьи в редакцию подтверждает полное согласие авторов с настоящими требованиями, материалы, оформленные с нарушением настоящих требований, отклоняются, и авторам предлагается доработать текст.

Перепечатка опубликованных в журнале материалов разрешается только с письменного согласия редакции.

Редакция вправе вносить в текст правки, не искажающие смысл авторских материалов.

Требования к оформлению авторских материалов

Текст рукописи должен быть набран в редакторе Microsoft Word или в функционально идентичном альтернативном ПО, в формате А 4 с полями 25 мм. Файл должен иметь расширение .doc или .rtf. **НЕ ПРИНИМАЮТСЯ ФАЙЛЫ С РАСШИРЕНИЕМ .docx (Microsoft Word 2007).**

Последовательность изложения материала (каждый из пунктов начинается с новой строки):

- 1) индекс УДК;
- 2) название работы (прописными **жирными** буквами), точно отражающее содержание работы;
- 3) инициалы и фамилии авторов на русском языке **ПОЛНОСТЬЮ**, (без сокращений) через запятую указываются ученая степень и звание, должность автора, полное (без сокращений) название кафедры, организации, (все именно в такой последовательности), если авторов несколько, фамилия каждого следующего автора начинается с новой строки;
- 4) аннотация на русском языке объемом до 500 печатных знаков (считая пробелы и знаки препинания), характеризующая основную тему, проблему объекта, цели работы и ее результаты, выводы, новизну;
- 5) ключевые слова (не менее 10);
- 6) страницы текста должны иметь сквозную нумерацию;

Сведения о цитируемых источниках приводятся в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования».

В **библиографических ссылках** приводятся обязательные элементы описания в строгой их последовательности:

- 1) фамилия автора, его инициалы (набираются курсивом);
- 2) название источника;
- 3) по ГОСТу вид издания, если он указан (монография; учеб. пособие; сб. науч. тр.; материалы Междунар. конф.; тезисы докладов и т.д.);
- 4) место издания; если их несколько, между ними ставится точка с запятой (;);
- 5) издательство или издатель (например: Наука; Мысль; Просвещение; Кубанский гос. ун-т);
- 6) год издания;
- 7) при ссылке на данные, полученные из сети Internet, указывается: URL: электронный адрес первичного источника информации и дата обращения.

При ссылке на архивные данные полное название архива пишется только при первом упоминании, затем сокращенное. После названия архива указывается номер фонда, номер описи, номер дела, номер листа (все именно в такой последовательности).

При повторной ссылке на ту же книгу вместо полного ее названия пишется: Указ. соч. Если повторная ссылка следует сразу же за первой, ее оформляют словами: Там же.

ТЕКСТ СТАТЬИ

Выравнивание по левому краю, первая строка – отступ 1 см, междустрочный интервал – полуторный, шрифт Times New Roman, размер 14, автоматические переносы не допускаются. Излагаемый в работе текст должен содержать вводную часть, где описываются цель, материалы, источники и методы исследования. Далее следуют результаты исследования, их обсуждение, заключение или выводы.

Сноска [1, с. 290-316, 344]
[2, л. 290-316. лл. 2-22, 23-30, 208-212]
[7, л. 29-31, 31 об.]

После текста перед концевыми сносками по центру малыми прописными дается рубрика

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

либо

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

В оригинальных статьях желательно не более 15 источников, в обзорных – до 50. Шрифт сносок: Times New Roman размер 12. **Источники приводятся в порядке их упоминания в тексте, но не в алфавитном порядке.** В тексте ссылки на используемые источники даются после цитаты в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника цитирования и страницы, например [1, с. 25].

Количество таблиц и иллюстраций в тексте – не более 4. Таблицы должны быть пронумерованы и иметь тематические названия. Заголовки граф должны точно соответствовать их содержанию и иметь единицы измерения. Цифры в таблицах располагают по центру, единицы размещают под единицами, десятки под десятками и т.д. Сокращения слов в таблицах, за исключением общепринятых, не допускаются.

Иллюстрации должны быть четкими, контрастными, рассчитанными на черно-белую печать без полутонов. В электронном виде иллюстрации предоставляются как внедренные объекты либо отдельными файлами с расширением .TIFF и .JPG с разрешением 300 dpi. В последнем случае имя файла должно содержать номер иллюстрации и ее название.

При первом упоминании лица обязательно указываются инициалы, которые отделяются пробелом от фамилии.

Годы указываются только в цифровой форме: 1920-е гг.; XX в.; XVIII–XIX вв. Годы и века даются только в сокращенном виде: в.; вв.; г.; гг.

Буква *ё* ставится только в тех случаях, когда замена на *е* искажает смысл слова; во всех остальных случаях – только *е*.

Сокращения: *др., пр., т.п., т.д.* даются только в конце предложения. Слова *так как, в том числе, потому что* не сокращаются.

При цифрах используется знак процента или промилле: 30 %; 15‰.

В цифрах миллионы от тысяч и тысячи от сотен отделяются одним пробелом (700 000, 1 560 000) или могут быть заменены соответствующими сокращенными словами: *млрд; млн; тыс.* После слов *млрд* и *млн* точка не ставится.

Названия денежных знаков даются в сокращенной форме, принятой в научной литературе: *долл., фр., р., ф. ст.*, остальные денежные знаки пишутся полностью.

В цитатах используются кавычки-елочки (« »). Если внутри цитаты есть слова, заключенные в кавычки, они должны быть другого начертания: « “ ” ».

Историческая
и социально-образовательная мысль
2015. Том 7 № 7 часть 1

Подписной индекс **26187**
В объединенном каталоге
«Пресса России»

Сдано в набор 21.12.2015
Подписано в печать 21.12.2015
Формат 60x84 1/8. Бумага типографская №1
Печать RISO. Уч.-изд. 114 ст.
Тираж 550 экз.

**Тираж изготовлен на полиграфической базе
Северо-Кубанского гуманитарно-технологического института**

г. Краснодар, мкр. Пашковский, ул. Заводская, 32/301

© Редакция журнала «Историческая и социально-образовательная мысль»